

Е. Г. Кушнарёв
В ПОИСКАХ
ПРОЛИВА

Е. Г. Кушнарев

В ПОИСКАХ
ПРОЛИВА

ПЕРВАЯ КАМЧАТСКАЯ

ЭКСПЕДИЦИЯ

1725—1730

ГИДРОМЕТЕО.
ИЗДАТ

Ленинград

1976

Кушнарев Е. Г.

K96 В поисках пролива. Л., Гидрометеиздат, 1976.
168 с. + илл.

24 января 1775 г. исполнилось 250 лет с начала первой в России крупной морской научной экспедиции: по указу Петра I была сделана попытка решить вековой спор ученых — есть ли пролив между Америкой и Азией (открытие Дежнева оказалось забытым). Эта экспедиция (1725—1730 гг.) имела небывалые по тем временам масштабы: длилась 5 лет, численность достигала 400 человек. На судах, лошадях, пешком 3 года во главе с В. Берингом она двигалась к Камчатке. Затем предприняла плавание, достигла пролива, открыла ряд островов, впервые положила на карту океанские берега. Экспедиция закрепила за Россией эти земли, дала начало их систематическому изучению и освоению. Автор нашел в архиве много не известных ранее документов, которые позволяют дать полное описание экспедиции, исправить множество ошибок, имеющихся в литературе.

Рассчитана на широкий круг читателей.

91 (09)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Причины организации экспедиции, подготовка ее, состав и снаряжение	8
От Санкт-Петербурга до Тобольска	20
От Тобольска до Илимска по Иртышу, Оби и Кети	26
Зимовка в Илимске	30
От Илимска до Якутска	36
По рекам и по суше к Охотску	39
Зимовка в Охотске	50
Через Охотское море и Камчатку	61
К высоким северным широтам	73
Плавание 1729 г. и возвращение в столицу	113
Научные результаты и значение экспедиции	122
Эпilog	143
Примечания (по главам)	150
Список литературных и архивных источников	165

ВВЕДЕНИЕ

В наше время каждый школьник знает, что Азия и Америка разделены проливом, который открыт Дежневым в 1648 г. Но почему же 77 лет спустя, в 1725 г., Петру I пришлось послать экспедицию к этому же проливу? Как и почему родилась идея снарядить такую экспедицию, как готовили ее, кто участвовал в ней и какие трудности преодолевали участники ее в течение трех с половиной лет, чтобы добраться до берегов Чукотки? Что экспедиции удалось сделать и чего она не смогла достичь? Какое место занимает она в истории географических исследований и открытий на Дальнем Востоке, чем отличается от других?

На эти и иные вопросы мы постараемся ответить, опираясь на многочисленные ранее не известные архивные документы.

С давних времен русских людей интересовали бескрайние просторы Сибири. Еще в XIV в. новгородцы хаживали за Уральские горы. Но особенно большой поток землепроходцев устремился на восток после того, как Русское централизованное государство ликвидировало в XVI в. одно за другим Казанское, Астраханское и Сибирское ханства — своеобразные преграды для такого движения. Вслед за отдельными землепроходцами, действовавшими на свой страх и риск, на восток потянулись отряды служилых людей. Чтобы закрепиться на новых землях и обложить местное население данью, они строили остроги и зимовья. Так возникли Тюмень (1586 г.), Нарым (1596 г.), Туринск (1600 г.), Якутск (1632 г.) и другие сибирские города.

Землепроходцы двигались на восток не только сушей, но и морем, вдоль северных берегов Сибири. Плавание морехода Семена Дежнева, одно из самых замечательных, нашло отражение в литературе. Правда, результаты плавания не всегда передавались на картах с достаточной полнотой. Так, например, на чертеже Сибири 1667 г. (Годунова) [1] северо-восточный угол Азии омывается морем, но не нашли на нем места Чукотка, Диомидовы острова и даже река Анадырь, открытые мореходом, а Лена и Колыма передвинуты на восточный берег Азии. Чертеж Сибири 1673 г. обладает такими же неточностями. Полнее всего открытия Деж-

нева отражены на карте-чертеже Петра Миллера, которая включает данные чертежей С. Дежнева и М. Стадухина, не дошедших до наших дней [2, с. 152—172].

С 80-х годов XVII в. в картографии появляется тенденция отрицания или сомнения в возможности плавания из Северного Ледовитого океана в Тихий. Об этом свидетельствует чертеж Сибири 1684—1685 гг. На нем есть итоги плавания Дежнева, но вместе с тем Чукотский полуостров изображен уходящим за рамку чертежа. Таких карт немало. На некоторых из них надписи около мысов, уходящих за рамку, гласят: «Камень конца не имат» (чертеж Сибири 1673 г.), «Непроходимый мыс» (этнографический чертеж Ремезова 1700—1701 гг.). А на чертеже Я. Елчина (1718 или 1719 г.) за рамку уходит юго-восточная часть Камчатки и около нее нанесена надпись: «По сказке камчатского казака Ивана Енисейского с товарищи... между теплым и студеным морями и иноземцы* многия им сказывали, что из моря в море через тое землю пролива не знают». Изображение Камчатки как преграды для плавания из Северного Ледовитого океана в Тихий мы встречаем и на чертеже, обнаруженном в фондах Государственного исторического музея [3]. Отрицание северо-восточного морского прохода характерно и для ряда иностранных карт. Так, на карте 1687 г. голландца Н. Витсена там, где должна быть Чукотка, находится «ледяной мыс, конец которого неизвестен». А на карте Татарии 1706 г. Г. Делиля на крайнем северо-востоке Азии изображен горный хребет с надписью: «Неизвестно, где кончается эта горная цепь и соединяется ли она с каким-либо материком».

Чем же можно объяснить появление карт, на которых плавание Дежнева или не отражалось, или было отражено в искаженном виде? Скорее всего оно, не получив достойной оценки в официальных документах — вопрос о проливе еще не выдвигался самой жизнью, — не было широко известно современникам.

Этому способствовали такие объективные факторы, как отсталость феодально-крепостнической России XVII в. и невысокий уровень географических знаний. Свидетельством того, что подвиг Дежнева при его жизни не получил должного признания, могут служить хотя бы

* Так называли тогда коренных жителей Сибири.

челобитные самого Дежнева: много раз обращался он к царю с просьбой выдать ему заслуженное за долгие годы жалованье и повысить в звании. В челобитной 1660 г. он писал: «Служил тебе, великому государю ... без твоего государева денежного и хлебного жалованья... всякую нужду и бедность терпел и сосновую и лиственную кору ел и всякую скверну принимал — двадцать один год» [4, с. 150]. В конце концов ему выдали вместо положенных 128 рублей только 38, некоторое количество сукна и произвели его, как он просил, в казачьи атаманы.

Из-за отсутствия четкой официальной оценки открытия при нанесении береговой линии на карты пользовались не только чертежом Дежнева и Стадухина, но и устными рассказами мореходов, а это не могло не способствовать появлению неточностей в передаче результатов плавания.

Воспоминания о Дежневе стирались и вследствие того, что открытая С. Моторой и М. Стадухиным (через год после похода Дежнева) сухопутная дорога на Анадырь стала единственным путем на восток. К тому же неудачные попытки повторить плавание Дежнева давали все новую пищу для сомнений, все более утверждалось мнение, что на крайнем северо-востоке Азии находятся «непроходимые» мысы. Попав на карты, эти мысы в свою очередь укрепляли представление о том, что между материками на севере нет морского прохода.

К концу XVII — началу XVIII в. и имя первооткрывателя и обстоятельства плавания погребаются в недрах архивов. Во всяком случае, уже в 1698 и 1700 гг. в таких важных документах, как грамоты якутскому воеводе Траурнихту, нет и речи об открытии Дежнева; в них предписывается выяснить, возможно ли плавание вдоль берегов Сибири от Лены на восток до Колымы. Еще с большей убедительностью вывод о забвении плавания Дежнева подтверждает Первая Камчатская экспедиция Беринга. И сама идея ее, и многочисленные документы экспедиции свидетельствуют о том, что ни Петр I, ни члены Адмиралтейств-коллегии, ни Беринг и его спутники (а среди них были такие старожилы Сибири, как Треска и Соколов, открывшие в 1716 г. морской путь через Охотское море на Камчатку, как Федор Лужин, который уже участвовал в экспедиции на

Камчатку и Курильские острова), ни многие сибиряки — никто не знал о плавании Дежнева.

Таким образом, к 20-м годам XVIII в. выдающееся открытие морехода было забыто, о проливе же между Азией и Америкой существовало два противоположных представления. Положить конец этой неопределенности и должна была Первая Камчатская экспедиция.

В упомянутых грамотах Траурнихту была намечена обширная программа исследований: Петра интересовали новые земли, неизвестные народы, рудные богатства Сибири, возможности плавания вдоль северных берегов Сибири.

В процессе реализации этой программы выявилось глубокое противоречие между широтой замыслов и ограниченностью средств. Такие большие задачи нельзя было решать по-старому, с помощью мелких плохо снаряженных партий.

В 1716 г. организуется гораздо более крупная, чем прежние, экспедиция на Дальнем Востоке — Большой Камчатский наряд. Она должна была исследовать Камчатку, Чукотку, послать из устьев Анадыря и Колымы суда на поиски островов и «матерой земли» против Чукотки. Было собрано до 200 человек, заготовлено много продовольствия и материалов. Однако и эта экспедиция мало чем отличалась от прежних: имела местный характер (инструкцию написал сибирский губернатор, а руководил ею якутский воевода Я. А. Елчин), не располагала учеными, не было четкого плана действий и достаточных средств. Лучшим свидетельством этого служит хотя бы тот факт, что посланный организовать плавание к Большой земле (Америке) мореход Нагибин должен был построить судно на свои личные средства. По-старому (на основе распросных данных, с большими неточностями, без градусной сетки) был составлен Елчиным и упоминавшийся чертеж северо-восточной Азии. Неудача экспедиции наглядно показала, что дело не только в масштабах предприятия и замыслов.

Это была последняя экспедиция, организованная в духе старых традиций.¹

Первой научной экспедицией стала экспедиция И. М. Евреинова — Ф. Ф. Лукина, посланная Петром I на поиски драгоценных металлов на Курильских островах. Во главе ее стояли геодезисты, получившие образование в Морской академии, она располагала необ-

ходимыми инструментами, посылало ее центральное правительство. Но геодезисты были плохо снабжены, плавали на утлом суденышке и лишь чудом избежали гибели. Карта Сибири, составленная экспедицией, была точнее, чем прежние. Эта экспедиция имела лишь элементы нового, но по существу она носила переходный характер.

Только Камчатская экспедиция 1725—1730 гг. оказалась первой крупной морской научной экспедицией на Дальнем Востоке. Инициатором ее также был Петр I. Общее руководство ею осуществляли Адмиралтейств-коллегия и Сенат. Правительство затратило на нее значительные суммы. По задачам и составу участников, по снаряжению, методам работы и конечным результатам экспедиция была в полном смысле научной. И своими масштабами она резко отличалась от всех предыдущих русских экспедиций. Заслуга в организации и проведении Первой Камчатской экспедиции, отправившейся на восток до начала деятельности Академии наук, принадлежит регулярному военному флоту, уже прославившему себя блистательными победами. Участие военных моряков в мирных исследованиях стало впоследствии традицией.

Первая в России крупная морская научная экспедиция занимает важное место в истории русской науки. Без изучения ее невозможно было бы составить полного представления об истории открытия и освоения Дальнего Востока.

ПРИЧИНЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕДИЦИИ, ПОДГОТОВКА ЕЕ, СОСТАВ И СНАРЯЖЕНИЕ

Вопрос о причинах и задачах экспедиции [6] является, пожалуй, одним из самых запутанных.

С давних времен эту экспедицию считали географическим предприятием. Впервые этот взгляд высказал Петр I. Написанная им инструкция гласила:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом тамо же месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах [плыть] возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля — часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной кюст [берег] называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюда» [7, с. 59].

Таким образом, целью экспедиции было исследование Азиатского побережья севернее Камчатки и поиск места, где Азия «сходится» с Америкой. Затем, чтобы убедиться, что открыта именно Америка и связать на карте открытые земли с уже известными, нужно было дойти до любого из европейских владений (или до места встречи с каким-либо европейским кораблем). Следовательно, непосредственной целью экспедиции было решение многовековой географической загадки о соотношении материков на севере.

Так понимали задачу участники экспедиции, ученые того времени И. К. Кирилов и Г. Ф. Миллер, члены Сената и Адмиралтейств-коллегии, большинство ученых в последующие века. Сторонником этой точки зрения в советское время был академик Л. С. Берг [8, с. 60], преувеличивавший заслуги Лейбница, которого считал инициатором экспедиции². Но проблема пролива возникла в очень далекие времена. Уже в XIII в. арабские ученые считали возможным плавание из Тихого в Ледовитый океан. В 1492 г. на глобусе Бехайма Азия была отделена от Америки. В 1525 г. мысль о существовании пролива высказал русский посланник в Риме Дм. Гера-

симов. С XVI в. на многих картах мы находим под названием «Анианский» тот же самый пролив. Но на некоторых картах, указанных, например, выше, материки соединялись. Такой разницей свидетельствует о том, что точных сведений о проливе не было и что решить эту загадку следовало опытным путем. Лейбниц же одним из первых (1697 г.) указал, что именно русские должны решить эту географическую загадку, и с похвальной настойчивостью неоднократно повторял свою мысль [11, с. 192]. Так, в 1716 г., когда Лейбниц и Петр жили несколько дней в Пирмонте (Брауншвейг), этот вопрос затрагивался в их беседах. Ученый писал: «... главный его [Петра I] интерес сосредотачивается на всем, что относится к мореплаванию... Я надеюсь, что через него мы узнаем, соединена ли Азия с Америкой» [12, с. 187].

Существовал и другой вариант объяснения того, почему и с какой целью была организована экспедиция, и принадлежал он Петру I. Дело в том, что царь, будучи трезво мыслящим крупным государственным деятелем, едва ли предпринял бы дорогостоящую экспедицию из простой любознательности, тем более что страна была истощена длительными войнами. Конечной целью исследования было открытие Северного пути. И тот факт, что об этом ничего не сказано в инструкции, скорее всего можно объяснить намерением Петра I использовать результаты экспедиции в дальнейшем.

О практическом отношении Петра I к экспедиции говорит Джон Перри. В книге, изданной в 1716 г. по возвращении из России в Англию [13, с. 40—41], он пишет, что царь собирался послать экспедицию, чтобы определить, возможно ли плавание вдоль северных берегов Сибири до Китая и Японии.

Еще более убедительное подтверждение утилитарного отношения к экспедиции дает проект Ф. С. Салтыкова (1713—1714 гг.), что видно из самого его названия: «О изыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Омурского устья и до Китая», а также проект А. А. Курбатова (1721 г.), предлагавшего из реки Оби и прочих сыскать путь по морю и организовать плавание в целях торговли с Китаем и Японией.

Высказывались и явно неправильные взгляды. Так, А. А. Покровский [14, с. 21] утверждал, что целью экспедиции было «проехать береговой линией Амери-

канского материка до какого-либо европейского города» и установить торговлю с ним. Самым северным из европейских владений в Америке была Мексика, принадлежавшая Испании, значит, заключал он, конечной точкой плавания являлась Мексика. Ученого не смущало, что экспедиция не имела ни товаров, ни денег для торговли и что к берегам этой части Западной Америки тогда не мог пристать ни один иностранный корабль без особого разрешения короля Испании [15, ч. VII, с. 524].³ Кроме того, взяв снаряжения всего на один сезон, мореплаватели не могли плыть в Мексику, так как не успели бы за одно лето дойти до пролива, затем до Мексики и вернуться к своим берегам. А зимой плавание по бурному океану тогда исключалось.

«Мексиканской версии» придерживались и другие ученые, в том числе А. И. Андреев⁴ и Д. М. Лебедев⁵.

Чрезмерно широкое толкование задач экспедиции мы встречаем у М. И. Белова. Он полагает, это экспедиция, помимо выяснения вопроса, соединяются ли материки, «одновременно решала и связанную с ним... задачу — можно ли плавать из Архангельска в Тихий океан и Америку» [19, с. 53]. В действительности моряки должны были не искать путь в Америку, а выяснить, существует ли пролив, и таким образом лишь в конечном счете содействовать решению более крупной проблемы (открытию Северного морского пути).

Особую позицию занимает В. И. Греков, который считает, что экспедиция не имела отношения к проливу, а должна была плыть в Америку и узнать, кто там живет. Но это совершенно не вяжется с инструкцией Петра I и другими документами.⁶

Еще один взгляд, резко отличающийся от уже упомянутых, высказал Б. П. Полевой: экспедиция Беринга должна была решить вопрос не о проливе между материками, а о соединении мифической земли «де Гамма» с Америкой с целью захвата северных районов последней и для этого обязана была плыть не на север, а на восток, возле южного побережья земли «де Гамма» [21, с. 88—92]. Точку зрения Б. П. Полевого приняли на веру авторы солидного труда по истории Сибири [22, с. 162].

Если поверить А. А. Покровскому, В. И. Грекову или Б. П. Полевому, то нужно констатировать провал экспедиции, так как моряки не только не открыли путь в Аме-

рику, но не сделали ни малейшей попытки к тому. За такое отношение к инструкции грозил суд и суровое наказание вплоть до смертной казни. Именно к смерти был приговорен в 1745 г. Шпанберг (правда, царица заменила ему казнь разжалованием в подпоручики) за то, что самовольно уехал из Сибири. Беринг же получил повышение в звании, денежную награду и был назначен начальником новой экспедиции.

Первым, кто приблизился к правильному пониманию вопроса о причинах посылки экспедиции, был К. М. Бэр. Лишь 100 лет спустя его взгляд поддержал и развил А. В. Ефимов [5, с. 34—40, 164—165]. Однако он преувеличил угрозу границам России на Востоке в связи с колонизацией Северной Америки. В начале XVIII в. обширная территория на северо-западе Америки была не только не захвачена европейцами, но даже не открыта, а между Америкой и русскими землями в Азии лежали никем еще не пройденные бескрайние просторы Великого океана. Никто, кроме русских, не знал морских путей к Камчатке, и еще долгое время в инструкциях мореплавателям строго предписывалось скрывать эти пути от иностранцев.⁷ Не в пользу точки зрения Ефимова свидетельствует и история.⁸

Преувеличивает возможную угрозу восточным границам государства В. А. Дивин, считая ее одной из главных причин организации Первой Камчатской экспедиции. «Укрепить безопасность границ государства, — говорит он, — можно было, лишь... открыв и освоив новые земли, не занятые европейцами, в северной части Тихого океана» [25, с. 43].⁹ Однако последующие события (продажа за бесценок Аляски и островов в северной части Тихого океана) свидетельствуют как раз о том, что обладание этими землями лишь осложняло оборону восточных границ России.

Каковы же истинные причины организации Первой Камчатской экспедиции?

В начале XVIII в. в России имел место подъем в различных сферах материальной и духовной жизни. Значительного уровня развития достигло кораблестроение, были созданы регулярные флот и армия, крупных успехов достигла культура, были учреждены школа математических и навигацких наук с астрономической лабораторией, морская академия, готовившие мореплавателей и кораблестроителей, основано значительное число

общеобразовательных школ — цифирных, «малых адмиралтейских», артиллерийских для матросских детей и др.

В результате к концу первой четверти XVIII в. страна располагала материальными средствами, кадрами кораблестроителей, мореплавателей и была в состоянии организовать крупную морскую научную экспедицию. Однако это были всего лишь возможности. Превращение их в действительность обуславливалось потребностями экономики и политическими факторами.

С XVII в. начался новый период в истории страны, который характеризовался постепенным экономическим слиянием отдельных областей и земель в единое целое. Возрастал спрос на заморские товары (чай, пряности, шелка, красители), которые поступали в Россию через вторые и третьи руки и продавались втридорога. О стремлении России установить прямые связи с внешними рынками свидетельствуют попытки найти речные пути в Индию, посылка кораблей с товарами в Испанию, подготовка экспедиции на Мадагаскар и т. д. Перспективу же прямой торговли с Китаем, Японией и Индией тогда чаще всего связывали с Северным морским путем.

Большое значение имел также все ускоряющийся процесс первоначального накопления капитала, причем роль драгоценных металлов играло «мягкое золото» — пушнина — составлявшее важный источник частного обогащения и существенную статью государственного бюджета. Чтобы увеличить добычу пушнины, нужно было искать новые земли, тем более что в конце XVII в. уже истощились пушные богатства ранее освоенных районов.

Из вновь заселяемых земель вывозили меха, моржовую кость и другие ценности, туда же доставляли хлеб, соль, железо. Однако транспортировка грузов сушей была сопряжена с невероятными трудностями. Цена хлеба, доставленного из Якутска в Охотск, увеличивалась даже в конце XVIII в. более чем в десять раз.¹⁰ О Камчатке не приходится и говорить. Воистину получалось: «За морем телушка — полушка, да рубль перевоз». Требовалось открыть новый, более удобный путь. И мысли современников снова обращались к северной морской трассе.

Россия стала огромной державой, простиравшейся от берегов Балтийского моря до Тихого океана. Под натиском отважных землепроходцев и мореходов terra incognita «отступила» в северо-восточный угол Азии. Здесь

на протяжении тысяч километров никто еще точно не знал морских очертаний континента. Нужно было четко зафиксировать их на картах, земли в пределах этих границ освоить и закрепить за Россией, в случае наличия пролива начать плавание Северным морским путем к восточным берегам своей страны и в другие государства Тихоокеанского бассейна.

Это подталкивает донесение Сената царице (18 января 1727 г.)¹¹ в связи с подготовкой экспедиции Афанасия Шестакова, имевшей целью закрепить за Россией земли к западу от морских границ, которые должна была исследовать Первая Камчатская экспедиция. Эти экспедиции как бы дополняли одна другую, и руководителям их Сенат предписывал: «Где случится... друг другу помогать».

О важности описания освоенных земель и открытия новых говорилось и в уставе Академии наук: «Мореплаватели будут искуснее в государстве, которые не токмо описания всех земель подлинные сочинить, но иногда и неизвестные изобретать могут» [28, с. 9].

Наконец, стимулом для организации экспедиции было и стремление к познанию. Петру I и его сподвижникам хотелось, чтобы их страна, занявшая уже одно из ведущих мест в политической жизни Европы, была в числе передовых и в области развития культуры и науки. Они понимали, что решение вопроса о проливе, живо интересующего ученых всего мира, сделает немалую честь русской науке.

О том, какой интерес проявляли иностранные ученые к этой географической загадке, говорит, например, следующий факт. Во время пребывания Петра I во Франции (1717 г.) Парижская академия обратилась к нему с предложением организовать французскую сухопутную экспедицию, которая бы выяснила, существует ли пролив между Азией и Америкой. Вряд ли это предложение следует рассматривать как действительное намерение французов: им гораздо легче было отправить морем такую экспедицию. Можно предположить, что французы хотели лишь подчеркнуть значение проблемы и подтолкнуть русских к разрешению ее. Зная, с каким трудом преодолели территорию Сибири русские, мы можем твердо сказать, что если французская экспедиция и была снаряжена, она неминуемо окончилась бы провалом.

Царь ответил отказом, заявив, что сам собирается

послать такую экспедицию. Почему же она откладывалась?

Главной причиной отсрочки были длительные войны, требовавшие громадных расходов. Неслучайно в проекте И. К. Кирилова 1734 г. говорится об экспедиции: «И хотя желание е. в. было, но не допускали в действо произвести военное время и низовой поход» [29, с. 289].

Но даже в годы напряженной борьбы за выходы к морям царь не забывал о крайнем северо-востоке страны. В инструкции Евреинову и Лужину (1719 г.) Петр I приказал «описать тамошние места: сошлася ль Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать не только сьид и норд, но и ост и вест, и все на карту исправно поставить» [17, с. 5]. О том же свидетельствует показание современника Петра I Ф. И. Соймонова, относящееся ко времени войны с Персией (1722—1723 гг.).¹²

Возможно, непосредственным толчком для снаряжения экспедиции послужили пограничные споры. Обер-секретарь Сената И. К. Кирилов рассказывает, что Петр I, будучи в Сенате в декабре 1724 г., пожелал видеть «ландкарты сибирских земель». Кирилов обратил внимание Петра на расхождение карты Евреинова — Лужина и иностранной карты 1721 г., составленной по данным французских миссионеров за 1708—1710 гг. Тогда царь повелел положить обе карты на общий лист. Кирилов выполнил эту работу и преподнес Петру новую карту. Экземпляр этой карты, по-видимому, был в распоряжении экспедиции Беринга [29, с. 289].¹³ Рассказ Кирилова опровергает версию с картой Гомана, которую выдвинул Б. П. Полевой.

Во всяком случае, буквально через год после персидского похода, когда страна еще не оправилась от войны, длившихся почти непрерывно 28 лет, Петр снова вернулся к мысли об экспедиции. И в высшей степени знаменательно, что в один день (23 декабря 1724 г.) он подписал два указа: одним повелевал ускорить составление карт всех губерний и уездов, а другим — организовать Первую Камчатскую экспедицию.

Это был первый (из сохранившихся) официальный документ об экспедиции. В нем пять пунктов, каждый из которых включает распоряжение Петра и ответ Адмиралтейств-коллегии. Против некоторых пунктов рукою

царя сделаны пометки на полях. Вот полный текст указа [33, л. 110—111]:

«1. Сыскать геодезистов тех, которые были в Сибири и приехали.

По справке с сенатом посланы в Сибирскую губернию геодезисты: Иван Захаров, Петр Чичагов, Иван Евреинов (умре), Федор Лужин, Петр Скобельцын, Иван Свистунов, Дмитрий Баскаков, Василий Шетиллов, Григорий Путилов.

2. Сыскать ис поручиков или ис подпоручиков морских достойного, ково с ними послать в Сибирь на Камчатку.

По мнениям вице-адмирала Северса и шаутбенахта Синявина, из морских поручикам Станберху [Шпанбергу — Е. К.], Звереву или Косенкову, подпоручикам Чирикову или Лаптеву оная экспедиция годна. А не худо, чтоб де был над ними командир ис капитанов, Беринг или фон Верд, понеже Беринг в Ост-Индии был и обхождение знает, а фон Верд был штурманом.

3. Сыскать ис учеников или ис подмастерьев, когрой бы мог тамо зделать с палубою бот по здешнему примеру, какие есть при больших кораблях. И для того с ним отправить плотников 4, с их инструменты, которые б моложе были, и одного квартирмейстера и 8 человек матросов.

Ботовой ученик Федор Козлов имеется, которой по чертежам боты с палубами и без палуб делать может. [Пометка Петра: «Зело нужно штурмана и подштурмана, которые бывали в Нордной Америке».]

4. И по той пропорции отпустить отсюда в полтора [Пометка Петра I: «Вдвое»] парусов, блоков, шхив, веревок и прочаго, и 4 фальконета с надлежащею амунициею, и одного или 2 парусных швецов.

Такелаж отпустится. [Пометка Петра: «Протчее все хорошо».]

5. Ежели таких штурманов во флоте не сыщется, то немедленно писать в Голландию, чтоб прислали 2 человек, знающих море к северу до Японии, и чтоб оные присланы были чрез ардинарную почту.

Вице-адмирал Северс письменно показал: штурманы такие из флотских, ежели сыщутся, немедленно пришлет.

Декабря 23 дня
1724 году».

Из тех, кто участвовал в экспедиции, в указе упомянуто шесть человек: Беринг, Шпанберг, Чириков, Лужин, Путилов и Козлов. Из указа явствует, что Петр не собирался посылать с экспедицией старшего офицера и что предложение об этом было высказано коллегией на основании мнения П. Сиверса и М. Сенявина. В литературе нередко особо подчеркивается то, что Беринг побывал в Ост-Индии.

Обращает на себя внимание требование Петра сыскать штурмана и подштурмана, ходивших в Северную Америку. Но вряд ли таких штурманов вообще можно было найти. В экспедиции участвовали два штурмана — англичане Морисон и Энзель. Трудно сказать, где они плавали раньше, но доподлинно известно, что ни одному из них не пришлось идти к проливу с Берингом.

Рядовых участников экспедиции подбирали на Балтийском флоте, причем по принципу, ставшему впоследствии традиционным: брали охотников из русских, самых молодых и здоровых. В литературе, посвященной экспедиции, не известен полный список руководящего состава ее, не говоря о рядовых и даже об общем числе участников экспедиции.¹⁴

По архивным документам удалось установить, что из Петербурга вышло в путь 34 человека (включая Беринга), а вместе с присоединившимися в Сибири солдатами и мастеровыми стало более 140 человек; если же прибавить рабочих людей, то число участников экспедиции порой приближалось к четырем сотням.

Из кого же состояло основное ядро экспедиции, укомплектованное в Петербурге?

Капитан Витус Беринг;
лейтенанты Мартын Шпанберг, Алексей Чириков;
гардемарин Петр Чаплин (а не мичман, как пишет В. А. Дивин);
штурманы Джордж Морисон, Ричард Энзель;
геодезист Григорий Путилов (его ошибочно называли иногда Потулов);
лекарь Вилим Буцковский (его почему-то называли Ниман);
писарь Семен Турчанинов;
подмастерье мачтового дела Иван Ендогуров;
ученик ботового дела Федор Козлов.

Вот краткие данные о начальнике экспедиции. Витус Ионссен (Иван Иванович, иногда его называли —

по созвучию — Витязь) Беринг — датчанин по происхождению, родился в 1681 г., на русскую военно-морскую службу принят в 1703 г. в Амстердаме и в звании подпоручика назначен на Балтийский флот. В 1710 г. в связи с войной против Турции переведен на Азовский флот, где получил звание капитан-лейтенанта. В 1712 г. возвращен на Балтику. Непосредственного участия в боевых действиях не принимал, но бывал в крейсерских плаваниях. В 1715 г. был послан в Архангельск, где принял в командование построенный там 52-пушечный корабль «Селафаил» и привел его в Копенгаген. В 1716 г., командуя кораблем «Перл», плавал в составе союзного флота к Борнхольму. В 1715 г. ему было присвоено звание капитана 3 ранга, а через три года — капитана 2 ранга.

После заключения Ништадтского мира, когда в 1722 г. награждали участников Северной войны, Беринг не получил повышения в звании. Обидевшись, он подал в Адмиралтейств-коллегию 20 января 1724 г. прошение об отставке и об отпуске «во отечество свое», а через месяц повторил его. Свою просьбу, как явствует из документов архива, он мотивировал тем, что служит в русском флоте более 20 лет, в том числе 9 лет капитаном, и тем не менее, писал он, «оставлен [лишен] я прибавочным жалованием пред некоторыми из моей братьи [сослуживцев] младшим капитаном, которые гораздо моложе меня службою, и некоторыми всегда я команду имел... которое весьма причитаю себе в великую прискорбность... а посему состою в великом сумнительстве, не ожидая себе лучшего анкуражементу» [34, л. 85, 86].

26 февраля 1724 г. Беринг ушел в отставку, получив чин капитана 1 ранга и два оклада на проезд на родину. Но в Данию он не поехал, а поселился в Выборге.

Однако Беринг уже спустя 5 месяцев, по-видимому, через своего земляка — вице-адмирала П. Сиверса и зятя контр-адмирала Т. Сандерса, обратился к Петру I с просьбой снова принять его на службу в звании капитана 1 ранга. 5 августа Петр I отдал устное приказание президенту Адмиралтейств-коллегии Ф. М. Апраксину о возвращении Беринга во флот. 18 августа моряка вызвали в коллегию и спросили, действительно ли он хочет вернуться на службу. Беринг письменно подтвердил готовность служить государю, «покорнейше благодарил» его за разрешение вернуться на флот в новом звании, добавив в конце: «Но токмо покорно прошу дабы мне

в старшинстве обиды не было». В тот же день Адмиралтейств-коллегия приняла решение, подписанное генерал-адмиралом Апраксиным и членами коллегии, вернуть Витуса Беринга на службу. А 3 октября «при собрании коллегии» у Беринга была принята присяга и он отправился в Кронштадт в распоряжение командующего Балтийским флотом, где был назначен на 90-пушечный корабль «Лесное», которым он командовал до ухода из флота.¹⁵

Таким образом, благодаря кратковременной отставке Беринг получил то, в чем ему было отказано, когда он находился на службе, — чин капитана 1 ранга.

Но не службой на Балтийском и Азовском морях и не боевыми заслугами знаменит Витус Беринг. Славу ему принесли две крупнейшие морские научные экспедиции в Тихом и Ледовитом океанах. Из 38 лет, которые Беринг служил России, 16 лет он посвятил этим экспедициям.

Много способных офицеров было в русском военном флоте, но именно Беринг взялся за руководство небывалой в те времена Первой Камчатской экспедицией и, несмотря на все трудности, довел ее до конца. Как бы высоко мы ни оценивали заслуг Чирикова или других его помощников, главная роль принадлежит, конечно, руководителю. И то, что в интересах объективного освещения истории Первой Камчатской экспедиции в этой книге будут отмечены отдельные недостатки и просчеты в действиях Беринга, отнюдь не означает отрицания его заслуг.

В архивах не удалось обнаружить сведений о том, почему из двух кандидатов на пост начальника выбрали именно Беринга. Скорее всего, он был обязан назначением все тому же Сиверсу. Г. Ф. Миллер, участник Второй Камчатской экспедиции, хорошо знавший подробности комплектования экспедиции 1725—1730 гг., указывал, что Беринг сам предложил свою кандидатуру [35, л. 7].¹⁶ Вероятно, такое решение Беринга можно объяснить тем, что он надеялся приобрести на Камчатке за бесценок меха. Именно для обмена на пушнину он и Шпанберг, как мы увидим ниже, возили с собой большое количество продовольствия. И арест личного багажа Беринга в Сибири подтверждает это. Во всяком случае, одним из главных мотивов его дальнейшей службы было желание дослужиться до звания контр-адмирала и обес-

печить семью и свою старость. Не случайно позже в письме могущественному временщику Остерману Беринг писал: «Я 37 в службе нахожусь и в состояние не пришел, чтоб на одном месте для себя и фамилии своей дом иметь мог, и яко кочующий человек живу». При этом Беринг просил Остермана даже освободить его от экспедиции (письмо от 20 апреля 1741 г. из гавани Петра и Павла).¹⁷

Набор рядовых участников начался с первых дней января 1725 г. и к 8 января был закончен. Всего с восьми боевых кораблей эскадры Балтийского флота, стоявших в Кронштадте, были приняты квартирмейстер и 13 матросов, а из Санкт-Петербургского адмиралтейства — девять мастеровых. Таким образом, рядовых было принято в экспедицию в столице всего 23 человека, т. е. на 8 человек больше, чем намечалось по царскому указу.¹⁸

Президент Адмиралтейств-коллегии генерал-адмирал Апраксин, которому Петр I поручил общее руководство снаряжением экспедиции, естественно, не мог вникать в подробности. Возглавить подготовительные работы должен был начальник. А так как Беринг уехал в отпуск к семье в Финляндию,¹⁹ то все заботы легли на лейтенанта Алексея Ильича Чирикова. В столице следовало брать лишь то, чего нельзя было найти в Сибири, а остальное — как можно позже, ближе к Камчатке. В архиве сохранились перечни всего, что было взято в столице. В частности, через всю страну пришлось везти 6 якорей весом от 9 до 11 пудов, 8 трехфунтовых фальконетов, 30 ядер, 90 дрейфаглов,* 24 ружья, шпаги и pistols; 9 компасов, 6 лотов, четырехчасовые, получасовые, двухминутные и полминутные склянки (песочные часы), такелаж, паруса, парусину и многое другое [39, л. 2—5]. Не забыли взять морской устав и сундук «с надлежащими медикаментами».

Видимо, предчувствуя задержки, Чириков уже в начале января начал хлопоты, связанные с получением обмундирования. Из документов явствует, что матросов в русском военном флоте в те времена очень неаккуратно снабжали одеждой. По сообщению Чирикова, некоторым из них в начале 1725 г. не выдали вещи за

* Сдвоенные ядра, служившие для поражения рангоута и такелаж.

1722 и 1723 гг. Даже по специальному указу Адмиралтейств-коллегии получить обмундирование оказалось не так просто. Почти полмесяца тянулась переписка, пока наконец за 5 дней до выхода в путь не последовало разрешение «выдать». Но на складах многое отсутствовало и матросам недодали бостроги*, «кафтаны со штанами канифасными и подкладкой хрящевою 18 пар, сапогов по паре на 2 года» и др. Поэтому Чириков потребовал срочно сшить недостающее обмундирование.

21 января Адмиралтейств-коллегия принимает решение о том, чтобы участникам экспедиции выдали жалованье за 1725 г. и продовольствие²⁰ по май 1725 г., а также отпустили 750 рублей для найма лошадей до Тобольска [37, л. 40—43, 94, 96, 111—116; 40, л. 19, 25, 26].

Теперь можно было отправляться в дорогу.

ОТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ДО ТОБОЛЬСКА

Воскресным зимним днем, 24 января 1725 г., в одиннадцатом часу длинный обоз из 25 саней медленно выполз из адмиралтейского двора и двинулся в далекий многотрудный путь. Предстояло преодолеть почти 10 тысяч верст. Все знали, что путешествие будет нелегким, но никто не мог даже приблизительно представить себе, что оно окажется таким невероятно тяжелым и долгим.

Это был основной отряд экспедиции: 27 человек во главе с Чириковым и все экспедиционные грузы. В столице оставались еще Беринг, Шпанберг, два штурмана и три матроса.²¹

Через несколько дней после выхода первого отряда скончался Петр I. Но это не угрожало экспедиции срывом: для преемницы престола и соратников царя его последняя воля была законом.

Чтобы известить об экспедиции сибирского губернатора и обязать его оказывать ей помощь, 30 января 1725 г. в Сибирь был отправлен указ императрицы. Он имел слишком общий характер. Поэтому по просьбе Беринга через два дня был послан второй указ, в котором перечислялись все виды помощи, необходимой экспеди-

* Предшественник бушлата.

ции. В частности, губернатору надлежало выделить солдат для несения караула, плотников и кузнецов, а также различные материалы для постройки судов, «денежное и хлебное жалование» на 1726 г. [39, л. 7—8].

4 февраля Берингу вручили инструкцию [7; 39, л. 14—15] Адмиралтейств-коллегии, в которой говорилось:

«1. По указу е. в. г. и. велено вам ехать в назначенную экспедицию и что там чинить, о том вам дана инструкция, писанная блаженные и вечно достойные памяти е. и. в. собственной рукою.

2. Для исправления [исполнения] оной экспедиции велено послать с вами — и послано — морских и адмиралтейских служителей, обер- и унтер-офицеров и рядовых 33 человека и с ними отправлено от адмиралтейства морских и артиллерных и прочих припасов и тараклажа надлежащее число.

3. Денежное жалование вам и команды вашей служителям по 725 год послано с вами надлежащее число суммою сполна, и для записки приходу и расходу дана прошнурованная за печатью книга, которую производить вам всем команды вашей служителем на сей 725 год по заслужении третей по окладам их, как регламент повелевает.

4. А на 726 год о производстве вам и команде вашей служителем, будучи тамо, денежного и хлебного жалования, тако же и что потребно будет ко исполнению оной экспедиции лесов и досок, железа и смолы, конопати и прочего и в прибавку посланным от Санкт-Петербурга мастеровым людям кузнецов и плотников и для караула солдат и что потребно будет компании морского провианта, тако ж и о вспоможении во всем ко исправлению по данной вам инструкции — к тамошнему губернатору от Правительствующего Сената послано с вами же два указа, которые по прибытии подать вам оному губернатору немедленно и, что будет потребно, требовать вам по тем посланным с тобою указам от него.

5. На платеж прогонов и на всякие приключившиеся в пути и по прибытии тамо нужнейшие расходы послано с вами денежной казны 1000 р. и для записки дана прошнурованная книга.

6. А от Вологды до Тобольска на ямские и уездные подводы даны вам по указу от ямской канцелярии две

подорожные, а на уездные — к управителям о даче подвод дан от Сената с прочетом указ, по которому, имея вам надлежащие подводы, платить прогонные и поверстные деньги по указу, записывая их в помянутую прошнурованную книгу.

7. Тако ж послана с вами для известия тамошних мест сочиненная в 1721 году карта²² и, ежели по вашему усмотрению по прибытии туда потребно будет в помощь геодезистов, взять вам из обретающихся тамо одного или двух человек.

8. С вами же послано о присяге клятвенных обещаний 34, и когда с командою своею соединитесь, велеть по оным каждому подписатца своеручно, а которые грамоте не умеют, велеть вместо их приложить и оные по подписании, при доношении, прислать в адмиралтейскую коллегию немедленно.

9. По отправлении из Санкт-Петербурха до назначенного места и по прибытии туда и что у вас будет во исправлении оной экспедиции чиниться, иметь вам журнал и в адмиралтейскую коллегию присылать рапорты помесячно.

Генерал-адмирал граф Федор Апраксин
февраля 3 дня 1725 г.»

Эта инструкция, как мы видим, исходит из петровской и не затрагивает задач и направления плавания экспедиции. В большинстве пунктов ее перечислено то, что уже было выполнено.

После вручения инструкции Берингу Апраксин в тот же день как бы в подкрепление указа Сената посылает сибирскому губернатору письмо от себя лично. «... Отправился отсюда в Сибирь, — пишет он, — морского флота капитан Беринг (с порученною командою), изволите принять благополучно, и в потребностях его к той экспедиции прикажите чинить ему всякое вспоможение, чтоб в действо произведена была неотменно; понеже в оной заключается немалое дело» [33, л. 113].

5 февраля 1725 г. Беринга вызвали в царский дворец и Екатерина I вручила ему последний и самый важный документ: инструкцию, написанную Петром.

На следующий день, погрузив личный багаж на 8 саней, Беринг с тремя иностранцами на русской службе и тремя матросами отправился налегке догонять отряд Чирикова.

Отряд Чирикова 7 февраля прибыл в Вологду, до которой было, как считалось, 620 верст. В среднем проходили около 45 верст в день. Через неделю здесь появился и Беринг, а еще через два дня все вместе двинулись дальше.

Оставили позади-Великий Устюг, Сольвычегодск, Соликамск. Затем миновали Верхотурье, Туринск, Тюмень и, пройдя всего 2659 верст, прибыли в главный город тогдашней Сибири — Тобольск. Город, отмечает Чаплин, находится на 58°05' с. ш., на крутой высокой горе над рекой Иртыш. Ширина реки 300 саженьей.

Беринг сразу же вручил губернатору все указы и полный список членов экспедиции с перечнем их окладов. А через два дня, посоветовавшись со своими офицерами, сочинил и подал в Тобольскую губернскую канцелярию «доношение», содержащее различные требования. Особенно настоятельно он просил дать 24 солдат и двух пушкарей, «которым быть на море... понеже, — писал он, — морских служителей со мною малое число, которыми на двух ботах на море не управитца» [39, л. 27, 28]. Для постройки ботов и лодок он просил выделить «добрых плотников 60 человек», семь кузнецов, двух бочаров, токаря и печника с соответствующими инструментами. Морского провианта потребовал на 60 человек на один год: сухарей 879 пудов, пива 195 ведер, рыбы 78 пудов, крупы овсяной 195 пудов, гречневой — 94 пуда, гороху — 195 пудов, масла коровьего — 117 пудов, вина 121 ведро и т. д. Всего около 2 тысяч пудов [36, л. 211]. Сухопутного — на всех на 2 года (Беринг надеялся, что экспедиция продлится три года). При этом он подчеркивал, что «во оных местах кроме рыбы никакого провианта не имеетца и огородных овощей никаких не садят». Испрашивались также различные необходимые материалы, в том числе 300 пудов железа и 3 пуда укладу (сталь для лезвий). Здесь, как и всюду дальше, он старался строго придерживаться правила: не брать с собой ничего из того, что можно взять позже, ближе к Камчатке.

Сибирский губернатор Долгоруков, подготовленный указами Сената и письмом Апраксина, обещал всяческое содействие. Но тут же предупредил Апраксина о предстоящих трудностях и даже высказал сомнение в успехе экспедиции: «Того ради мною, не втуне [без результата] ль может возвратиться...» [36, л. 207].

Моряки сначала собирались использовать зимнюю дорогу. Но вскоре, поняв, что вряд ли быстро получат все необходимое, решили плыть по рекам, тем более что приближался апрель. На это требовалось и меньше денег, чем на прогоны, а начальник экспедиции думал об экономии средств. «В бытность на море, — писал он, — ежели от великого шторма или противного ветра, от чего боже сохрани, принужден быть в другом государстве, не был бы без денег» [39, л. 29]. Значит, попасть в другое государство экспедиция могла лишь случайно, а не намеренно, как думали некоторые ученые.

Беринга тяготили хозяйственные дела, поэтому он потребовал выделить человека, знающего местные условия, который являлся бы представителем губернатора при экспедиции и о «приходе и расходе в Сибирской губернии... мог дать отчет».

Узнав, что в Тобольске находятся два солдата — Борис Выродов и Семен Арапов, которые участвовали в экспедиции Евреинова и Лужина, Беринг попросил губернатора включить их в экспедицию. Вообще на всем пути через Сибирь капитан усердно разыскивал людей, бывавших на Камчатке, охотно встречался с ними, стараясь из их рассказов почерпнуть как можно больше сведений. Многие из этих рассказов фиксировались и хранятся в архивах в виде так называемых сказок.

Первым таким рассказчиком был встреченный в Тобольске поручик Санкт-Петербургского полка Сафонов, который возвращался с Камчатки. Он сообщил, в частности, что жители Камчатки не всегда миролюбиво встречают русских и что лес для постройки кораблей в Нижнекамчатск возят за 200 верст. Обеспокоенный Беринг потребовал выделить дополнительно 30 солдат и дать больше работных людей, так как лошадей на Камчатке нет и придется людям доставлять лес на себе.

Лишь 29 апреля Тобольская земская контора известила о том, что выделяет работников и кормщиков на дощаники, 60 плотников, двух пушкарей, семь кузнецов «с мехи и наковальни», а также выдает жалованье (1723 руб. 62 коп.) на 1726 г. Половину мастеровых нужно было взять в Енисейске, а остальных (вместе с двумя бочарами, токарем, печником) и провиант — в Иркутской провинции. Все, чего не окажется на складах, следовало купить у частных лиц за «таможенные

или кабацкие деньги». Беринга заверили: «А ежели ты... будешь чего требовать... из тех провинций, воеводам и камерирам велено отправлять без удержания... дабы в намеренном твоем пути остановки какой не учинить» [39, л. 17—21]. Решился также вопрос о солдатах: вместо 54 было выделено лишь 39, так как, по заявлению губернатора, «гарнизон содержится в неполном комплекте» [39, л. 30].²³ Солдаты составляли важную часть экспедиции. На долю матросов и солдат, часто самостоятельно выполнявших важные поручения, пришлось самые тяжелые работы.

Шли дни. На исходе был апрель. По-весеннему пригревало солнце. 23 апреля с оглушительным грохотом взломало лед на Иртыше, а через три дня река полностью очистилась ото льда. 26 апреля прогремел первый весенний «гром немалой с молниєю». Пора было двигаться в путь, а ничего не было получено, кроме четырех дощаников и семи лодок.

5 мая, теряя терпение, Беринг написал в губернскую канцелярию документ, называвшийся: «Об отправлении нас от Тобольска, понеже — время отъезда нашего в путь». А еще пять дней спустя он писал: «Понеже... на реке Ламе [в Охотске], от которой через море ход до Камчатки, имеетца токмо одно судно, и в том за худостию ходить невозможно, того ради прошу, дабы повелено было послать о строении двух судов в те места... указы» [41, л. 8]. Поводом для просьбы послужило сообщение упомянутого поручика Сафонова, что на судне «насилу он переехал, и зело худо...».

Только 12 мая получили деньги на прогоны и наем работных людей, а также материалы. На 4 дощаника и 7 лодок полагалось по 24—30 работных людей, «а мы приняли, — писал Беринг, — токмо по 18 человек, а к обыкновенному числу в работу прибавляли и служителей» [39, л. 29]. Прибыло два новых члена экспедиции — комиссар (должность) Иван Дурасов (для ведения расходных документов) и иеромонах Трескин. Пытались включить в состав экспедиции дьякона и пономаря, но Беринг от них отказался. 13 мая 1725 г., погрузив все необходимое на суда, переправились через Иртыш и стали на якоря.

ОТ ТОБОЛЬСКА ДО ИЛИМСКА ПО ИРТЫШУ, ОБИ И КЕТИ

Наконец 14 мая поплыли вниз по Иртышу. На одном из дощаников был Беринг, на другом — Шпанберг, на третьем — Чириков, а с ним геодезист, ученики ботового и мачтового дела, два матроса и несколько солдат. При благоприятном ветре шли под парусами, а в остальное время — на веслах. Помогало течение реки, скорость которого, по определению Чирикова, превышала 2,5 версты в час. За сутки обычно проходили 40—50 верст, а иногда и больше. То слева, то справа встречались поросшие зеленью острова, достигавшие порой 12 верст в длину. Живописные берега Иртыша были покрыты густыми лесами. Часто попадались селения, а местами мелькали юрты остяков. Если дул благоприятный ветер, то под парусами шли и ночью. Нередко останавливались из-за плохой погоды. Не раз «шел снег и была великая стужа».

21 мая прибыли в Самаровский ям, который расположен неподалеку от впадения Иртыша в Обь. Весь следующий день делали к судам рули (сопцы), а 23 мая снова двинулись в путь. Отсюда Беринг отправил гардемарина Чаплина на лодке с капралом Анашкиным и девятью солдатами вперед. Ему предписывалось плыть «с поспешением днем и ночью, как возможно, сколько время и ветры допустят, со всяким радением» [39, л. 42]. Во всех крупных населенных пунктах он должен был вручать указы и оставлять по одному солдату, чтобы ускорить заготовку всего необходимого. Исполнив это, Чаплин обязан был ехать в Якутск, вручить там указы и стараться, чтобы как можно скорее были отправлены в Охотск люди «для строения судов, или, буде возможно, чтоб старое тамошное судно починить, чтоб... без задержания нам переехать до Камчатки». Очевидно, Беринг полагал, что, если уж в Тобольске, где все решал сам губернатор, пришлось ждать два месяца, чтобы получить людей и необходимые вещи, в глухих сибирских уголках может быть гораздо хуже. Авангардная группа вряд ли была в силах значительно ускорить заготовки, но она могла способствовать успеху.

25 мая флотилия вошла в Обь; теперь плыли против течения. Приходилось прижиматься к берегу, идти бечевою или на шестах и часто сворачивать в боковые протоки, где слабее течение. Это позволяло порой спрямлять путь, укрываться от встречного ветра. Правда, идти бечевою на участках, где прибрежные заросли затоплены, было нелегко. Так, под 13 июня в журнале Чирикова записано: «Шел я на гребле, больше, понеже вода велика в реке, бечевою идти невозможно...» Интересна запись под 26 мая. Утром шли бечевою. В седьмом часу поднялся «великий ветер и мы стали у песка и стояли 40 склянок — 20 часов». Иногда много времени теряли на ожидание отставших. Так, 29 мая, пройдя деревню Пинкину, Чириков, ушедший далеко вперед, ждал остальных 13 часов.

30 мая прибыли в Сургут. Запись в журнале гласит: «Сургут на правом берегу реки не на большой горе, а около его лес». Здесь впервые простояли более суток, как писал Беринг губернатору, из-за того что «управитель Ягодин упрямством своим не хотел дать нам проводников. Посланное от меня требовательное письмо о проводниках взял и бросил о землю». Это показывает, как порой негостеприимно на местах встречали посланцев столицы, несмотря на царские и губернаторские указы.

Часто попадались встречные суда.²⁴ Иногда движению мешали сильные дожди. Например, 6 июня Чириков пишет: «Пошел великий дождь и шел всю ночь. А мы стали к берегу и стояли 16 с половиной часов».

21 июня остановились в устье реки Старицы, в одной версте от города Нарыма. «При Нарыме смотрели чрез инструменты широту Оби реки, чрез которое нашлась широта ея 435 сажень».

Дальше плыли под парусами по реке Кеть. После 8 июля все чаще встречались мели, обозначенные затесанными деревьями на берегу. Река делалась все уже и мельче. Поэтому «срубили [сняли] мачты и шли все на шестах». 19 июля достигли Маковска. «А стоит поселение на правом берегу реки, на горе, и по левую сторону реки пошли низкие места, а на обеих сторонах реки Кеты, от самого устья, везде леса». От Нарыма рекою Кеть прошли 1094 версты. Беринг отмечает, что «от Тобольска до Маковского по рекам, где путь име-

ли, живут остяки, которые были прежде идолопоклонники».

Второй этап пути—по рекам Обской системы—закончился. Теперь, чтобы попасть на Енисей, предстояло преодолеть Маковский волок, ведущий к городу Енисейску.

Надежды на готовых лошадей и подводы в Маковском остроге не оправдались, пришлось ждать. Здесь имел место еще более возмутительный случай, чем в Сургуте. Подшипер Белый обратился к местному приказчику с просьбой дать людей, чтобы обмерить припасы и принять от экспедиции суда. Приказчик грубо отказал, «стал браниться и поносил капитана», а на следующий день хотел избить солдат, стоявших на карауле, «говорил, что все де вы мошенники и надо вас повесить». Беринг пожаловался, и дерзкий приказчик «повиновение принес» и был наказан.

Через несколько дней перебрались в Енисейск. Он был основан в 1618 г. и имел важное торговое значение. Ширина реки здесь 790 сажень.

В этом городе для моряков не было заготовлено ничего, кроме дощаников, и то без оснастки. Чтобы не терять времени зря, начали оснащать суда.

Шел день за днем. Кончался июль, а экспедицию даже от Лены отделяло расстояние более тысячи верст. Потеряв терпение, Беринг 31 июля писал в Енисейскую контору: «Вижу, что *будто нарочно остановка учинена, о чем я повинен к его сиятельству г. губернатору в Тобольск писать*» [41, л. 19].*

Но на енисейского комиссара эта угроза оказала обратное действие: он начал чинить новые помехи. Кроме судов и припасов, в Енисейске, как мы помним, нужно было принять мастеровых людей. И вот тут-то пришлось хлебнуть горя.²⁵ Беринг писал сибирскому губернатору, что комиссар «многократно назначал... людей, из которых выбирал малое число годных, ибо многие были слепы, хромы и протчими болезнями одержимы». А принятые плотники оказались без «поручных записей». Это очень интересная деталь. Для того чтобы набрать в экспедицию благонадежных мастеров, которые бы не сбежали с полпути, Беринг потребовал от каждого поручительство. Такое поручительство обычно давали родственники или соседи нанимаемого.²⁶

* Здесь и дальше курсив мой.— Е. К.

Енисейский комиссар всем плотникам и кузнецам «денежное и хлебное жалование» на 1726 г. выдал вперед. Моряки опасались, что люди, получив плату заранее, не будут иметь должного старания. Эти опасения, как мы увидим ниже, оправдались.

Но, пожалуй, самым большим подвохом комиссара было то, что он нанял всех людей на суда лишь до устья реки Илим, а должен был нанять до города Илимска.

Важным пополнением экспедиции стал геодезист Федор Лужин, который «на Камчатке был и карту о ней делал».

В Енисейске моряки встретились с известным исследователем Сибири Д. Г. Мессершмидтом, возвращавшимся из путешествия. Он показал им собранные материалы и чертежи Камчатки. По приказу Беринга с некоторых чертежей были сняты копии [43, с. 237].

12 августа все отряды покинули негостеприимно встретивший их город и поплыли вверх по Енисею.

Снова потянуть будни, полные напряженного труда. Гораздо чаще, чем прежде, попадались деревни и села. Пройдя от Енисейска 40 верст, вошли в Тунгуску (так называлась тогда Ангара ниже устья реки Илима). Несколько раз преодолевали шиверы и быки. Шивера — это «быстрое течение и колеблющиеся от многова камня поперек всей реки. А бык — такое ж течение, токмо под одним берегом».

2 сентября Чириков делает в журнале запись: «Потру мороз и иней», а через два дня: «Погода мрачная и был снег велик».

Пройдя 804 версты по Тунгуске, 11 сентября флотилия вошла в реку Илим. Река в длину имеет около 600 верст, судоходна только в низовье. До Илимска оставалось 150 верст. Все работники, нанятые до устья реки Илима, покинули экспедицию. Перетащить дощаники через ближайший порог оставшимся людям было не под силу. На лодках перевезли мелкие вещи до порога. Руководить переправой грузов через порог был послан Шпанберг, человек энергичный, властный и жестокий, не гнушавшийся никакими средствами при достижении цели.

Когда из Илимска доставили 16 лодок, «материалы обносили за пороги людьми и, нагрузя, лошадьми тянули [лодки] до города Илимска».

ЗИМОВКА В ИЛИМСКЕ

26 сентября Беринг прибыл в Илимск. По описанию Чирикова, город стоит «между высокими горами, токмо отлогих некоторых. Везде лес, а город... на отлоге у самого берега реки. Жилья в городе и за городом дворов с 90». Илимск, основанный в 1631 г., походил на село и к этому времени уже не имел заметного торгового значения, так как находился на несудоходной части реки. По мнению участников экспедиции, у Илимска «положение места весьма невеселое». Зато здесь им повезло: земским комиссаром в городе служил Петр Иванович Татарин, который с 1713 г. в течение нескольких лет был приказчиком Анадырского острога и Камчатки и очень хорошо знал тамошние условия. Он с большим пониманием и заботой отнесся к экспедиции [39, л. 45].²⁷

29 сентября Илим стал. Чирикову с людьми, оставшемуся в устье реки, пришлось добираться в город уже на санях. Зимний путь оказался трудным, «понеже по берегу дороги нет, токмо малые тропинки, по которым пешие ходят, да верхами ездят».

Узнав от Татарина, что удобнее всего строить суда для будущего плавания по Лене в Усть-Куте, где лес в полутора верстах, «а в квартирах де нужды не будет, також и провиантом за деньги питатца можно», Беринг 10 октября отправил к Лене (в 135 верстах) 39 человек во главе со Шпанбергом. В их числе были штурман Энзель, ученик Козлов, десятник, 6 солдат, 2 плотников, 2 конопатчика и кузнец. Доставлять лес к месту постройки подражались крестьяне.

Научными наблюдениями в экспедиции занимался прежде всего любознательный А. И. Чириков. Именно он 10 октября 1725 г. провел обстоятельное наблюдение затмения Луны. Из его журнала мы узнаем, что широту Илимска он определял в $56^{\circ} 37'$, а высоту центра луны в $43^{\circ} 10 \frac{1}{3}'$ «на восточной стороне меридиана». Из-за облачности, — пишет он, — «не свободно было усмотреть высоту ни единой из бываемых звезд». Началось затмение в 11 ч 31 м 1 с вечера, а «по Санкт-Петербургскому меридиану начало сего затмения (как являет календарь) 7 ч 3 м 13 с пополудни». Разность по долготе между Петербургом и Илимском $66^{\circ} 57'$ (4 часа 27 минут 48 секунд). Далее Чириков указывает: «По правой

карте меркаторской румб Санкт-Петербурга к Илимску ост-тень-зюйд $5^{\circ} 52'$ к осту, расстояние в италийских милях... 2121, а русскими верстами расстояние 3694... А по кратчайшему географическому расстоянию $33^{\circ} 52'$, или... русских верст 3539. Угол положения от Санкт-Петербурга к Илимску $65^{\circ} 24'$, т. е. ост-норд-ост $2^{\circ} 6'$ к норду». В конце записи он отмечает: «Действа в сыскании часа при начале затмения чрез вышеозначенные усмотрения здесь предложить пристойно не мнится, того ради оставил оное в особом написании». Куда потом делось это «особое написание», неизвестно.

И сама запись, сделанная в журнале Чирикова его рукой в день затмения, и слова «оставил оное в особом написании» исключают сомнения в том, что вел наблюдения и делал выводы именно Чириков.

Нет ничего предосудительного в том, что Беринг в рапорте в Адмиралтейств-коллегию слово в слово повторил запись Чирикова о затмении. Однако некоторые его выражения создают видимость, что наблюдения и выводы сделал он сам. Так, слова Чирикова: «и по оному находитца разность длины...» Беринг заменяет выражением: «признаваю разность длины...» Позже было установлено, что Чириков ошибся более чем на 6° . И начальник точно повторил, кроме всего прочего, и эту ошибку.²⁸

Из рапортов Шпанберга моряки узнали, что разместиться в Усть-Куте всей экспедиции (в начале октября числилось 107 человек, налицо имелось 98 человек) было бы невозможно. Поэтому большая часть людей на зимовку обосновалась в Илимске.

Кончался первый год путешествия, а впереди лежала добрая половина пути. Нужно было не только построить суда, но и продумать дальнейший маршрут — предстоял самый тяжелый участок пути — от Якутска до Охотска. Желая использовать опыт других экспедиций, Беринг получил от Лужина и его бывших спутников описания их пути. Так появились «скаска» участников экспедиции 1719—1722 гг. [39, л. 52—54]. На основе этих описаний и сведений, полученных от Татарина, был составлен обстоятельный документ: «Расположение о пути, коим образом имеет исполнитца путь наш от Илимска до Камчатки» [41, л. 50—52].* Доку-

* Приводится впервые.

мент этот был послан в Адмиралтейств-коллегию 30 ноября 1725 г. В нем описывается водный путь по Лене до Якутска, а далее до Охотска — мелководными реками и сушей, на вьючных лошадях. Грузов всего было до 10 тысяч пудов. Если в Охотске суда, о которых послан указ из Тобольска, готовы, то «на одном ехать до Большерецкого острогу и оттуда сухим путем с имеющимся с собою провиантом, или в остроге несколько оставя, иттить, как возможно, на реку Камчатку и, сыскав тамо годный лес и удобное место к строению ботов, строить».

Якутские власти должны были к приходу экспедиции купить или нанять 400 лошадей с седлами и приготовить 1000 кожаных сум.

Если же к прибытию экспедиции в Охотск суда готовы не будут или в Якутске выяснится, что через Камчатку сушей за одну зиму перевезти грузы невозможно, «понеже волок между Большерецким острогом и Камчатским немал и горист, а ездят чрез ево на собаках по 9 и 10 дней и чаю трудней будет всех протчих волоков.., то намерен предбудущею зимою 726 и 727 годов на Ламе боты строить, дабы летом 727 году провианты и материалы в Большерецкой острог перевозить, чего перевезть не надеюсь в одно лето на одних ламских судах... А ботами обойти Камчатский нос, простирающийся к югу, и пристать к устью реки Камчатки и на них обвезть тяжелые вещи, которые прямо сухим путем перевезть невозможно». Так Беринг собирался ускорить свое продвижение к восточному берегу Камчатского полуострова, а в противном случае, писал он, «в 728 году в путь свой отправитца не можем». Капитан надеялся, что провоз каждого пуда груза будет стоить рубль.

Для истории Первой Камчатской экспедиции «Расположение о пути...» имеет исключительно важное значение. Дело в том, что в середине прошлого столетия историк А. С. Полонский заявил, будто Беринг, уже в Енисейске узнав от местных жителей о существовании пролива, высказал предложение плыть к нему не от Камчатки, а в обратном направлении — из устья Колымы. В подтверждение Полонский привел выдержку из донесения Беринга, которое тот якобы отправил в коллегию из Енисейска [46, с. 548—549].

Более 100 лет версия Полонского считалась правдоподобной и была принята учеными на веру, при этом оставался неизвестным документ, из которого он взял

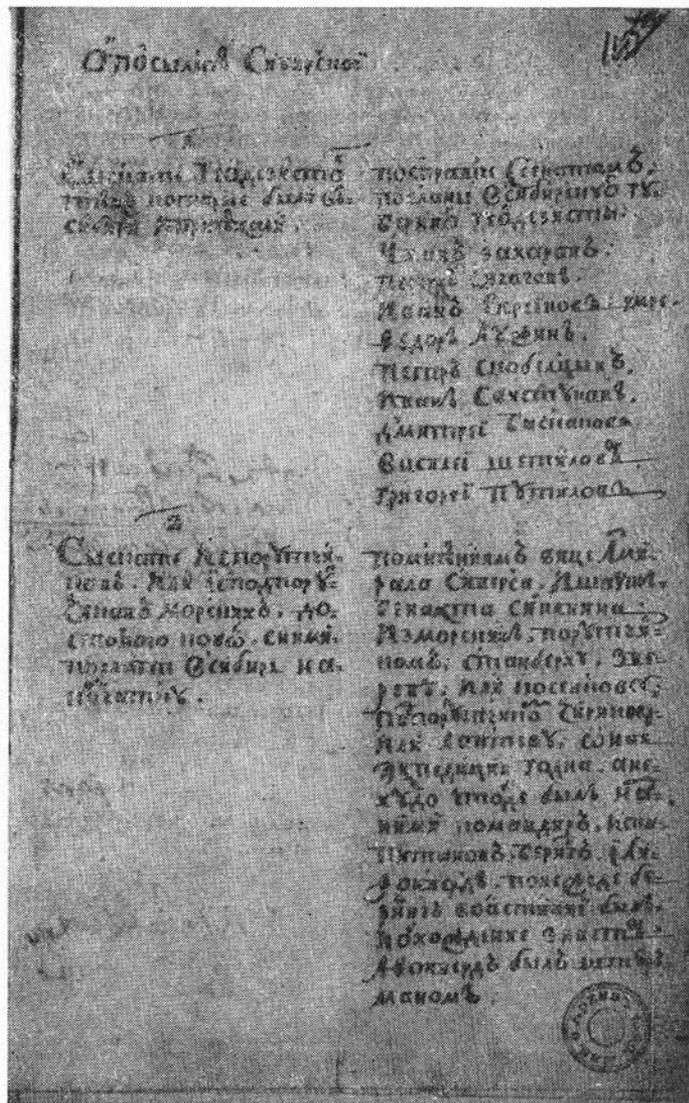

Петр I. 1672—1725.

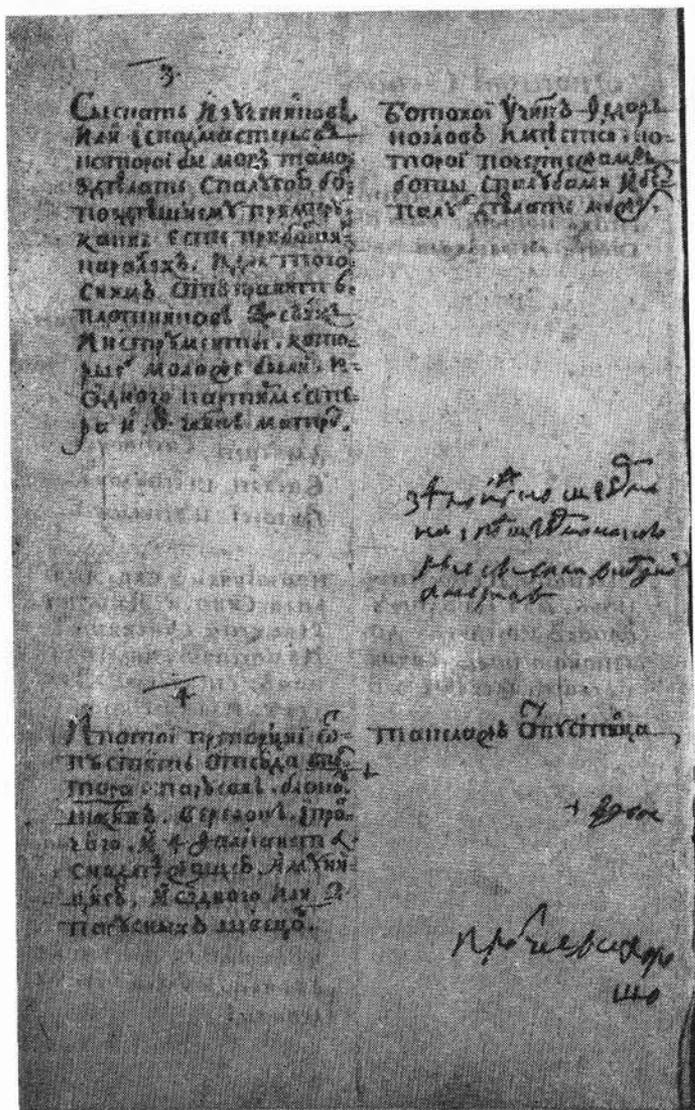
Художник Л. Каравакк (Центральный военно-морской музей). Царь изображен на фоне союзной эскадры голландского, английского, русского и датского флотов, которой он командовал в 1716 г. Командиром русского корабля «Перл», входившего в состав этой эскадры, был Витус Беринг.

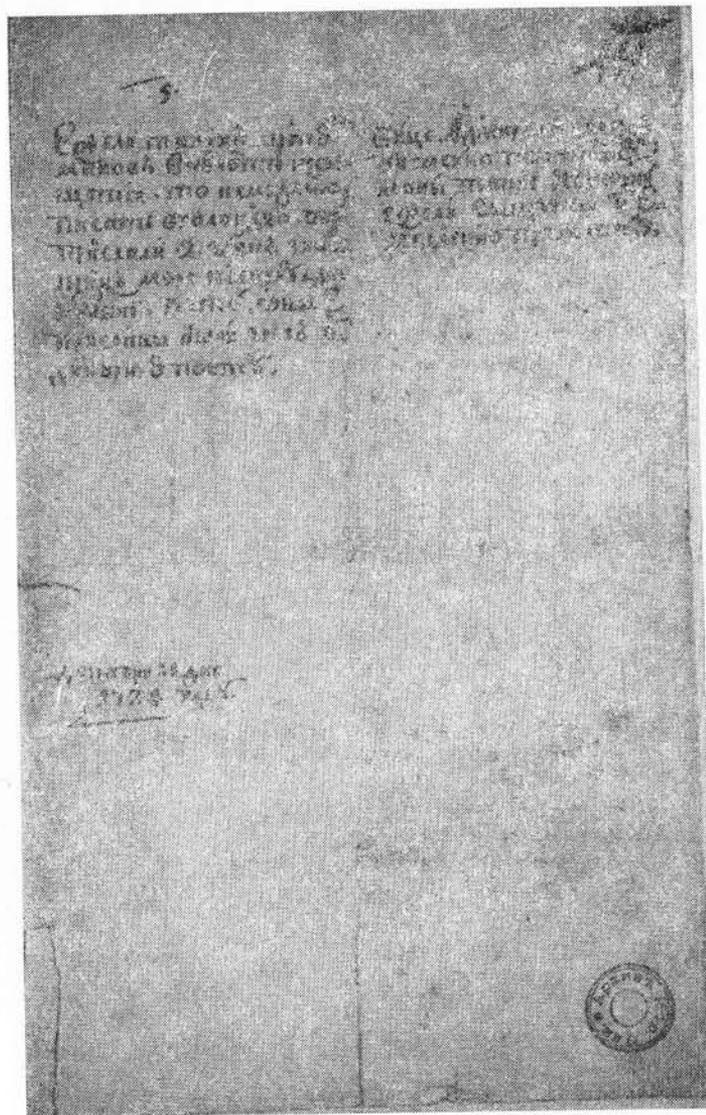
Федор Матвеевич Апраксин. Президент Адмиралтейств-коллегии. По поручению Петра I осуществлял общее руководство подготовкой Первой Камчатской экспедиции.

Указ о снаряжении Первой Камчатской экспедиции от 23 декабря 1724 г. (первая страница)

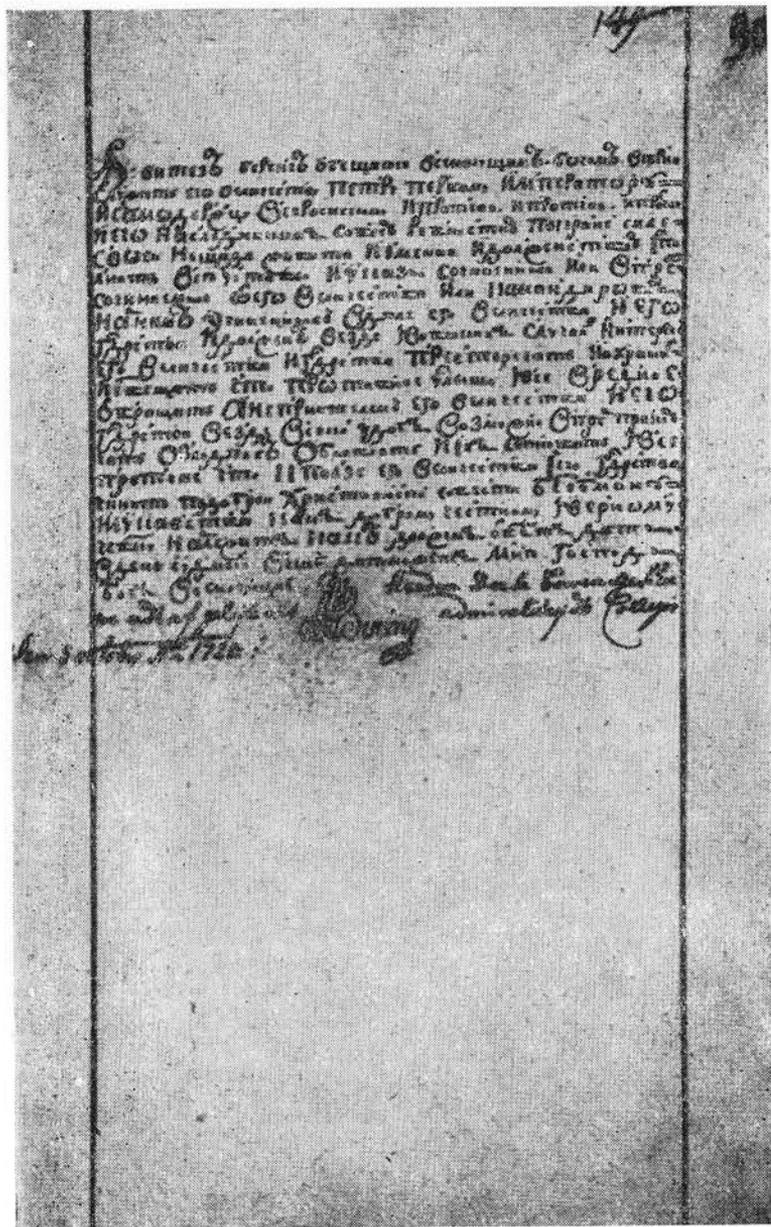
Указ о снаряжении Первой Камчатской экспедиции
(вторая страница)

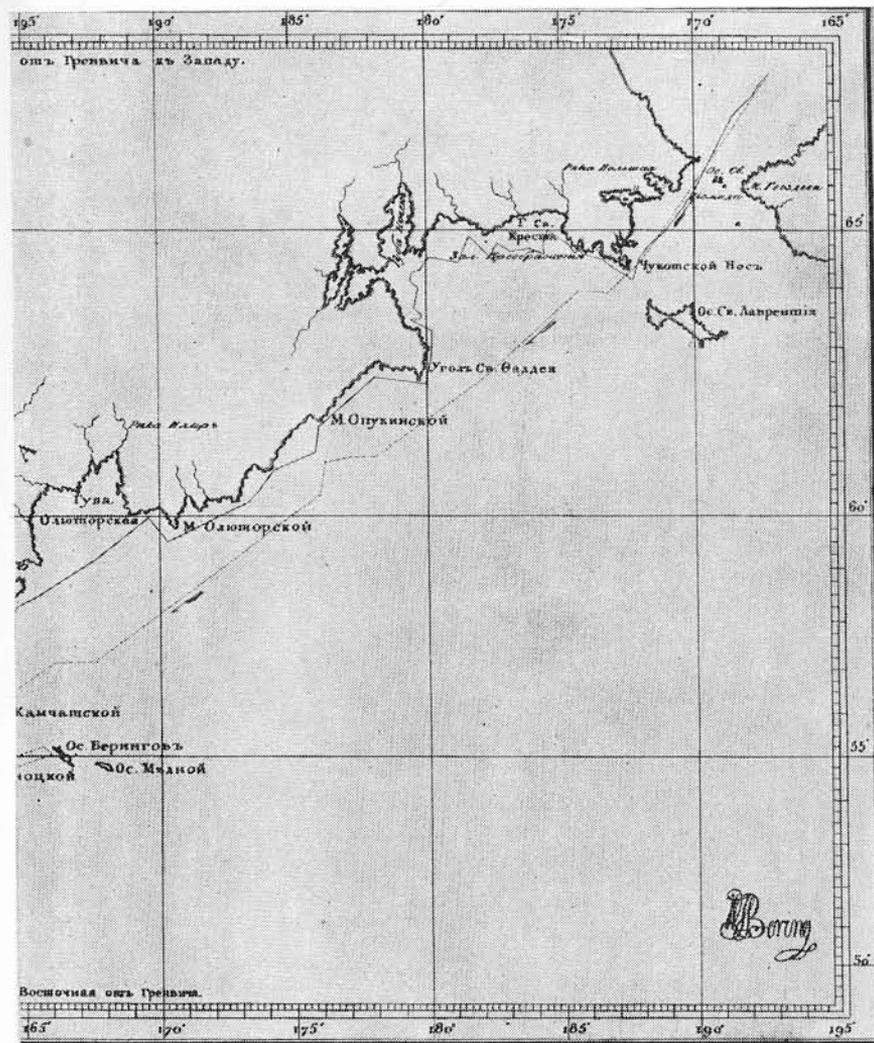
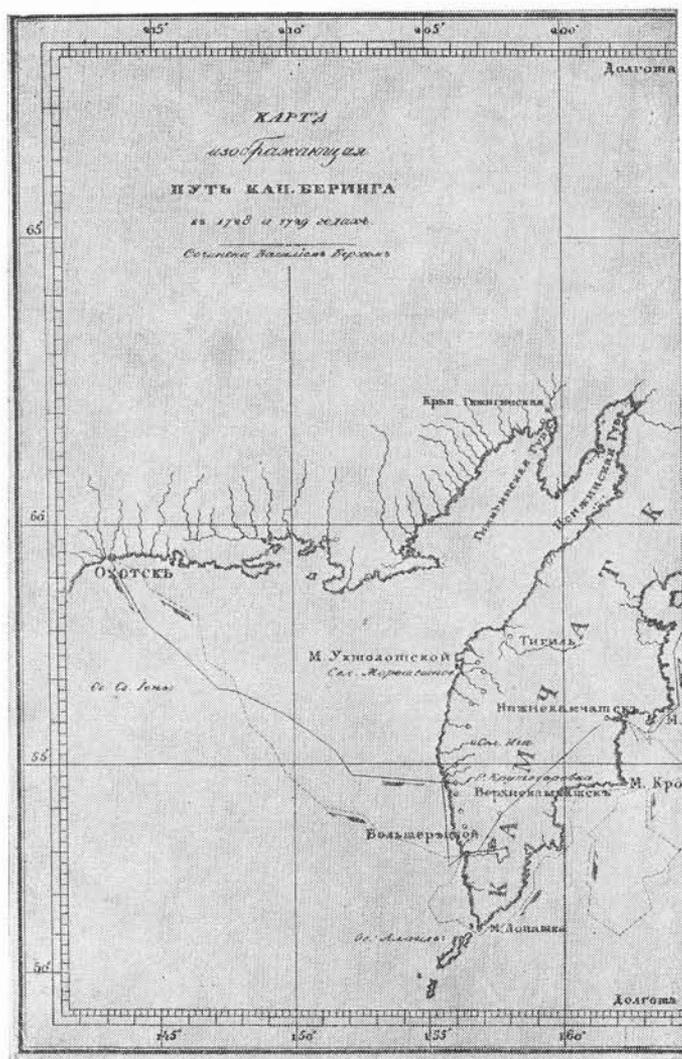
Указ о снаряжении Первой Камчатской экспедиции
(третья страница)

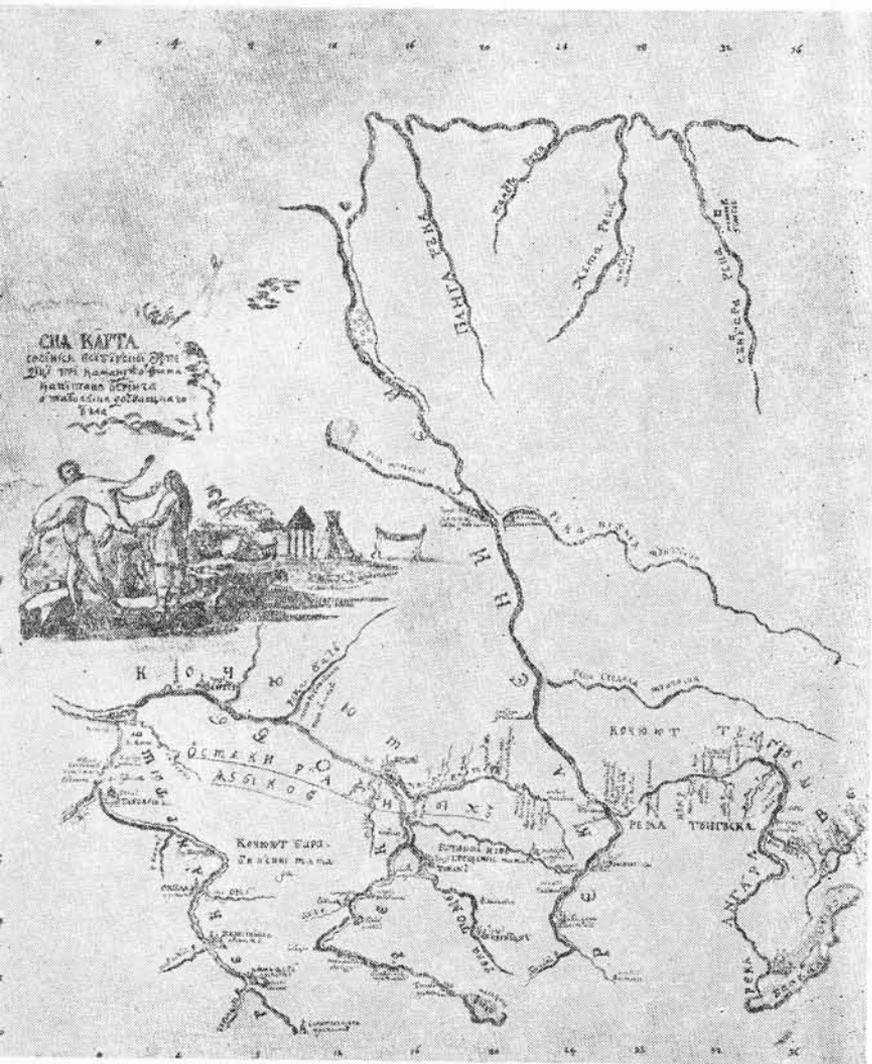
Витус Ионссен Беринг. 1681—1741.
Неизвестный художник XVIII в., масло
(Центральный военно-морской музей).

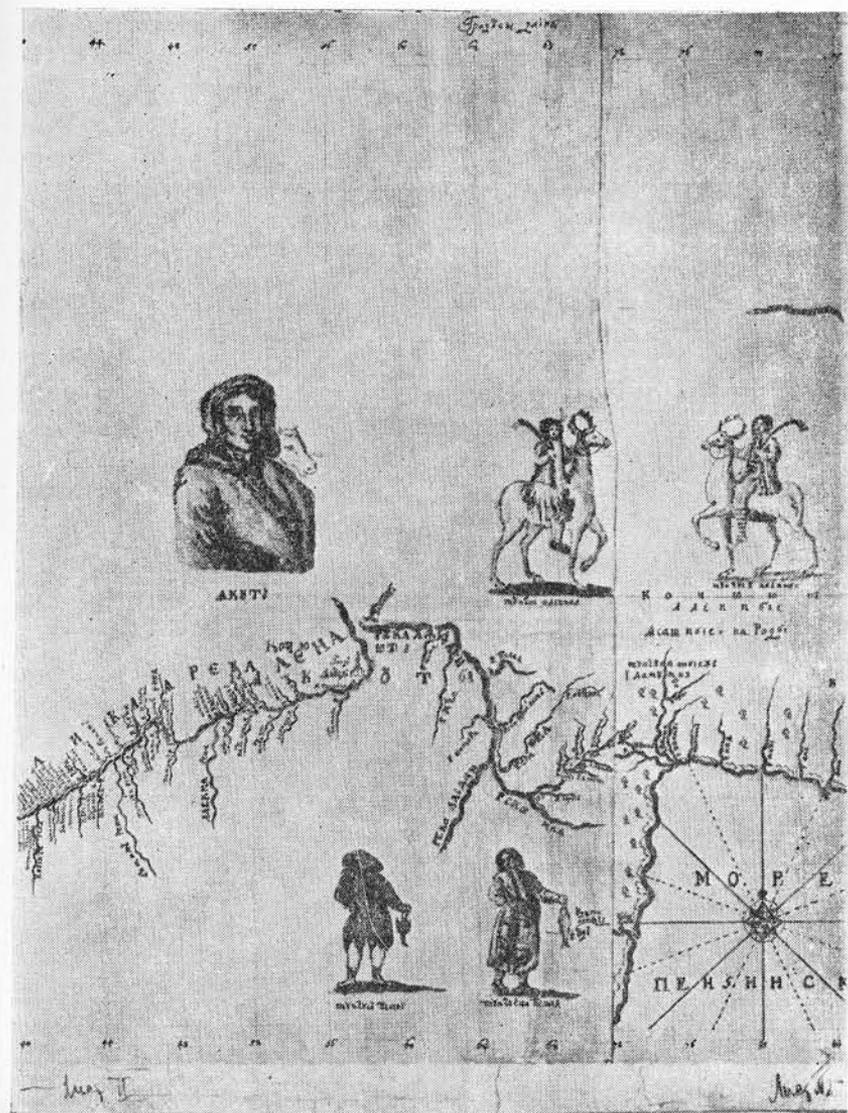
Присяга В. Беринга, подписанная им 3 октября 1724 г.

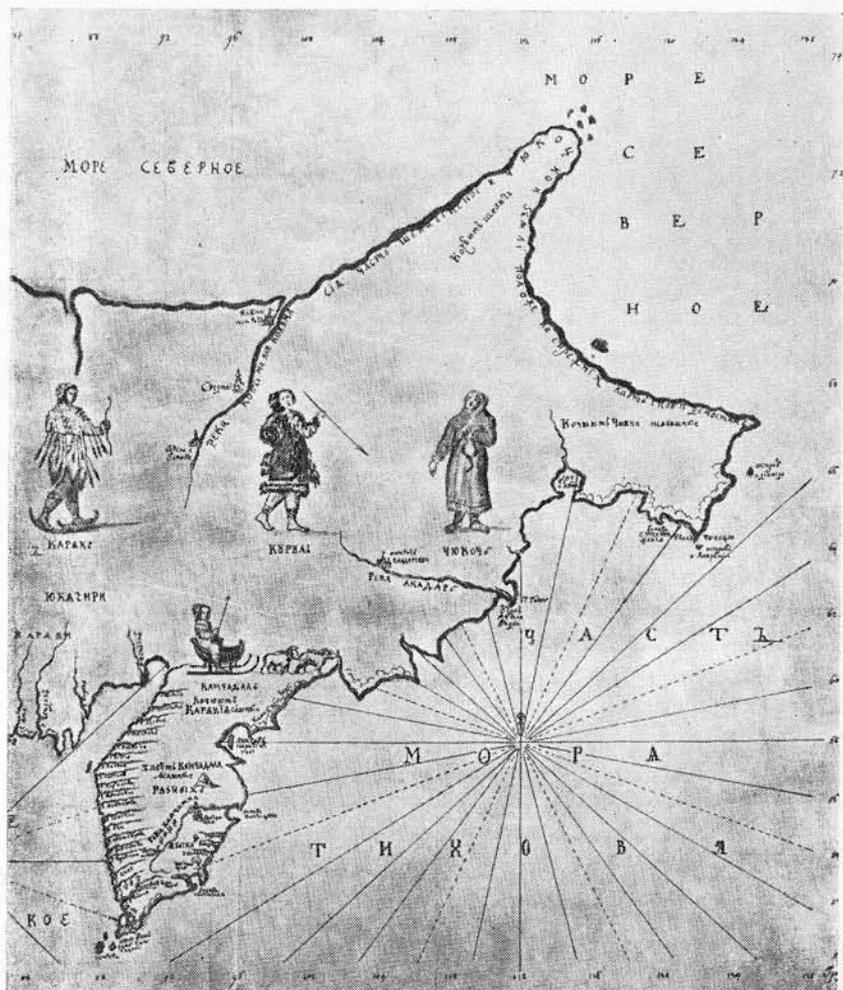
Карта морских походов Первой Камчатской экспедиции,
составленная В. Н. Берхом в 1829 г.

Часть итоговой карты Первой Камчатской экспедиции от города Тобольска до верховьев реки Лены.

Часть итоговой карты экспедиции от верховьев реки Лены до Охотского [Пенжинского] моря.

Часть итоговой карты экспедиции от Охотского моря до Чукотки

цитату. Поиски этого документа оказались весьма трудными, так как он не был связан с Енисейском. Ни в единственном рапорте (от 4 августа),²⁹ ни в других документах, составленных в Енисейске, нет ни слова о намерении плыть из Колымы вокруг Чукотки.

Только сплошное изучение архивных материалов могло установить источник, им оказалось «Расположение о пути...». Однако при сопоставлении взятой Полонским выдержки с первоисточником вскрылось явное искажение текста документа, которое потребовалось Полонскому, по-видимому, чтобы обосновать свое утверждение, что Беринг знал о существовании пролива уже в Енисейске.

Вот текст использованного абзаца из документа, в котором выброшенные Полонским слова выделены курсивом, а добавленные заключены в скобки:

«А ежели б *мне при отправлении моем из Санкт-Петербурга* определено было иттить *сухим путем* от устья Колымы *реки* до устья *ж реки* Анадыря, где пройти всемерно *надеюсь* (возможно), о чем *иные* (новые) азийские карты свидетельствуют, а *наипаче* здешние жители сказывают, что прежде сего сим путем хаживали, то *надеюсь* могло б исполнено быть желаемое *гораздо* меньшим коштом [расходом]».

Выбросив два слова: «сухим путем», Полонский изменил смысл первоначального текста. Получалось, что Беринг якобы вел речь о плавании от устья Колымы до Анадыря морем. На самом деле он имел в виду упущенную возможность перехода из Якутска сушей через Индигирку, Колыму и Анадырь до Камчатки.

Этой дорогой действительно ежегодно ходили до открытия более удобного пути (по Охотскому морю).

Вот как в другом документе сам Беринг описывал способ передвижения по этой дороге: «От Якутца сухим путем до Зашиверского на лошадях, из Зашиверского по Индигирке реке через хрепты до Калымы реки на оленях, от Калымы до Анадырского нартами на собаках, от Анадырского до Пенжинской губы и до Олюторского на оленях, от Олюторского до Камчатки на собаках. А иной дороги сухим путем до Камчатки нет» [27, л. 115]³⁰. Но дорога через Индигирку, Колыму и Анадырь пролегалa по более пустынным и диким местам. И если ее удавалось преодолевать небольшим и подвижным партиям промышленников, ходивших налегке, то

для огромной экспедиции с грузом до 10 тысяч пудов она была бы гибельной. Да и где можно было бы в тех безлюдных краях достать собак и оленей? А ведь их потребовалось бы не одна тысяча. Что этот путь для экспедиции был неприемлем, мы узнаем ниже, когда познакомимся с трагическим зимним рейсом отряда Шпанберга от речки Горбеи до Охотска. А ведь у него была лишь часть грузов экспедиции и пройти предстояло менее 500 верст, тогда как путь через Колыму и Анадырь составлял несколько тысяч верст.

Некоторые ученые ошибочно утверждали, что коллегия оставила без ответа рассуждения Беринга о пути. На специальном заседании (1 августа 1726 г.) коллегия постановила: «Велеть ему до показанного места поступать по данным указам и инструкции, усматривая к лучшей е. в. службе и пользе, и обретающимся при нем служителям свободы [!] по его рассуждению, понеже Адмиралтейская коллегия, за неимением о тамошних местах подлинного известия и положения, точным указом о поступках в пути определить не может...» [15, ч. V, с. 345—346]. Это постановление Беринг получил в августе 1727 г., перед отплытием на Камчатку [39, л. 91].

Версию Полонского приняли на веру Л. С. Берг, А. И. Андреев, В. И. Греков и В. А. Дивин [25, с. 40]. Базируясь на голландских картах 1726 и 1727 гг., содержащих неправдоподобные надписи, а также на лежащей в основе их карте шведа Страленберга, Л. С. Берг даже считал возможным утверждать, что к 1725 г. «не только в Сибири, но и в Западной Европе было уже хорошо известно, что Азия не соединяется с Америкой» [32, с. 57]. Но в том-то и дело, что все иностранные и русские карты того времени, как и литературные источники, не содержали неопровержимых доказательств существования пролива или его отсутствия. Поэтому-то Петр I, которому Страленберг подарил свою карту, не верил ей. Но, даже если бы он, все государственные деятели и ученые поверили в эту карту, она не перестала бы быть просто одной из многочисленных противоречивых карт, составленных по чьим-то устным рассказам.

Мы теперь прекрасно знаем, какая из двух концепций правильна, но совершенно недопустимо забывать, что этого не знали тогда, что это еще нужно было ве-

сомо доказать. И можно твердо сказать, что никто из участников самой экспедиции ничего не знал о плавании Дежнева. К такому выводу невольно приходишь не только потому, что пала версия Полонского. Он подтверждается и многими косвенными доказательствами. Буквально каждый шаг экспедиции, все полученные сведения фиксировались в вахтенном журнале, в книгах входящих и исходящих документов, в «скасках» и т. д. Таких документов насчитывается много сотен. И ни в одном из них нет упоминания о прежних плаваниях через пролив. Наоборот, Чириков, лучше других понимавший проблемы и интересы науки своего времени, позже, уже находясь в проливе, писал: «... Известия не имеем, до какого градуса ширины из Северного моря подле восточного берега Азии от знаемых [известных] народов европейским жителям бывали...» [39, л. 227]. Это заявление лейтенанта не оставляет сомнений: моряки не знали о Дежневе.

Наконец — еще одно документальное подтверждение того же — собственное письмо Беринга, написанное семь лет спустя после окончания экспедиции. В нем Беринг пишет, что просил Миллера «осведомитца, в подлинной ли из Ленского устья морем на Колыму [!] кочами хаживали...». Значит, он и в 1737 г. сомневался даже в том, что плавания совершались между Леной и Колымой. А сообщение Миллера о походе Дежнева вокруг Чукотки моряк встретил словами: «не весьма известие обстоятельно» [29, с. 256—257].

Отправив в Петербург рапорт и соображения о дальнейшем пути, Беринг снова обращается к текущим делам. Надо было заготовить припасы и доставить их к устью реки Куты до начала навигации по Лене; добиться, чтобы власти Якутска выполнили все, что положено, в срок, «дабы, — писал капитан, — в предбудущее лето 726 году нам с мастеровыми людьми доехать до Камчатки» (Беринг ошибся на год!); построить суда, на которых предстояло плыть по Лене до Якутска, а затем по мелким рекам — к Юдомскому Кресту.

В декабре * 1726 г. Беринг отправился в Иркутск, по его словам, «для совету с ыркутским воеводою г. Измайловым, понеже он прежде сего воеводою был в Якуцку» [41, л. 57]. Но только ради этого вряд ли нужно

* А не весной, как полагал А. И. Андреев.

было находиться в Иркутске всю зиму. Видно, одной из причин были удобства зимовки в крупном (по сибирским масштабам) городе, тем более, что он взял с собой и единственного врача экспедиции.

В Иркутске Беринг получил два рапорта Чаплина, который сообщил, что задолго до его прибытия в Якутск (5 сентября) оттуда на Охотское море для постройки судна были посланы плотники с припасами [39, л. 60]. Чтобы ускорить дело, гардемарин также отправил в Охотск капрала Ивана Анашкина, солдата Алексея Шепеткина и с ними служилого человека в качестве переводчика. Очень важным было известие Чаплина об опросе якутских жителей, бывавших на Охотском море. Они сообщили о мелководье рек Алдана, Май и Юдомы. Поэтому Беринг приказал Шпанбергу уменьшить размеры дощаников: «В длину 5 сажень, в глубину со всем грузом 12 вершков».

ОТ ИЛИМСКА ДО ЯКУТСКА

В марте по зимней дороге переправили из Илимска грузы и большинство людей в Усть-Кут. Все самое тяжелое (якоря, пушки, 300 пудов железа и др.) перевезли до реки Муки с тем, чтобы по вскрытии реки доставить их в Усть-Кут водой. Вскоре после отъезда Беринга в Усть-Кут через Илимск проследовал чрезвычайный посланник России в Китае Савва Рагузинский³¹.

Еще в Иркутске Берингу обещали доставить в Якутск все необходимое в феврале, но только 29 марта туда прибыли 17 плотников и два кузнеца, которые привезли смолу и другие материалы.

Около середины апреля взломало лед на Куте и Лене. Моряки начали строить лодки и вскоре спустили на воду дощаники, кроме одного, свили тросы для их оснастки. В конце месяца пригнали с реки Муки суда с пушками, якорями и другим тяжелым грузом.

8 мая Беринг и Шпанберг на восьми дощаниках отправились вниз по Лене к Якутску. Чириков и с ним 64 человека остались в Усть-Куте. Они должны были дожидаться сообщения от сержанта Любимского из Илги об отправке оттуда в Усть-Кут муки. Вскоре стало известно, что мука заготовлена, но ее нельзя пока отправить из-за малой воды в реке. Солдаты, посланные на

Илгу, сообщили, что «нынешней весны з двадцать осьмого числа марта здесь снегу и дождя почти не было, а была великая теплота, оттого... в тамошней и здешних реках вода мала» [41, л. 73].

1 июня, не дождавшись муки, отряд Чирикова на семи почти пустых дощаниках поплыл вниз по Лене. В журнале лейтенант отмечает: «Река Лена... во многих местах в ширину больше не разливается 60 сажень. Глубину в разных местах содержит больше 3 сажень». 6 июня Чириков записал, что «жители по реке Лене в разных местах сказывали, что мая 14 дня на вечер было великое трясение земли с час времени». Ширина Лены уже достигла версты, скорость течения — три с четвертью мили в час. Воздух часто был сизым, сильно пахло дымом: где-то горели леса. «Вина сего великого пожара — бездождие», — отмечает Чириков. На следующий день он заносит в журнал замечание о выветривании прибрежных гор: «На правом берегу реки простираются чрез 15 верст в длину каменные горы наподобие кладеных столбов высотой сажень по 5, по 7 и выше. И признается, что в древние времена были целые горы и чрез многое время от дождей и ветров обвалились, понеже и ныне от ней каменья отваливаются...».

16 июня отряд пришел в Якутск. Когда-то этот город назывался Ленским острогом и был основан в 1632 г. казачьим сотником П. Бекетовым.

Оставался самый трудный отрезок пути — без намека на дорогу. О перевозке грузов на телегах и даже на волокушах не могло быть и речи. Горы, труднопроходимые леса и топкие трясины могли преодолеть лишь всадник, пешеход и вьючная лошадь, да и то с большим трудом.

Собрав сведения о пути, стали готовиться к походу. Нужны были люди, лошади, приспособления для вьючной перевозки грузов, продовольствие и материалы. В Якутске ничего не было заготовлено, хотя давно пришел губернаторский указ и 9 месяцев здесь находился Чаплин. Последний приложил много стараний, но почти ничего реального сделать не смог³².

В мае из Иркутской конторы, которой подчинялся якутский воевода Полуэктов, пришел приказ: выдать Берингу заимообразно 4200 пудов муки, нанять 300 лошадей, изготовить кожаные сумы и т. д. Заканчивался приказ грозным предупреждением: «А ежели вышепи-

санного в скорости... не исправят и учинят в намеренном вашего благородия пути остановку и за то они, воевода и комиссар, штрафованы будут жестоко».

Беринг обрушил на якутского воеводу поток бумаг, содержащих просьбы, требования и угрозы. Определил, что понадобится 600, а не 300 лошадей, он потребовал поставить их в три приема и к каждому пяти лошадям дать проводника. Первую партию лошадей он хотел получить к 20 июня, чтобы быстрее отправить мастеровых в Охотск, а последнюю — к 4 августа.

Все сроки оказались нереальными. «Наемных лошадей в Якуцку не сыскалось, — докладывает Беринг в коллегию, — а купить бы стало дорого, и збирают... лошадей с якутов» [39, л. 87, 88].

Для сбора людей и лошадей были посланы специальные чиновники с приказами «о исполнении немедленном», а затем «для понуждения собрания лошадей» пришлось послать еще и солдат. По требованию Беринга к экспедиции прикомандировали Ивана Шестакова, «который иноземческие порядки знает». Тогда же был отрицательно решен вопрос об использовании ссыльного поляка, первого исследователя Курильских островов И. П. Козыревского, так как «никакого способу от него быть не можно», к тому же он был болен [39, л. 54—55, 58; 41, л. 90, 94].³³

Здесь, в последнем крупном городе на востоке, нанять работных людей для экспедиции оказалось труднее, чем где-либо прежде.

Многие русские жители Якутска и якуты окрестных земель не раз бывали в Охотске, хорошо знали, каков путь туда, и их не заманить было, как говорится, даже калачом. «О найме на суды работных людей 140 человек опубликовано, — писал Беринг в якутскую канцелярию, — и никто из русских и иноземцев к найму не явился... А отправление материалов и провианта по рекам и сухому пути без вспоможения... невозможно. Того ради требуем, чтоб к нам определены были служилые люди».

Переписка с воеводой о выделении людей результатов не давала. Когда Берингу надоело писать, он посылал в канцелярию для переговоров Чаплина, который, обладая соответствующим тактом, сумел установить с местным начальством хорошие отношения. После одного из таких походов были присланы первые 50 ра-

ботных людей. А уже кончалось время, когда следовало отправлять суда, чтобы они до зимы успели дойти до Юдомского Креста. Придумали еще один способ воздействия на воеводу: все офицеры во главе с начальником шли в воеводскую канцелярию и «требовали об отправлении людей и лошадей».

Конечно, было бы ошибочным думать, что все затруднения проистекали от нерадения воеводы. В ту пору эти края еще осваивались и были мало заселены. Запросы же экспедиции были необычных масштабов.

Чтобы сломить неподатливость воеводы, решили попробовать еще одно средство: пригрозили отправиться в путь налегке, а все грузы оставить ему, и тогда он будет единственным ответчиком за провал экспедиции.

Угроза возымела действие: воевода прислал еще немного людей. Теперь насчитывалось 119 человек. Дальнейшее ожидание было бесполезно.

Чтобы обсудить, что делать дальше, Беринг в соответствии с требованием Морского устава собрал офицеров на совет, на котором единодушно решили: «Дабы не упустя время водяного пути, 13 судов, которые людьми удовлетворены, отпустить, а два судна оставить» [39, л. 108]. 800 пудов муки с этих двух дощаников сгрузили и передали воеводе, чтобы он сам отправил ее в Охотск до наступления зимы.

До того как отправиться в путь, сделали деревянные рули и мачты, погрузили в дощаники муку, пушки, якоря. С 25 июня начали переправлять на правый берег Лены сумы с мукой, а в первых числах июля — быков, лошадей и различные материалы. Рассчитываться за найм лошадей и погонщиков Беринг предложил местным властям. Последние поступили с якутами несправедливо, заплатив им гораздо меньше, чем платили прежде (2 руб. вместо 3 руб. за лошадь и 1 руб. вместо 3 руб. 50 коп. погонщику).

ПО РЕКАМ И ПО СУШЕ К ОХОТСКУ

7 июля на 13 дощаниках к Охотску направился первый отряд из 205 человек во главе с лейтенантом Шпанбергом. В отряде было 83 члена экспедиции, 118 якутских работных людей и 3 вожа (проводника). На суда погрузили самые тяжелые и громоздкие предметы —

пушки, якоря, железо, канаты, а также более 2700 пудов муки — всего 4200 пудов.

Инструкция, врученная Шпанбергу, обязывала его плыть по рекам «вверх как можно» [41, л. 96—101]. Один из пунктов гласил: «Для выгрузки судов, где за мелкою водою или морозом плыть будет невозможно, о том в Якуцкой канцелярии требовал 300 лошадей». Предписывалось «обоим штурманам и геодезистам... чтоб имели журнал — обыкновенную записку о проезде по рекам и свидетельства против данной нам карты и по местам усматривать широту, где случитца, и склонение компаса».

Запрещалось выдавать людям продовольствие вперед. Предчувствуя, что в дороге не обойдется без человеческих жертв, Беринг писал: «Ежели случится, что из морских и адмиралтейских служителей... из солдат и плотников умрет кто и чего не заслужат, возвратить»³⁴.

27 июля вышла в Охотск первая сухопутная партия во главе с ботовым учеником Федором Козловым. В инструкции, полученной им, говорилось, чтобы в Охотске косили сено, заготавливали юколу, а «ежели судно [старое] прибыло с Камчатки, осмотреть и помогать, чтоб готово было к прибытию нашему».

Прежде чем посылать в путь остальные отряды и отправиться самому, Беринг настоял, чтобы воевода разослал в Ламский, Большерецкий, Верхний и Нижний Камчатские остроги и даже в Анадырский острог указы следующего содержания: «По получении сего е. и. в. указу вам, тамошним управителям, против требования морского флота господина капитана Беринга в проезде ево с имеющимися вещами и провиантом об отправлении и обо всяком вспоможении также о строении судов и о всем, что касаетца, ко исправлению по данной ему инструкции не отписываясь, дабы врученное ему дело бес препятства, удобней скорей исправить... опасаясь за неисполнение по указу жестокого наказания и штрафу» [41, л. 102; 39, л. 121, 159]. К экспедиции был приписан прибывший из Охотска матрос Андрей Буш, «знающей протчих морской путь до Большой реки».

В начале августа стало ясно, что сделать сумы для всех 600 лошадей не успеют. Беринг решил больше не ждать. По его просьбе сыну боярскому Тимофею Антипину, «знающему отсюда до Ламы по водному пути урочищи», было поручено доставить 120 лошадей к тому

месту, до которого сможет водою дойти отряд Шпанберга, чтобы оттуда на этих лошадях перевезти грузы в Охотск.

С 6 по 13 августа один за другим выходили в путь отряды во главе с лекарем Буцковским, сержантом Любимским и плотничным десятником Вавиловым. В первом отряде были три плотника и служилый человек, на 103 лошадях они везли 120 сум с мукой и крупой; во втором — три солдата и два служилых человека, на 124 лошадях они везли 174 сумы; в третьем — два солдата и плотник везли на 133 лошадях 64 сумы с мукой.

15 августа собрался в дорогу Антипин и два солдата, погнавшие 120 лошадей. Эта группа должна была ждать Беринга на реке Амге.

16 августа вышел из Якутска Беринг, с ним были Чаплин, писарь Турчанинов, шесть матросов и солдат, трое мастеровых, двое служилых и два тунгуса. Этот отряд отправился налегке, на 77 лошадях. У Беринга уже накопился немалый личный груз. Чаплин пишет в журнале, что в отряде Вавилова пошло «под капитанским багажом 35 лошадей». Целый обоз!

Самое хорошее время — июнь и июль — было упущено, и путешественников ожидали впереди значительные затруднения. Кроме того, до выхода в путь обнаружили, что заказы для экспедиции выполнены подрядчиками недобросовестно. Так, 380 сум оказались меньшего размера, сумы «деланы и куплены такою дорогою ценою, какою при Якучке никогда не купливали» [39, л. 119]. Фляги для уксуса сделаны негодными, и уксус пришлось оставить. Нередко поставляли плохих лошадей: однажды, например, из 68 лошадей, смогли отобрать 15.

Из-за недостатка лошадей и сум не удалось отправить в Охотск еще 1500 пудов муки. Для того чтобы вывезти ее в будущем году, в Якутске пришлось оставить семь членов экспедиции во главе с Чириковым. Чирикову предписывалось [41, л. 108—109] отправиться в Охотск в марте 1727 г. Это было нереально: в марге в Сибири лежат глубокие снега, стоят трескучие морозы, свирепствуют вьюги, а дорогой нет кормов для лошадей. Лейтенант должен был также, если Шпанберг потребует, оказать ему помощь; способствовать тому, чтобы отправлены были 800 пудов муки с двух оставленных

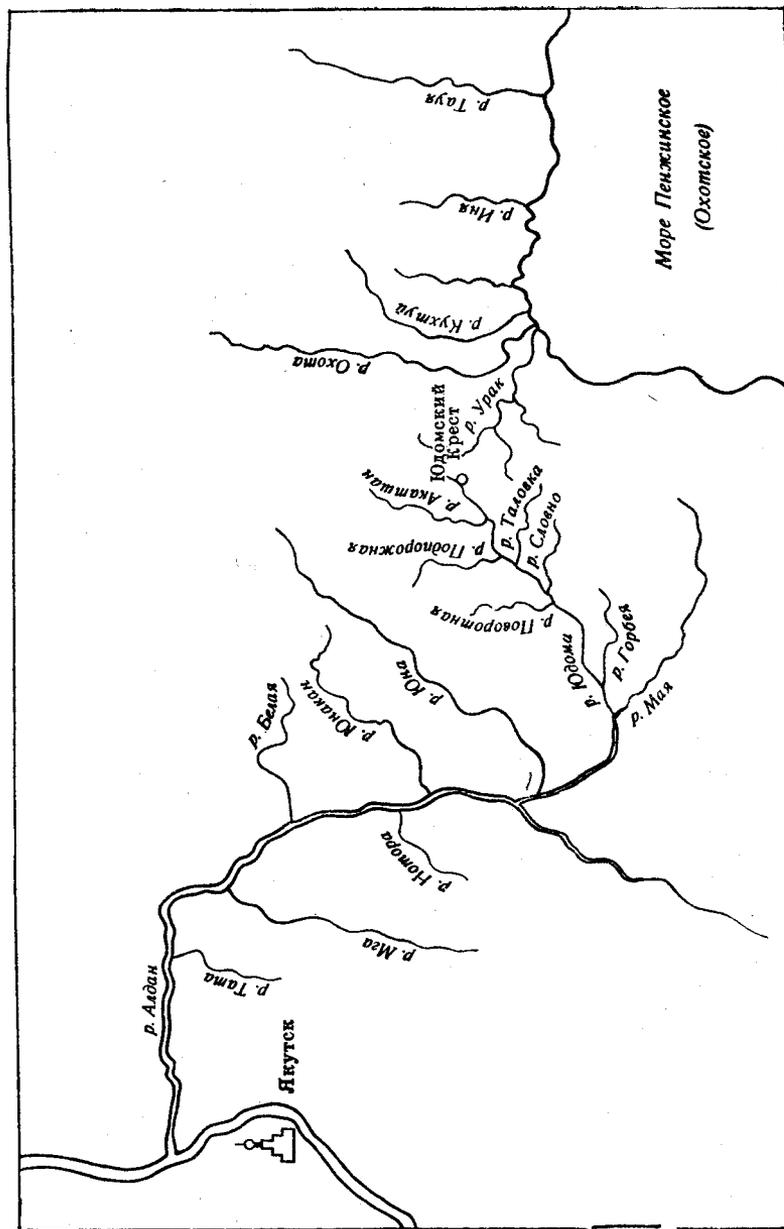
Шпанбергом судов, а в случае, если возникнут какие-нибудь препятствия, писать в Иркутск и в Адмиралтейств-коллегию.

Сухопутные отряды продвигались вперед довольно медленно. Выходили утром, в середине дня делали привал, чтобы пообедать, дать отдых лошадям, а вечером (пройдя всего 20—40 верст) останавливались на ночлег. На вторые сутки в отряде Беринга пала первая лошадь. Чем дальше шли на восток, тем больше их гибло. 20 августа миновали речки Тату и Хандру. «От реки Лены до Таты, — пишет в журнале Чаплин, — место сухое, имеются озера и великой лес лиственничный, а местами великие луга». Через два дня у реки Амги догнали отряды сержанта и плотничного десятника. Остановились у местного якутского князька Ниргая. О якутах Чаплин пишет: «Житие имеют в юртах, берестою... оболоченных. Скота имеют рогатова и лошадей с 7000». 22 августа появляется запись: «Ночью был малой мороз», далее упоминания о морозе все учащаются, чередуясь иногда с записями о дождях. Затем встречаются сообщения о снегопадах, а 29 сентября — выражение: «мороз великой».

Первым с Амги отправился в путь десятник. Ему для подкрепления дали 20 лошадей из партии Антипина. 26 августа вышел отряд Беринга, а за ним отряд сержанта, которому также добавили 20 лошадей. Пройдя несколько верст, переправились через речку Кинехту, попали в болотистое место и впервые «гатили гать». В дальнейшем гатить приходилось довольно часто, а для переправы через речку Большой Холым даже строили мост.

1 сентября вышли к реке Алдану. Ширина его около 150 саженей; «вниз по реке, по правую сторону — высокие горы каменные, а по левую — невысокие». На следующий день начали переправлять лошадей и груз через реку на судах, оставленных здесь Шпанбергом. На третий день закончили переправу и двинулись в путь. Впервые ночевали в лесу, прямо на топком болоте.

Пять дней подряд начиная с 5 сентября шли «камеником» вдоль речки Юнакан, «которая весьма быстра и велика в ней вода». К речке то слева, то справа вплотную подходили горы, заставляя путников переправляться с берега на берег в день до шести раз. «Корм лошадям по мху малой и хвощ». Несколько раз располага-

Карта рек Алдана, Миа и Юдомы (по итоговой карте экспедиции).

лись на ночлег в 4—5 часов дня, чтобы накормить лошадей и дать им отдых, так как впереди лежали горы, лишённые растительности. Не доезжая до речки Укачана, встретили «место великого льду, толстою лед футов 7». 19 сентября Чаплин отмечает: «Дорога была суха. Которые и были грязи и те замерзли. Корм лошадей худ». Через два дня Беринг приказал Антипину в течение двух дней кормить оставшихся лошадей, а затем отправляться к Юдомскому Кресту (место, где на берегу реки стоял крест и было построено зимовье. Ныне Юдома-Крестовская).

22 сентября Беринг прибыл к реке Юдоме, против Юдомского Креста, здесь он оставил двух солдат, двух якутов и с ними 27 лошадей. В инструкции солдатам говорилось: «И когда река Юдома замерзнет, или каксе известие будет от поручика Шпанберга...» — сообщить в Охотск. «А из оставшихся с вами лошадей, ежели кому едущим назад случитца нужда, отдать им и сказать, что кроме самой нужды не оставлять провианту, а ежели провианту от проезжих не оставлено будет и известия от поручика не будет, тогда с последними быть вам в Охотской острог» [41, л. 111].

Через несколько дней отряд Беринга направился в Охотск. 27 сентября преодолели реку Урак «с великим трудом, [река] весьма быстра и несет лед». Перевалив через гору, выехали на реку Охоту. «До сего места от Алдана, — отмечает Чаплин, — юрт жилых не видали... По правую сторону реки луга хорошие и трава великая». В рапорте Беринг писал: «А с каким трудом оною дорогою проехал истинно не могу писать, и ежели бы не дал [бог] морозу и малого снегу, то ни одна б лошадь не дошла» [41, л. 111]. 1 октября Беринг достиг Охотска, а с 6 октября стали подтягиваться остальные отряды и небольшие группы. 8 октября прибыл Козлов, 11 — Буцковский, 19 — Любимский, 22 — Вавилов. Последние люди пришли 25 октября.

Дорога была тяжелой, и многие служилые (46 из 122), а под их влиянием и некоторая часть якутов, — бежали. Три человека умерли. Из отряда Козлова убежал даже проводник, и отряд «стоял за неимением вожа и за большою водою на речке Юнакане 7 дней». Нередко беглецы уводили лошадей. Обозленный Беринг писал грозные письма в Якутск [41, л. 111, 121—122]. Вот текст одного из них: «Требуем, дабы... служилые,

которые явятца без отпусков от нас и от поручика, чтоб такие бездельники штрафованы были по е. и. в. указу, дабы впредь другим образец, а какой штраф учинен будет, чтоб о том прислать к нам известие, дабы я не принужден о том дале жаловатца».

Большой бедой на переходе Якутск — Охотск была потеря лошадей. Из 660 лошадей до Охотска дошло всего 393³⁵. По пути к Юдомскому Кресту, а затем к Охотску не раз снимали вьюки с выбившихся из сил животных³⁶, у Юдомского Креста пришлось оставить 1500 пудов продовольствия. Но еще больше, чем экспедиция, от гибели животных терпели ущерб якуты. Ведь лошади принадлежали им. Якуты с большей частью уцелевших лошадей были отпущены из Охотска. Нет данных о том, сколько лошадей дошло до Лены, но учитывая зимние условия, глубокие снега и отсутствие корма, можно полагать, что возвратились лишь единицы³⁷.

Ничего неизвестно было об отряде Шпанберга, отправившемся из Якутска в Охотск, как мы помним, речным путем. Беринг послал навстречу Шпанбергу тунгуса, но и он как в воду канул. Не было известий и от солдат, оставленных у Юдомского Креста. Ничего больше не предпринимая, Беринг решил ждать. Только 1 ноября он направил к лейтенанту служилого с письмом, в котором писал, что, если отряду до Креста осталось идти недалеко, «послать такие вещи, которые летним временем весть невозможно». Беринг не спрашивает, в каком состоянии люди и нужна ли помощь, хотя знает, что дощаники не дойдут до Креста, что людям Шпанберга по суше придется тащить грузы на себе. В конце письма он разрешал служилым «за ноябрь месяц выдать по пуду муки... чтоб от голоду не умереть» [41, л. 117].

Получив 17 декабря от Чирикова первое известие о том, что люди отряда Шпанберга на себе тащат грузы по льду реки Юдомы, Беринг приказал группе из 50 человек под командой капрала Анашкина готовиться в путь до Юдомского Креста, навстречу Шпанбергу. Однако прежде чем отправить людей, он решил дожидаться вести от самого Шпанберга. 21 декабря в Охотске появился, наконец, посыльный от лейтенанта. Шпанберг сообщал, что 4 ноября на 90 нартах он «весь забрал материал без остатку», а на зимовье при впаде-

нии в Юдому речки Горбеи (в 64 верстах выше устья Юдомы) оставил штурмана Энзеля с людьми и муку. Только в одном месте рапорта проскользнуло упоминание об истинных трудностях, испытываемых отрядом: «Нынешним числом оставил на дороге за болезнью служилых людей и за оскудением у них провианта 40 нарт». Рапорт был написан 27 ноября.

22 декабря Беринг отправил к Юдомскому Кресту 10 человек во главе с Анашкиным, которые везли 16 пудов свежего мяса и рыбу; а на следующий день послал 39 человек и с ними еще 30 пудов мяса и другие продукты на 36 нартах.

6 января в Охотск прибыли Шпанберг и два солдата, а с 10 по 16 января — остальные люди его отряда, всего 60 человек. Многие были больны; геодезист Лужин и штурман Морисон оказались настолько плохи, что их нельзя было везти в Охотск и пришлось оставить в Юдомском Кресте. 47 человек сбежали или были отпущены. Семь человек погибло. Грузы вместе с нартами пришлось оставить в пути и при них 10 человек. В Охотск привезли только геодезические и плотницкие инструменты, казну и аптеку*.

Что же произошло в отряде Шпанберга?

Поход этого отряда представляет собой поистине трагическую страницу в истории экспедиции, страницу, которая оставалась неизвестной, пока в архиве Военно-Морского Флота не был найден рапорт Шпанберга [41, л. 123—125; 39, л. 131—134].

Как мы помним, отряд вышел из Якутска 7 июля. В устье реки Алдана заготовили шесты, рули и прочее. По Алдану поднимали дощаники бечевой. 21 августа пришли к устью реки Ман. На этой реке, пишет Шпанберг, «имеютца шиверы [пороги], и подъемы гораздо трудны, и быстрота». 2 сентября были в устье реки Юдомы, «которая очень мелка, быстра и шивериста... одного судна обретающим на нем людям местами тянуть невозможно. Того ради... временем с четырех судов к одному, а на пущих порогах и подъемах и со всех судов команду посылал и такими местами шли по одной версте в день». Так продвигались до 13 сентября. К этому времени убежали или были отпущены по бо-

* Многие авторы ошибочно полагают, что к месту назначения была доставлена большая часть грузов,

лезни 47 человек. Тащить дальше дощаники было невозможно, поэтому сделали еще две лодки и, погрузив на все лодки канаты, якоря, пушки, паруса и другие материалы, «которые вьюками сухим путем везть невозможно», продолжили идти по реке. У дощаников оставили людей со штурманом Морисоном. Лейтенант приказал им построить зимовье для людей и амбары для оставшегося на дощаниках провианта и материалов.

21 сентября добрались до устья речки Горбеи, «а выше оной ни которым образом иттить невозможно». Выгрузили из судов материалы, построили амбар и два зимовья. К Морисону отправили две лодки за «казной» и пожитками рядовых, а сами начали готовить березовый лес для поделки нарт. В конце месяца прибыл Морисон и сообщил, что его суда не смогли дойти до Горбеи — ранние морозы сковали речку льдом. Шпанберг приказал людям на себе перевозить нарты с грузом, снятым с вмерзших в лед лодок. Якутские служилые люди отказались. Тогда Шпанберг велел послать их на работу под караулом, «а тех, которые заivotчики сему злу, посадить в колотки и быть при той работе... и, учинив штраф, пять человек высечь кошками...»

До 11 октября грузы были перевезены к Горбейскому острову и уложены в амбары. Изготовили 100 нарт и погрузили на 90 из них все, что нельзя было везти на вьючных лошадях летом: якоря, пушки, такелаж и др.; взяли также медикаменты, денежную казну, амуницию и муку (всего около 1000 пудов) на ноябрь и декабрь. Оставалось свыше 3000 пудов грузов, охранять которые должны были штурман Энзель и еще семь человек.

В очень трудном положении оказались работные люди, которым в Якутске выдали муку только по октябрь. Шпанберг писал: «Я, видя их нужду, дабы з голоду не поморить, велел выдать для оного пути за ноябрь и декабрь за два месяца по полтретью пуда человеку...»

В путь двинулись 4 ноября. Нарт взяли 90, потому что не хватало людей. По два человека поставили к самым тяжелым нартам, остальные тащили по одному.

С тревожным чувством люди отправлялись в дорогу. Предстояло пройти около 500 верст с обычным, значит, недостаточным при такой нагрузке запасом продовольствия, в одежде, не приспособленной для этого. Погода не благоприятствовала путникам: «От упомянутого 4

числа в пути были великие морозы и пурги», — пишет Шпанберг. Выбиваясь из сил, увязая по пояс в снегу, люди медленно шли вперед. Вскоре многие до того ослабли, что не могли передвигать ноги; ослабевших клали на нарты, а от этого и остальные быстрее выходили из строя. На пятнадцатые сутки умер один из якутских служилых.

На исходе третьей недели около речки Поворотной пришлось остановиться. К этому времени бежало еще 6 человек, «а другие многие явились больны». Здесь оставили сразу 40 нарт, а с ними — четырех человек, «которые также больны и иттить не могут». Нарты подняли на возвышенный берег и сделали над ними «для охранения балаган». Скоро прямо на дороге оставили 100 ядер, фальконет и несколько бочек с порохом.

1 декабря пришли к речке Таловке. Сбежало еще 6 человек. Продовольствие было на исходе, «больных всякой день являлось человек по 20 и больше». Пришлось оставить еще 20 нарт с шестью якорями, семью фальконетами, двумя тысячами пуль и большими канатами.

Через двенадцать дней с невероятным трудом достигли Кривой Луки. «Имели великую нужду в провианте, так что у людей и ничего не стало». Начался голод. Положение было катастрофическим. Шпанберг пишет: «Я свой провиант — муку пшеничную, крупу, мясо, горох — все разделил людям и равно с ними такую ж нужду имел».

Только после этого Шпанберг догадался пойти впереди отряда, быстро преодолел 60 верст до Юдомского Креста и оттуда послал своим людям муку. Несколько дней ожидания оказались для отряда страшными. «До прибытия к ним провианта ели люди ремни от нарт, сумы, штаны, обувь, постели кожаные и собак». Многие сильно опухли и лежали без движения, некоторые обморозились. В эти дни умерло еще четыре человека. Доставленная солдатами мука спасла от смерти остальных. Придя немного в себя, они бросили тяжелые грузы и снова двинулись в путь. Напрягая последние силы, путники медленно тащили нарты, с которых доносились стоны больных товарищей.

Лишь 17 декабря первые нарты добрались до Юдомского Креста, а через три дня, оставив здесь больных, в том числе Лужина и Морисона, а также гранаты, порох и жесь, все, кто мог двигаться, на 40 нартах (с де-

нежной казной, аптекой и инструментами) отправились к Охотску.

И опять все повторилось: помощь от Беринга запаздывала, норма продовольствия оставалась скудной, и это при колоссальной затрате сил, да еще в условиях сибирской зимы! В течение нескольких дней мука кончилась. «До 29 числа шли с немалою нуждою, в жестокие морозы, — пишет Шпанберг, — провианту не стало ж, и ели имеющих на дороге пропалых лошадей и всякие кожаные вещи». Люди падали от истощения и усталости, поднимались и снова падали, как подкошенные. Движение замедлилось. Но вот иссякли последние силы — отряд остановился.

И снова Шпанберг отправился вперед, чтобы спасти людей от верной гибели. О том, в каком состоянии находились они, мы узнаем из следующих слов рапорта: «Пошел я наперед в Охоцкой острог, понеже из людей, которому можно иттить, такова нет, все отощали; а я шел денно и ночью». 31 декабря лейтенант встретил отряд Анашкина, высланный из Охотска. Шпанберг вернулся с ним, раздал людям мясо и рыбу. Вскоре из Охотска прибыло еще 36 нарт с продовольствием. Люди были спасены.

В рапорте Шпанберг указывает, что «вож Колмаков от зимовья до Креста и от Креста до Охоцкого острога ничего дороги не знал, и что сказывал мне, то все лгал; и когда следу и дороги не было, тогда мы много блудили за неимением дороги и шли много не в путь, лишнего». Конечно, плохой проводник усугублял трудности. Однако Беринг допускал неточность, когда в письме Чирикову говорил, что люди Шпанберга «много приняли нужды в пути, от обманства вожа» и что «на якутских служилых больше расход, нежели от них способ [помощь]» [41, л. 120], хотя без помощи сибиряков он не смог бы добраться до Камчатки.

Таким образом, итог похода отряда Шпанберга был весьма плачевным: подавляющая часть грузов застряла на полпути (у Горбеи), остальные брошены в четырех местах по берегам Юдомы.

Во время пребывания в Охотске нужно было достроить судно, чтобы летом будущего года перебраться на Камчатку; кроме того, вывезти грузы, оставленные на Горбее и в других местах, и, наконец, доставить продукты из Якутска.

Как же обстояло дело с постройкой судна? Строительством занимались 26 человек, руководил ими сын боярский Якуцкий. К июлю 1726 г. было «новое судно морское сошито, а поныне оное судно достроить, упруги слать и конопатить невозможно... понеже в Охотском смолы и пенки не обретаецца».

Огромные затруднения испытывали строители с продовольствием. Дело в том, что хлеб здесь не выращивали, купцы сюда почти не наезжали, а если и бывали, так не ради торговли хлебом, а в погоне за дешевой пушницей. Поэтому купить муку было практически невозможно.

По приезде капитана в Охотск ему подали рапорты капрал, солдат и якутские люди, занятые на постройке. Первые писали, что получили продовольствие лишь до первого января 1726 г. и уже девять месяцев сидят без хлеба. Правда, им удалось взять у местных жителей 12 пудов заимообразно.

Беринг принял неожиданное решение: выдать им муку и крупу только за четыре месяца, а за остальное время уплатить деньгами, причем по якутской цене, т. е. по крайней мере в десять раз меньшей, чем в Охотске. Но и с приходом экспедиции им предстояло голодать еще несколько месяцев — полученной муки не хватало даже, чтобы вернуть долг местным жителям.

Якутские служилые люди жаловались, что не получают жалованье, и просили заплатить причитающиеся каждому 5 руб. 25 коп. Беринг приказал выплатить по 2 руб. 50 коп.

ЗИМОВКА В ОХОТСКЕ

С Берингом в Охотск прибыло много людей. Теперь можно было быстрее достроить судно. Но строительство корабля не решило бы дела: ведь плыть на Камчатку было уже поздно** — приближалась зима. Следовало готовиться к зимовке.

Из леса, вырубленного по берегам реки Охоты, построили казармы для рядовых, избы для начальника и офицеров и непременно в русском поселении баню. Рогатый скот, пригнанный из Якутска, забили на мясо. Рядовым в питание шла купленная у тунгусов оленина.

Сложнее было собрать и привезти в Охотск грузы, оставленные на пути из Якутска. Сделать это следовало обязательно зимой.

В рапорте в коллегия Беринг писал: «И ныне еще подлинно не могу предложить за умножением больных докамест материалы и провиант, оставленные на дороге, в Охоцкий острог не зберутца... Нынешней зимою здесь великие снега и жестокие морозы и пурги, и скаывают здешние жители, которые живут здесь больше 20 лет, что не помнят такой жестокой зимы» [41, л. 122].

В самом конце января Беринг и Шпанберг тщательно освидетельствовали всех людей и даже не подчиненных им якутских служилых, которые были посланы на Камчатку с комиссаром Тарабукиным, отобрали здоровых, и вскоре был отдан приказ: 13 февраля отправиться за грузами, брошенными на Юдоме. Всем служилым людям, шедшим на Юдому, выдали на три месяца по два пуда муки и по пуду мяса. Впервые дали продовольствие и тунгусам (31 человек): по полпуда муки и мяса и по рублю деньгами.

Возглавил отряд Шпанберг. Ему предписывалось собрать все и доставить в Охотск. Если не хватит силы вывезти все грузы зимой, то не брать те, которые можно перевезти летом вьюками, а «оставлять на высококом месте, чтобы не повреждено было от прибылой воды, також де срубить балаганы и покрыть, дабы от зверей не повреждено было» [49, л. 1]. Всего вышло из Охотска 95 человек, в том числе Чаплин и Анашкин. Нарт взяли с собой 76. Имелось несколько собачьих упряжек, но в основном нарты тащили люди.

Особенно трудно приходилось служилым людям и плотникам. Первые более чем за полгода, а вторые за год пребывания в экспедиции пообносились, обмундирование же им не полагалось, жалованье из Якутска задерживали, продовольственный паек был мизерным. Приказ о выходе в путь вызвал среди них ропот. «Капитан посылает нас нагих, босых, без жалованья на верную смерть и это в его воле, — говорили они. — Идем, и ежели сможем подыдем казну, а не в мочь — и не тронем» [50, с. 542—543].

14 февраля отряд вышел в путь. Вскоре нашли труп умершего плотника. Затем пришлось оставить 14 человек ослабевших, «которым, — пишет Шпанберг, — с

нами иттить невозможно. И приказал им иттить по возможности». Несколько дней подряд была «великая пурга, снег и противный ветер, и стали быть снега глубоки». Наконец через две недели первые нарты достигли Юдомского Креста. Здесь жили больной геодезист Лужин и вместе с ним 7 человек. Лужин сообщил, что 2 февраля умер штурман Морисон. Люди были настолько слабы, что не могли похоронить его.³⁹

По реке Юдоме пошли двумя группами. Первую возглавил Чаплин (30 человек), вторую (42 человека) — капрал и матрос. Стояли «великие морозы». Спустя день перевалили через гору Кривая Лука и нашли первую партию брошенных грузов. Здесь встретили плотника, который шел от реки Поворотной и был едва живым. Трудно представить себе, какое самообладание надо было иметь, чтобы одному в необитаемых местах, без пищи, при страшных морозах и пурге день за днем упорно идти вперед. Через три дня заболели два плотника, пришлось их оставить на дороге.

8 марта достигли речки Большой Еловки. Здесь нашли труп еще одного погибшего. На следующий день группа капрала отправилась дальше, а группа Чаплина, погрузив на нарты канаты, 6 якорей и 7 пушек, повернула к Юдомскому Кресту.

15 марта Чаплин отмечает, что «от великого морозу больше иттить не могли» и несколько часов вынуждены были стоять.

В Юдомском Кресте (18 марта) узнали, что неделю назад умер Федор Лужин. Нужно было идти дальше, к Охотску, но у служилых людей и тунгусов не осталось продовольствия. Шпанберг, к которому они обратились с просьбой, приказал выдать им продукты, и группа Чаплина продолжала путь. Двигались медленно, так как «дорога весьма худа, — читаем в журнале Чаплина, — понеже всю замело... у людей корму мало, многих кормлю своим провиантом».

Уже кончался март, а помощи, обещанной Берингом, все не было. Шпанберг из Юдомского Креста отправил в Охотск рапорт, в котором сообщал о трудностях с продовольствием и высказал трезвое наблюдение: «В оном пути неоднократно видел, корму у людей происходит [расходуется] с лишним, понеже люди идут в тяге и едят против домашнего втрое» [39, л. 166]. Затем Шпанберг и сам направился в Охотск, чтобы быст-

рее получить помощь своему отряду. Обогнав Чаплина, он 29 марта встретил посланцев из Охотска, которые везли мясо и рыбу.

А тем временем, выбиваясь из сил, полуголодные люди Чаплина тянули груженные нарты. Когда они встретили посланных из Охотска, то оставили у себя восемь человек, а остальных отправили капралу Анашкину.

6 апреля, после почти двухмесячного похода, группа Чаплина прибыла в Охотск, доставив грузы с реки Юдомы (кроме одного якоря).

Но на долю людей Анашкина пришлось самые тяжелые испытания. Если свирепого Шпанберга якутские служилые боялись, а мягкого Чаплина уважали, то капрала Анашкина они, видимо, ни боялись, ни уважали. В его отряде произошло волнение. Вот что рассказывает сам капрал: «Как дошли до Поворотной к материалам, и стали становитца. И я шел наперед с восьмью человеками... Якуцкие служилые 12 человек... стали проходить мимо необыкновенною гурьбою. И я стал им говорить, чтоб становились нартами в линию к материалам, а они молча проходят материалы... Я, видя, что у них недоброе намерение, закричал... чтоб их остановить... Стали мы говорить: какое намерение имеете?... И они ответствовали, что не хотим де так умереть, как другие умерли, и идем де в город прямо, а там де нас не остановить. И выхватили ножи, топоры и из нарт оглобли, и стоптали снег, и сказали; ежели будете неволею нас брать, мы де вас перережем. Еще ж я стал им говорить, что де вам и нам равная служба... дано вам денежное и хлебное е. в. жалованье и мясо, и в корму де нужды до сих пор не имеем. И они мне сказали, что де мы то жалованье заслужили прежде сей посылки; во всю де осень работали на капитана у строения ево дому, возили бревна, дрова и мох. И думал де капитан, что мы лошади были. И бранили господина капитана и протчих господ офицеров... говорили: наехали де некрещенные и мучат народ. А ты, де, господин капрал, возвратись пока жив, нечево тебе делать и поклонись капитану за жалованье. А спорить и ругатца с ними я такой силы не имел: было нас малолюдство»* [39, л. 167—168].

* В литературе об этом волнении не было известно.

Сообщение Анашкина подтвердили бывшие с ним солдаты и плотник. В этом возмущении особенно ярко проявилось недовольство, порожденное неравенством⁴⁰ и непосильным трудом, — гнев вылился в открытое возмущение. Если в других экспедициях причиной гибели людей из-за недоедания и цинги было отсутствие продуктов, то здесь их имелось вполне достаточно (забегая вперед, скажем, что после окончания экспедиции одной только муки осталось более двух тысяч пудов).

Когда в группе капрала стало особенно трудно с питанием, он послал к Юдомскому Кресту тунгуса, от которого Шпанберг узнал, как он сам писал в рапорте Берингу, что «у людей мало корму стало, а именно у якутских служилых и у тунгусов, и стали де есть собак». Поухоронив на обратном пути двух товарищей, группа Анашкина 8 апреля пришла в Охотск.

Доставленные грузы перевезли к морю и сложили в амбары. Однако довольно много главным образом легких материалов находилось еще у Креста. За ними последним санным путем был послан 12 апреля отряд из 24 человек под командой ученика Козлова.

21 апреля произошло чрезвычайное происшествие: писарь Семен Турчанинов объявил Шпанбергу, что знает за капитаном «важное дело»⁴¹. Закон предписывал в таких случаях взять доносчика под стражу и немедленно направить в столицу. Писарь, закованный в кандалы, под охраной двух солдат был отправлен в Якутск.

До сих пор неизвестно о существовании доноса. Но, видимо, он касался каких-то злоупотреблений Беринга. В этом отношении весьма показательна запись в журнале Адмиралтейств-коллегии: «К тобольскому губернатору послать указ, велеть имеющиеся в Якутске обретающегося в сибирской экспедиции капитана Беринга с багажом сундуки и баулы привезти в Тобольск и по привозе при фискале в той канцелярии печати, описав, снять и багаж переписать... а помянутому капитану, до получения из Верховного тайного совета или из Сената указов, не отдавать» [15, л. 680].

...День ото дня все теплее пригревало солнце. Наступала третья для экспедиции сибирская весна. Уже 10 мая Чаплин отмечает в журнале: «Великая вода в реке. Временем несло лед». Через два дня вода стала убывать, а вскоре прошел последний лед.

Теперь все внимание переключается на достройку судна. 13 мая плотников, конопатчиков, кузнецов и мотеходов во главе со Шпанбергом Беринг отсылает к месту постройки, туда перевозят уголь и необходимые материалы.

В конце мая начался лов рыбы. Чаплин пишет в журнале: «Отпущены служители все из острогу к морю ловить рыбу про себя». Беринг, правда, отмечал, что рыбы в 1727 г. было меньше, чем прежде, «и ежели провианту сухим путем из Якутска привезено не было, то б, конечно, з голоду померли» [49, л. 24]. Свежая и питательная пища быстро восстановила силы людей, благотворно действовала на больных, которые, видимо, страдали главным образом от цинги. За месяц число больных сократилось в четыре раза.

В начале мая из Юдомского Креста прибыл отряд Козлова. Он доставил на 15 нартах канаты, паруса, свыше 1000 патронов, порох, железо и др. В рапорте Козлов сообщил, что в дороге особенно тяжело пришлось тунгусам, у которых еще 27 апреля кончились продукты. «А путь наш, — писал он, — весьма труден. Снег идет непомерный, мокрой, мороз имеетца малой, и ни дорогой, ни стороной иттить невозможно. Которое утро подмерзнет, тот день подадимся до половины дни, но более имеетца в стоянии за трудным путем» [39, л. 178—179].

Вывезти все не удалось, так как дорога испортилась. Часть грузов пришлось на плотах спустить по реке Урак к морю. Штормовая погода долго не позволяла перевезти их в Охотск морем.

Большое беспокойство вызывали грузы, застрявшие в Горбейском зимовье. 7 июня туда вышло 5 человек во главе с комиссаром Дурасовым. Они повезли кожаные сумы и приказ зимовавшему там штурману Энзелю доставить к Юдомскому Кресту железо, смолу, а также крупу и другие продукты. Для проводки судов должны были прислать из Якутска людей взамен бежавших из отряда Шпанберга. Не надеясь на якутскую контору, Беринг через некоторое время сам послал Энзелю 32 человека. Позже стало известно, что люди, отправленные из Якутска, дошли до Алдана и разбежались. Своих людей у Энзеля было мало, поэтому Беринг приказал ему плыть с грузами не к Юдомскому Кресту, а в Якутск, чтобы оттуда на лошадях перевез-

ти в Охотск муки и крупы хотя бы 150 пудов (из 2050 пудов).

8 июня 1727 г. наконец торжественно спустили построенное судно на воду. Назвали его как бы в надежде на будущие удачи — «Фортуна». Это был одномачтовый парусник. Через неделю после спуска на судно поставили мачту и оснастили его.

Теперь нужен был план дальнейших действий. По требованию Беринга свое мнение высказал Шпанберг. Он дал разумный совет: послать на Камчатку людей и все необходимое для постройки нового судна. «Фортуна» была уже полностью загружена (около 250 пудов муки и крупы, 32 пуда железа, 18 пудов сушеного мяса и т. д.), а значит, ждать, когда подвезут новые грузы, не имело смысла. После рейса на Камчатку «Фортуна» должна была сразу вернуться в Охотск.

Почему Беринг и Шпанберг говорили о строительстве нового корабля и не хотели плыть на север на «Фортуне»? К сожалению, в документах отсутствует характеристика построенного судна, но скорее всего оно было недостаточно вместительным, а главное не обладало нужной прочностью и мореходными качествами. Ведь это был «шитик» (доски бортовой обшивки между собой стягивались прутьями).

1 июля 1727 г. «Фортуна» под командованием Шпанберга на веслах вышла в Охотское море. На судне было 48 человек, в том числе Путилов, Козлов, 6 матросов, 7 солдат, плотник-десятник, 3 адмиралтейских плотника, конопатчик и кузнец, 12 енисейских и иркутских плотников и кузнецов, а также камчатский комиссар и 13 служилых, которые направлялись к месту службы⁴².

Со дня на день в Охотске должен был появиться Чириков. Что же происходило в его отряде, зимовавшем в Якутске, а главное, как он преодолел путь до Охотска?

В конце августа 1726 г. люди Чирикова сгрузили в амбары более 2500 пудов муки, доставленной из Верхоленска, а затем в Охотск с якутским служилым человеком отправили на лошадях 800 пудов муки (с двух судов, оставленных в Якутске Шпанбергом в июле 1726 г.). Правда, служилому пришлось зазимовать на реке Алдан, так как ему дали плохих лошадей,

и на дороге после Беринга были «кормы конные вытравлены».

2 октября в Якутске выпал первый снег. В декабре стояли сильные морозы. 31 декабря Чириков записал: «Примрачно. Мороз жестокий. Воздух от морозу густ...» Краткие записи журнала заполнены данными о погоде.

С февраля Чириков начинает готовиться к походу в Охотск: покупает у местных жителей оленьи кожи для потников, 31 быка, посылает в улус солдат, чтобы скорее собрать лошадей.

1 мая покинули Якутск. По льду перешли Лену. Затем двигались по реке Тате. 9 мая подошли к реке Мге. Она вскрылась уже за три дня до того и сильно разлилась. Пока делали плоты, перевозили муку в берестных лодках. Потом на двух плотах размером 3×4 сажени переправили через реку всех лошадей и 16 быков (20 быков преодолели реку вплавь).

Для того чтобы не задерживаться на Алдане, Чириков отправил вперед квартирмейстера Борисова с якутским служилым, приказав им сделать там плоты. На речках Наха, Елгейя и Чепонца снова строили плоты и даже мост.

23 мая отряд Чирикова прибыл на Алдан, к пункту, который и ныне называется Охотский перевоз. Здесь уже были почти готовы шесть плотов. За Алданом находилось 312 лошадей, предназначенных для перевозки продуктов в Охотск. 1 июня переправили на другой берег скот и продовольствие. Проявляя разумную осмотрительность, Чириков послал солдата обследовать дальнейший путь, а затем направил людей расчистить дорогу.

Наконец с 3 по 8 июня 1727 г. пятью группами (всего 97 человек) двинулись к Охотску. На 140 лошадях везли 1500 пудов муки [39, л. 188]. Только небольшая партия, гнавшая скот (39 быков, 10 коров, 2 свиньи), задержалась, чтобы перед дальней дорогой откормить животных.

Чем дальше, тем труднее было идти. В топких болотах лошади обрастали тяжелыми комьями грязи, приходилось часто останавливаться «для осушения и облегчения лошадям».

24 июня отряд Чирикова подошел к зимовью Юдомский Крест. В журнале Чирикова читаем: «Широтою Юдома в 40 сажень, умеренной в здешнем месте быст-

роты. В малую воду есть через нее броды; а мы лошадей перегоняли вплавь, а провиант перевозили на плоту».

От Юдомы двинулись берегом речки Озерной и 29 июня достигли реки Урак. За 4 дня трижды переправлялись с одного берега на другой. 2 июля были у реки Охоты, а на следующий день — в Охотске.

Таким образом, Чириков быстро и успешно перешел из Якутска в Охотск. Если первые сухопутные отряды в июле только начинали отправляться из Якутска, то отряд Чирикова в первых числах того же месяца был уже в Охотске. Три основные группы его отряда потеряли всего 17 лошадей. Не было ни одного побега. Нужно думать, это свидетельствовало о хорошем отношении Чирикова к людям.

В конце июля в Охотск якутский служилый доставил 800 пудов муки, последним прибыл туда солдат, пригнавший скот. Теперь здесь собрались все, кроме тех, кто находился на Горбее.

Лишившись двух тысяч пудов продовольствия, застрявшего на Горбейском зимовье, решили использовать местные пищевые ресурсы, прежде всего рыбу. Не упустили возможности заготовить и некоторое количество утиного мяса.⁴³

10 июля с Камчатки вернулось старое судно,⁴⁴ ушедшее туда с двумя комиссарами еще в 1725 г. Беринг потребовал у них объяснения по поводу длительного отсутствия. Комиссары оправдывались тем, что судно было непригодно к обратному плаванию в 1726 г. В подтверждение они предъявляли копию со «скаска» одного из мореходов. Мореходами на судне были Никифор Треска (в 1716 г. открывший путь на Камчатку через Охотское море) и Иван Бутин. Беринг взял и от них письменные объяснения.

Никифор Треска писал: «В прошлом 725 году октября в 7 день пошли мы из Охотска в Камчадалские остроги... и не дошед до Большерецкого острогу верст 200 от великого ветра бросило судно валами на берег и несколько упругов от пришивки оторвало... И в том месте зимовало. А прошлого 726 г. весною к оному судну я... ходил и починил, на котором пришел в Большерецкий июня в первых числах и комиссарам сказывал, что время иттить за море. Но оне, комиссары, в прошлом году не пошли... и многократно меня сажали в казенку и

говорили мне, чтоб я подписал, что судно в ход за море негодно. И я не подписался» [39, л. 194].

Бутин к объяснению Трески добавил: «Когда сидел в казенке, в подписке, что судно негодно в ход, я не подписался. И оне, комиссары, призвав меня, Ивана, к себе и напоив пьяна, написали подложную скаску и велели вместо меня и руку приложить. Токмо я скаски не давал и руки прикладывать вместо себя никому не велывал».

На Камчатке от представителей местной власти особенно сильно страдало коренное население. Комиссары давали здесь полную волю своим «аппетитам». Им, оказывается, не хватало целого года для того, чтобы «погреть руки» на сборе ясака.

Чтобы перевезти оставшиеся грузы, кроме «Фортуны», решили использовать и старое судно. Но прежде нужно было его капитально отремонтировать: вытащить на берег, заменить часть деревянной обшивки, проконопатить и просмолить. 5 августа судно спустили на воду и на плаву закончили работы. А через пять дней вернулась с Камчатки «Фортуна» за новым грузом.

14 августа Беринг потребовал от лейтенантов представить свое мнение по следующим вопросам:

1. Идти ли до Большерецка на обоих судах или одно оставить в Охотске, чтобы дождалось людей с Горбей?

2. Если их не ждать, на сколько времени оставить им денежное и продовольственное содержание и из какого расчета выдавать провиант?

3. Всех ли служителей и плотников, посланных на Горбею, взять с собой на Камчатку или некоторых отпустить?

4. Оставить ли при Охотске до своего возвращения некоторое количество скота?

В ответах на эти вопросы все три офицера были единодушны, в результате приняли следующее решение:

1. Поскольку провианта и материалов достаточно, чтобы загрузить оба судна, «надлежит иттить на обоих судах и отправитца отсюда с поспешением и, пришед к Большой реке, одно судно возвратить при первом собственном ветре».

2. На тот случай, если противные ветры помешают послать это судно или служители с Горбей придут поздно, когда уже будет невозможно плыть на Камчатку, оставить им денежное жалованье на полгода и муки на

10 месяцев, по одному пуду на человека в месяц, а также пустить на пищу одного быка и все потроха от скотины, забитой на мясо.

3. Всех мастеровых отпустить по домам, выдав им паспорта.

4. 6—7 быков отдать живыми местным жителям, чтобы получить их при возвращении, «а ежели скота иметь не будут, чтобы отдать по 2 хороших оленя за каждую скотину». Подписи: Беринг, Шпанберг, Чириков [39, л. 199—200].

В Охотске вручили больному Ендогурову инструкцию и 200 рублей денег на жалованье. Вместе с ним здесь оставались матрос и пятеро солдат. Они должны были забить 60 голов скота, сложить мясо в амбары, пересыпать снегом, потом посолить, наварив для этого соли.

18 августа закончили погрузку обоих судов. В трюмы старого судна поместилось 1095 пудов, нового — 987. Кроме того, на каждое из судов погрузили по 35 пудов железа и по 16 десятиведерных бочек с водой.

Все было готово к выходу в море. Беринг и Шпанберг облюбовали более надежную «Фортуну», Чирикову с Чаплиным, иеромонахом, 15 матросами и солдатами, а также четырьмя мореходами приказано было плыть на старом судне.

Настроение у всех было хорошее. Наконец-то, после почти трехлетних мытарств на суше можно поднять паруса, чтобы наполнились они свежим морским ветром. Все получили продовольствие на сентябрь, напекли в дорогу хлеба, насыпили сухарей. Особенно довольны были мореходы: им выдали жалованье за прошлое время и за 1727 г.

Перед выходом в море Беринг отправил с попутчиком последний из Охотска рапорт и карту пути экспедиции от Тобольска до Охотска. В рапорте он перечислял участников экспедиции и указал место их нахождения. Всего их было 85 человек: 35 — на двух судах, 21 — на Камчатке, 7 — в Охотске, 17 — на Горбее, 1 (больной) — в Якутске, 4 — на пути в Петербург [49, л. 39]. В этом рапорте есть место, которое вызывает недоумение. Беринг пишет: «Намерен иттить обеими судами кругом носу к устью реки Камчатки». Эти слова его опровергает Чириков, записав в журнале: «А мне приказано итти на старом судне в путь наш... к устью Большерецка».

На судне, служившем уже много лет, небезопасно было плавать и по Охотскому морю, не говоря уж о Тихом океане. В Большерецке оба судна — и старое и новое — сразу разгрузили и затем почти все грузы перевезли на восточный берег Камчатского полуострова по рекам и на нартах. Почему Беринг допустил неточность в рапорте? По-видимому, он заранее хотел оправдать сухопутные перевозки через Камчатку, которые сопряжены были с колоссальными трудностями (о них он знал еще в Илимске в 1725 г.).

ЧЕРЕЗ ОХОТСКОЕ МОРЕ И КАМЧАТКУ

...22 августа около полудня суда направились к берегам Камчатки. С этого дня сутки отсчитывали, как тогда было принято у моряков, с полудня до полудня.

Погода часто менялась: то наступал полный штиль, то поднимался ветер, часто шли дожди. Несколько раз отклонялись от курса. Утром 28 августа заштилело. Измерили глубину, она уменьшилась до 32 саженьей, это указывало на близость берега. И действительно через 3 часа увидели Камчатку. Устойчивый противный ветер заставил бросить якорь в трех верстах от берега. Утром 29 августа послали на берег лодку. Привезли три бочки воды. Мореходы опознали речку — это была Крутоголова. Простояли на якоре три дня.

3 сентября около полудня, когда уже подходили к устью реки Большой (юго-запад Камчатки), ветром стало относить суда от берега. Пришлось стать на якорь. В это время, пишет в журнале Чириков, «явилась в нашем судне в носу немалая течь». С началом прилива оба судна втянули в реку бечевою и поставили у берега. На следующий день Беринг и Шпанберг с личным багажом и казной (на 21 лодке) отправились в Большерецк, отстоящий от устья на 21 версты, на 34 версты, а через несколько дней туда перебрались и Чириков с Чаплиным. В Большерецке русского жилья было тогда 17 дворов.

Теперь предстояло перебросить все грузы через полуостров к устью реки Камчатки. Беринг запросил заказчика* Большерецкого острога Алексея Еремеева, как

* Управитель, осуществлявший власть в населенном пункте.

удобнее, быстрее и дешевле перевезти грузы через полуостров и имеются ли такие люди, которые ходили вокруг Камчатки морем на байдарках, «и судами можно ли обойти кругом носу до устья реки Камчатки, которые содержатся для перевозу между здешним и Охотским острогами» [49, л. 39]. Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что Беринг спрашивал о возможности обойти Камчатку на старом судне (на

Полуостров Камчатка (по итоговой карте экспедиции).

котором было небезопасно пересекать даже Охотское море), тогда как у него было новое судно «Фортуна».

Еремеев сообщил имена служивых людей, которые на байдарках плавали вдоль восточного берега Камчатки от южной ее оконечности до устья реки Камчатки, указав, сколько дней занимает этот путь и сколько времени необходимо, чтобы перевезти грузы по рекам.

Беринг не отважился плыть вокруг Камчатского полуострова, да и сведения эти он запросил, когда суда уже разгружались в Большерецке. Позже капитан писал, что «препятствовали жестокие ветры противные с дождем, и ... что время по здешнему состоянию поздно и место неизвестное, понеже прежде сего никто такими судами не бывал» [49, л. 51]. Однако прошло всего три дня сентября, и, судя по записям в журналах, погода не препятствовала продолжению плавания.

Главное заключалось в том, что Беринг, преувеличивая опасность, не хотел плыть вокруг мыса Лопатки и вдоль восточных берегов полуострова. На старом ветхом судне, да еще с течью, выходить в такое плавание, конечно, было бы опасно. Но если бы он решился на «Фортуне» обойти Камчатку морем, это во много раз сократило бы объем сухопутных перевозок. И еще в сентябре 1727 г. значительная часть всех людей и грузов была бы в Нижнекамчатске, что позволило бы быстрее построить судно и раньше выйти в плавание на север.⁴⁵

Для разгрузки судов и перевозки грузов на берег Беринг потребовал от комиссаров близлежащих пунктов прислать людей и лодки. До 9 октября большинство членов экспедиции, а также 80 камчадалов занимались этой работой. Было использовано 40 местных лодок (батов).

19 сентября 12 человек во главе с лейтенантом Шпанбергом на 30 лодках отправились вверх по реке Быстрой. Они везли все необходимое для постройки и оснастки судна, а также 107 сум с мукой. Грузы нужно было поднять по реке как можно выше, затем перенести их сушей на реку Камчатку. В Верхнекамчатске предполагалось потребовать людей с лодками, затем плыть до Нижнекамчатска и заложить там судно. В Нижнекамчатске следовало закупить у местных жителей 20—30 оленей и начать приготовление смолы и углей, а также потребовать людей, в том числе 8—10 человек, знающих плотницкую работу.

Через 17 дней от Шпанберга возвратилась часть людей во главе с Мошковым. Они рассказали, что провести лодки по реке Быстрой было очень трудно: утонул камчадал, пошли ко дну 2 якоря, канат и 8 сум с мукой.⁴⁶

Все, что с таким трудом было привезено сюда, за многие тысячи километров, имело исключительную цен-

Алексеи Ильичи Чириков у северо-западных берегов Америки,
открытых им в 1741 г.
(С современной акварели. Центральный военно-морской музей.)

Могила Витуса Беринга на острове, названном его именем.

Памятник экспедиции капитан-командора Витуса Беринга,
сооруженный на острове Беринга.

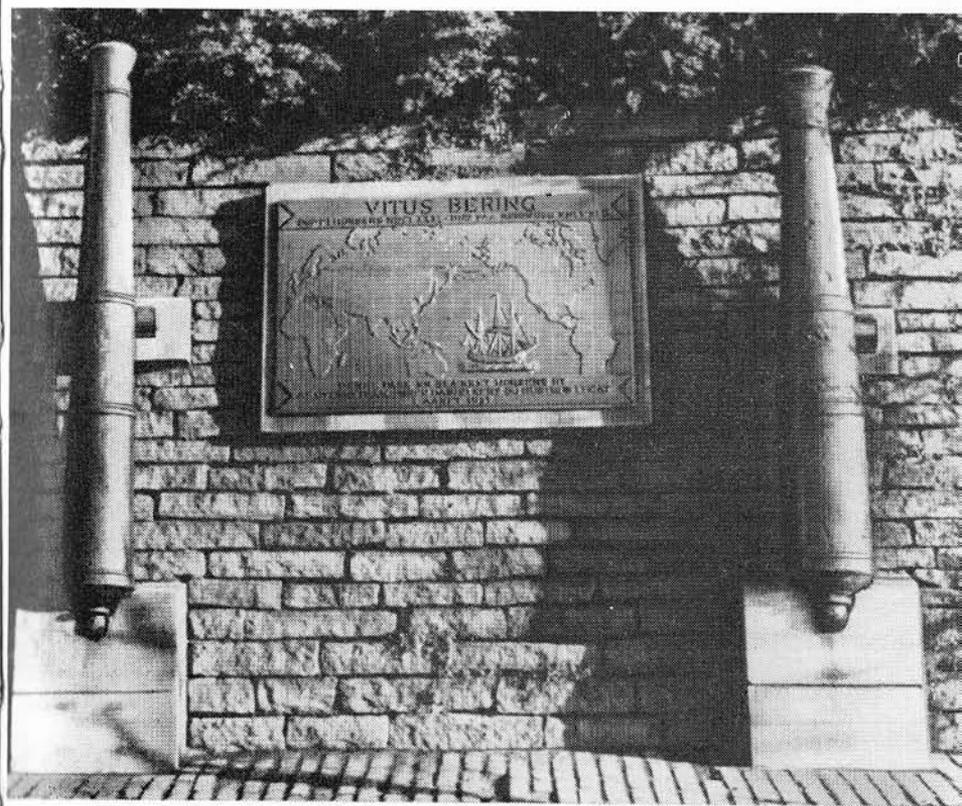

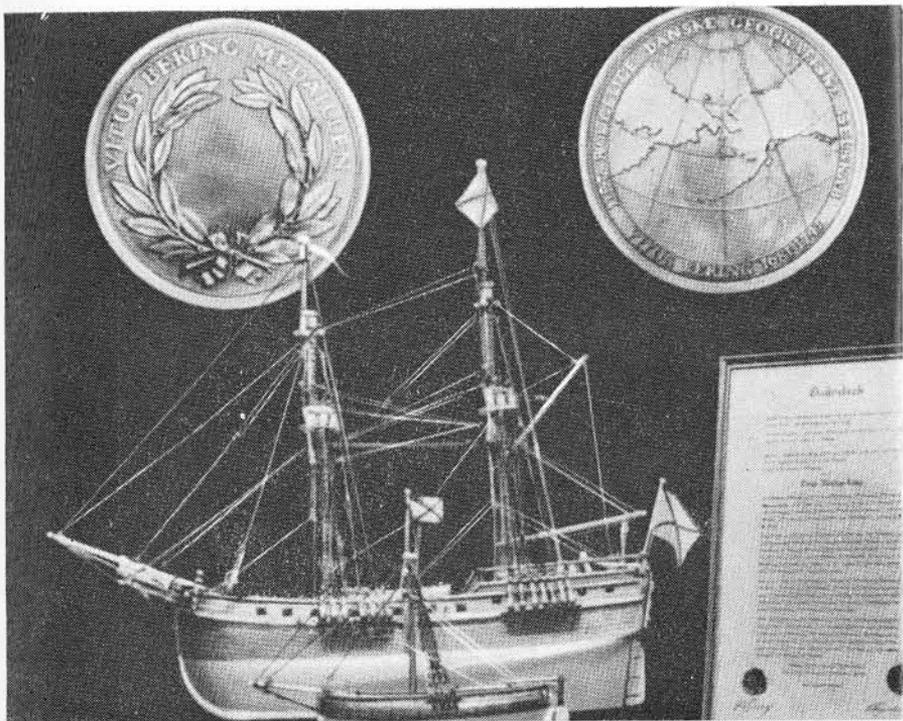
Памятник Витусу Берингу в Петропавловске-Камчатском.

Мемориальная доска на доме в городе Хорсенсе, в котором родился В. Беринг.
(Фотография прислана мером Хорсенса Холгером Соренсенем.)

Памятник Берингу в Хорсенсе.
Пушки с корабля «Св. апостол Петр», найденные на острове Беринга, подарены городу моряками советского крейсера «Орджоникидзе», который посетил Данию с дружеским визитом в 1956 г.
(Фотография прислана мером города Хорсенса Холгером Соренсенем.)

Мемориальный комплекс, состоящий из медали в честь Витуса Беринга, моделей «Св. апостола Петра» и небольшого судна. Модели выполнены из обломков беринговского корабля, разбившегося у острова Беринга в 1741 г.

(Фотография прислана мером города Хорсенса Холгером Соренсенем.)

само бедствовало, так как в предыдущем году был плохой улов рыбы, а местами, например в Верхнекамчатске, свирепствовал голод. Очень трудно было получить собак. Ясашный сборщик из Верхнекамчатска, приславший лишь 19 упряжек, писал: «А более я собрать подвод не мог и впредь собирать некого, понеже собак у иноземцев в острогах нет. А которые каюры... везли аманацкую юколу, и у тех собаки все дорогою пропали, а оне, иноземцы, пришли на свои жилища пешком» [49, л. 210].

В начале января все же удалось отправить из Большерецка в Верхнекамчатск 63 нарты с грузами. Так как собак было мало, то в каждые нарты впрягали только 3—4 собаки, а впереди обоза шли 6 человек «передовщиков для проклатки дороги». Вскоре послали еще 22 нарты. Из 85 нарт на 30 везли личный багаж Беринга.

Наконец 14 января в Верхнекамчатск вышел сам Беринг с лекарем⁴⁸ и Чаплиным. Через 11 дней они прибыли туда. Тогда в Верхнекамчатске было всего 17 дворов. Как отмечает Чаплин, река местами не замерзает, по берегам «лес порядочный, березняк».

В Большерецке старшим остался Чириков. Он должен был вывезти в марте находившиеся при нем 340 сум, для чего из разных мест получить 180 упряжек.

Люди Чирикова в январе обшивали коровой кожей деревянные бочонки для хранения пороха; из сладкой травы (видимо, солодки) гнали вино для выдачи в счет морского пайка. Около середины февраля в Большерецк вернулся солдат Капотиллов. Он привел только 19 упряжек, которые Чириков отправил в Верхнекамчатск, нагружая на каждые нарты, запряженные четырьмя собаками, по 7 пудов.

Всегда тщательно наблюдавший природные явления, Чириков 15 февраля записывает в журнале, что при заходе солнца было затмение луны: «А понеже восходила [луна] во облаках, того ради не видали сколько была затменна в самом восхождении. А в 5 часов пополудни расшедшимся облакам луна явилась, имея на 2 или на 2¹/₂ дюйма восточного края не затменна, выступающа из затмения. А при конце затмения усмотрена высота звезды Сириус на восточной стороне меридиана 19°18', а прямая высота и кроме рефракции — 19°13', которое имеет склонение южное сего года 16°16' и прямое восхо-

ждение 97°26', а солнце тогда имело склонение 9° и близ 18°. И через то обретается ево прямое восхождение 33°7'51" и потому познано, что Сириус к меридиану придет пополудни 7 часов 58 минут и 20 секунд, а через ширину места со склонением и усмотрением звезды сыскано недошества ея к меридиану 1 час 12 минут 40 секунд, что из время пришествия к меридиану вычтено, и осталось 6 часов 45 минут и 40 секунд... при конце затмения была над горизонтом преходящим через центр земли параллельно горизонту, касающемуся поверхности или поверхности земной на месте сем».

Из Верхнекамчатского острога Берингу удалось послать в Нижнекамчатск (в феврале) 67 нарт с мукой, железом, пенькой, инструментами, аптекой и денежной казной. А 2 марта туда двинулся и сам Беринг. в «Краткой реляции...» он писал: «До Верхняго и Нижняго Камчатских острогов переправились совсем по тамошнему обычаю на собаках. А каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы в снегу, а сверху покрывали, понеже живут великие метелицы, которые по тамошнему называются пурги. И ежели застанет метелица на чистом месте, а стану себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, от чего и умирают» [53, с. 92].

Через три дня пути издалека «увидели гору, которая горит». Еще через пять дней достигли урочища Ушки, где мастеровые готовили лес для судна, и здесь заночевали. На следующий день прибыли в Нижнекамчатский острог. Он располагался на правом берегу реки и насчитывал 40 дворов, которые растянулись вдоль берега на версту.⁴⁹

Позже Беринг писал: «В бытность нашу при Камчатке во всех трех острогах [Большереецком, Верхнекамчатском и Нижнекамчатском] служилых людей было не более 150 человек, которые живут для збору ясаку... По Камчатской земле к югу живут курила, к северу — камчадала, язык имеет меж собою в некоторых словах разнь. Из сего народа немногие идолопоклонствуют и прочие ничему не веруют и чужды всяких добрых обычаев. А российские люди, которые живут на Камчатке, и тамошние народы хлеба никакого не имеют, также и скота, кроме собак, на которых ездят и возят, что им понадобится, и одежду себе от них получают. А пропитание имеют от рыбы и коренья, и от ягод, а летним

временем — от диких птиц и от всяких морских животных. А ныне [на Ключах]... родится ячень, конопля, ретька; а репа... во всех трех острогах родится, такая великая годом живет, какой и в России мало находится, а именно: по 4 репы в пуд. А я привез... ржи и овса, которые посеяны были при нас, но токмо созрела ли или нет неизвестны, понеже рано бывают морозы, а земля безнавозная — скота еще не имеют, пашут людьми. А все означенные народы под державою Российского государства, от которых собирается ясак зверьми всякими» [53, с. 92]. Далее Беринг описывает некоторые обычаи камчадалов, в частности обычай уничтожать второго ребенка в случае рождения двойни, удалять из поселка тяжело больных, сжигать покойников и т. д.

Прибытие на Камчатку экспедиции ухудшило положение камчадалов. Кроме постоянных поборов, появились транспортные повинности. И хотя Беринг требовал основную массу людей и собак упряжек после сдачи ясака, все же многие камчадалы работали на экспедицию в течение всей зимы. Правда, Беринг освободил некоторых из них от ясака, но им не стало от этого легче, хотя бы потому, что зимний промысел давал известное количество пушнины самим охотникам и они обменивали ее на продукты и предметы первой необходимости. Кроме того, многие сборщики тайно взыскивали ясак в свою пользу и с освобожденных, а некоторые ухитрялись получать даже по два и по три ясака. Кроме пушнины, они взимали с беззащитных жителей, прикрываясь нуждами экспедиции, юколу, уток, гусей и зайцев. Тех, кто не хотел платить ясак, били батогами или забирали у них в кабалу жен и детей [54, 73, с. 117]. Причем камчадалы сами должны были доставлять все отобранное у них в остроги, где комиссары часто задерживали их и по несколько месяцев использовали в своих личных интересах. Такое отношение к местному населению приводило к тому, что численность его из года в год сокращалась.⁵⁰

С экспедицией было связано и другое бедствие для камчадалов — почти полное истребление ездовых собак, и так многочисленных из-за бескормицы. В нарты часто впрягали меньше собак, чем полагалось, а загружали их больше обычного. Ослабленные животные гибли сотнями. Темные, забитые жители Камчатки, не понимавшие значения экспедиции, вряд ли видели боль-

шую разницу между сборщиками ясака и членами экспедиции. Однако помощь камчадалов экспедиции была неоценима.

Прибыв в Нижнекамчатск, Беринг узнал, что отряд Козлова, пришедший на Камчатку с первым рейсом «Фортуны», уже заготовил большую часть леса. В отряде кончилось продовольствие буквально на следующий день после того, как они прибыли в Нижнекамчатск, и Козлову с большим трудом удалось своих «мастеровых людей раздать по служилым и кормить, чем сами питаются...» [39, л. 205]. Позже жители Нижнекамчатска, писал Беринг, «отказали в пропитании служителям нашей команды, понеже сами не имеют...» Шпанберг должен был потребовать рыбы из запасов местной казны, а также просить в монастыре [49, л. 45].

Получив три лодки с девятью камчадалами и несколькими служилыми, «знающими удобные лесные места по Камчатке реке и по другим речкам, которые впади в Камчатку», Козлов отправился на поиски строительного леса. Оказалось, что «лесов имеется самое многое число, только... облупист и дуплист». Лес рубили по 18 октября. Заготовили свыше 300 кокор*, две большие ямы углей и две ямы лиственничной смолы. Доставляли древесину к реке на собаках, а чаще всего люди перетаскивали ее на себе.

Особенно трудно было перевезти киль, из-за чего и задержали закладку судна. О темпах работы дают представление еженедельные рапорты Козлова. Так, например, с 11 по 24 марта были изготовлены киль, форштевень и ахтерштевень, 23 шпангоута, вытесано свыше 90 досок, расчищено место для закладки судна, установлены блоки. На работах, помимо членов экспедиции, было занято от 10 до 14 служилых и 24 коренных жителей. Питались впроголодь. «Служилые люди, которые обретаются у заготовления лесов, — пишет в рапорте Козлов, — многократно просят корму».

Беринг выдал небольшое количество продовольствия, но и оно вскоре кончилось, и Козлов снова в рапорте сообщал, что «служилые люди неотступно просят корму». Один плотник не вытерпел и сбежал. Пять человек заболели, а вскоре умер конопатчик Матвеев. Толь-

ко после этого к строителям в урочище Ушки был прислан лекарь.

Морозным ясным утром 4 апреля 1728 г. торжественно заложили бот, а «капитан жаловал всех вином». Сразу же распустили по домам часть камчадалов с собаками. К концу апреля на строительство выехал выздоровевший Шпанберг и с ним 5 мастеровых. Работа закипела.

Мореходов Мошкова и Бутина Беринг послал обвести «Фортуну» кругом «Камчатского носу» к устью реки Камчатки. Следовало выйти в море с первым попутным ветром, а во время хода «иметь... записку ветрам и где какая земля и острова, и в котором месте сколь глубоко, и что случится» [49, л. 51]. Большерецкому комиссару он приказал дать на «Фортуну» 10 человек и всячески помогать мореходам. Мореходам Треске и Бушу предписывалось отвести в Охотск старое судно и сдать его штурману Энзелю или Ендогурову для доставки всех оставшихся там грузов в Большерецк не позже 10 июля.

По зимнему пути Чириков в течение апреля на 170 нартах отправил почти все грузы и большинство людей в Верхнекамчатский острог. В Большерецке он на свой страх и риск оставил матроса Селиванова и солдата Капотилова с продовольствием и материалами, чтобы послать их отсюда в Нижнекамчатский острог на «Фортуне» морем. Чириков принял это решение, несмотря на то что имел прямой приказ перевозить грузы сушей.

По-видимому, капитан все еще не верил в плавание вокруг мыса Лопатки. Но если он действительно желал воспользоваться морским путем, как он писал в 1727 г., то почему теперь, когда плавание можно было начать при самой благоприятной погоде, хоть в июне, и когда речь шла не о старом «карбасе», а о новом судне, он не послал на нем людей и грузы?

30 мая в Нижнекамчатск прибыл Чириков с большим геодезистом Путиловым. Доставили более 200 сум с продовольствием.

Между тем в Ушках полным ходом шло строительство судна. К 19 апреля закончили нижний набор и поставили 43 кокоры верхнего. Для выпаривания досок сделали специальную парилку, соорудили кузницу и жилые дома. По-прежнему у строителей плохо было с продовольствием. Но весной появилась рыба. Заготавливать ее был послан солдат Содилов. Для того чтобы

* Кокора — нижняя часть дерева, выкопанная из земли вместе с крупным корнем, перпендикулярным стволу.

местные жители заготавливали рыбу впрок, им объявили, что экспедиция закупит у них юколу. Была предпринята попытка купить у коряков оленей на мясо.

В начале мая приступили к наружной обшивке бота. В первых числах июня начали работы внутри, конопатили пазы и смолили. Затем судно повалили на левый борт и приготовили к спуску. Только вечером 9 июня 1728 г. бот наконец спустили, изорвав двое талей. По случаю спуска строители получили 2,5 ведра вина.

Бот называли «Св. архангел Гавриил». Он был двухмачтовым и имел длину 18,3 м, ширину 6 м, глубину 2,3 м [49, л. 42]⁵¹. Главным строителем «Св. Гавриила» был ученик ботового дела Федор Козлов. Бот был построен по чертежам лучших военных кораблей того времени, скреплен железными гвоздями, отличался значительной прочностью (его разобрали лишь в 1755 г.). Окна на нем, как обычно в ту пору, были слюдяными, якоря — весом 10,5 и 9 пудов, канаты — толщиной 10 и 15 см. Вооружение состояло из 4 пищалей и нескольких 3-фунтовых фальконетов [57, л. 190—193]⁵².

Моряки погрузили в трюм весь такелаж, паруса, якоря, пушки, различные мелкие предметы и 200 сум с мукой и, пользуясь большим подъемом воды, которая затопила даже острог, отвели бот к морю. Туда же на достройку бота отправились все, кроме восьми человек.

Приближался день выхода в море. Около середины июня Чириков представил начальнику свои соображения о том, «сколько... надлежит взять на море провианту и служителей». Беринг, как пишет Чириков, «только выслушал, а принять не благоволил, объявляя намерение свое: о взятии провианта будет советоваться со всеми, с кем надлежит».

С середины июня вода в реке начала медленно убывать. Стало совсем тепло. Достроив амбар, сложили в него вещи, которые не потребуются в плавании, и 21 июня Беринг, Чириков, Чаплин и другие члены экспедиции отправились на взморье. Там, в 55 милях от поселка Ключи, кипела работа — настилали палубу судна, делали каюты. В последние дни июня навесили руль, при помощи высоких козел поставили мачту, 30 июня начали оснастку бота, в первую очередь «наложив ванты».

В один из последних июньских дней беспокойный Чириков, «будучи у господина капитана в квартире,

предлагал ему... словесно, чтоб в поход с собою взять толмачей [переводчиков], которые по чукоцки или по каряцки с чукчами и с прочими народы, живущими по земле за рекою Анадыром, говорить умели. И для ловления рыбы в приключающихся местах — невод и сетей» [58, 26.VI]⁵³.

5 июля 1728 г. состоялся совет офицеров, принявший следующее решение * [39, л. 225]:

«Я, морского флота капитан Витез Беринг, призвал обретающих при мне обер офицеров и объявил ниже следующие пункты, на которые требовал от них мнение.

Пункты

Ответы

1. От служивых и от промышленных здешнего острогу взять для морского пути соленой рыбы 15 бочек, за которую обещанную плату дать.

Служивым и промышленным отдать из обитающих оленей семь с половиною.

2. Судно от Большерецка, которому велено идти круг Курильского носу, не бывало. А ежели прибудет, брать ли его с собою или нет.

Судно, хотя и прибудет, с собою в море не брать.

3. Иеромонаха намерен отпустить в Тобольск за теснотою на борту. Ныне надлежит ли ему для проезде денежное и хлебное жалованье выдать и на сколько времени. Также плотников, когда работа акончитца, отпустить ли их в прежние команды или нет... Что дать им для проезде денег и хлеба...

Иеромонаха отпустить и для проезде выдать денежное жалованье по окладу его мая с 12 дня с. г. января до 1 дня 729 году... Выдать в Большерецку муки 2 сумы, а на Лену писать, чтоб помогли до Якуцка. Плотников по окончании работ отпустить в свои команды. Дать пищу и вспоможение в пути домой.

4. Служители, которые будут на море с нами, требуют денежное жалование впрядь.

Служителям, которые будут на море, для покупки зимнего платья и обуви и для расплаты долгов надлежит выдать денежное жалование генваря по 1 число 729 году.

5. Случится, что мы в 729-м году сюда не возвратимся, а денежная казна оставлена здесь, то в Якутск ли велеть везти или здесь отдать с распискою комисару, также

Ежели мы, или ведомости [известия] о нас в 729-м году не будет, то оставшим от нас служителям здесь, при Камчатке, в 730-м году с генваря месяца перебиратца отсюда до

* Публикуется впервые.

и оставшей провиант и материалы.

6. Геодезиста за болезнью его здесь ли его оставить или куда отправить.

7. При оставшей здесь казне и провианте сколько человек оставить для караулу и как им давать провиант.

8. Муки и пороху сколько положить в бот.

9. Которые служители будут с штурманом и Ендогуровым, по чему провианту давать им на месяц.

На подлинном пишет тако: Витез Беринг, Мартын Шпанберг, лейтенант Алексей Чириков».

На следующий день в устье реки Камчатки показалась «Фортуна», вышедшая из Большерецка 20 июня. Ее привели матрос Селиванов, мореходы Мошков и Бутин и 12 людей Большерецкого острога.

Таким образом, «Фортуна» оставалась в Нижнекамчатске, как писал Беринг, «для умаления снастей, также и за починкою за коротким временем, чтоб не упустить летнее время: принужден иттить на одном боту» [49, л. 58].

Даже если бы были снасти и время для ремонта «Фортуны», она все равно не могла бы идти на север из-за своих конструктивных особенностей, а также из-за недостатка людей. Только из основного состава в Якутске, Охотске и других местах находилось свыше 30 человек, в том числе штурман, геодезист, ученик, капрал, сержант, 12 же служилых, пришедших на «Фортуне», представляли собой случайный народ, не пригодный для плавания на север.

Большерецка, а с собою взять денежную казну, а провиант и материалы здесь и при Большерецку комиссарам или управителям с распискою [сдать], а самим переправлятьца до Ажюкка и до Якуцка и денежную казну отдать в Якуцкую канцелярию с распискою.

...Оставить здесь... при наших оставших для караулу солдатах и приказать, чтоб всегда при нем был один человек.

...Оставить из служителей 2 человека, а провиант давать им... по полпуда на месяц.

Муки положить в бот сколько можно уместить, а пороху взять 10 бочонков.

Оным служителям провиант велеть давать по полпуду на месяц, а к Большерецкому управителю писать, чтоб чинил им вспоможение рыбными припасами.

Достроили и оснастили судно к 6 июля. Отпустили иеромонаха, плотников, кузнецов и служилых. Всем им выдали паспорта, продовольствие и жалованье [49, л. 55—58]. Охотскому управителю была послана бумага, в которой предлагалось оказать отпущенным «всякое вспоможение».

Для охраны материалов и продовольствия, а также для ухода за больными геодезистом и солдатом на Камчатке оставили трех солдат. 9 июля закончили погрузку 810 пудов муки, 175 пудов сухарей, 66 пудов круп, 23 бочек соленой рыбы, 80 вязок юколы, 45 пудов рыбьего жиру, 21 пуда мяса, 20 бочек воды, 6 саженой дров и т. д. В поселке Ключи оставили 268 пудов муки, при Большерецке — 167 пудов. Команда перебралась на судно. Всего на борту было 44 человека: Беринг, Шпанберг, Чириков, Чаплин, лекарь Буцковский, мореход Мошков, ученик Козлов, квартирмейстер Борисов, 8 матросов, десятник, парусник, конопатчик, 5 плотников, 2 кузнеца, барабанщик, 9 солдат, 2 переводчика (служивый человек И. Панкарин и местный житель Я. Повирка), 6 офицерских слуг. Все получили жалованье за полгода вперед, приделались и подтянулись. Настроение у всех было бодрое. Четыре дня ожидали попутного ветра. Беринг послал рапорт в Адмиралтейств-коллегию, в котором сообщал, что с первым «собственным ветром» судно выйдет в море.

Минуло три с половиною года с тех пор, как экспедиция покинула Петербург.

К ВЫСОКИМ СЕВЕРНЫМ ШИРОТАМ

13 июля 1728 г. «Св. Гавриил», буксируемый шлюпкой, медленно двинулся вниз по течению реки Камчатки. День был туманный. Дул слабый ветер. В восьмом часу вечера, в разгар прилива, осторожно прошли вдоль длинной песчаной косы и, выбравшись из устья реки, стали на якорь.

14 июля в третьем часу утра подняли якорь, поставили все паруса и при слабом ветре и ясной погоде взяли курс на юг-тень-восток.

Потянулись размеренные дни корабельной жизни. О ней мы узнаем из вахтенного журнала, где за каждый

час записаны направление ветра, курс, скорость хода в узлах и дрейф корабля; в конце суток указаны широта и долгота, склонение компаса, пройденное расстояние; перечислены паруса, которые нес корабль в каждый данный момент, все замеченные береговые ориентиры, течения, состояние погоды, различные происшествия и т. д. Принято считать, что мы обязаны столь ценным первоисточником Петру Чаплину. Это — заблуждение. Не мог один человек вести записи круглые сутки, их вели Чириков и Чаплин поочередно, во время вахты. Кроме того, записи из основного журнала Чириков переносил в свой собственный [58]⁵⁴. Это имело смысл: на случай утраты основного журнала. Начальник экспедиции журнал не вел. Шпанберг слабо знал русский язык, а штурманов на корабле не было.

За исходные были приняты широта и долгота устья реки Камчатки, причем широта определена на 10 минут с лишним южнее истинной. Сутки исчислялись, как упомянуто выше, не с полуночи, а с полудня. Первая половина «морских суток» была второй половиной предыдущих суток по гражданскому календарю.

На корабле ощущался явный недостаток в матросах (их было всего восемь). Пришлось осваивать матросскую службу солдатам.

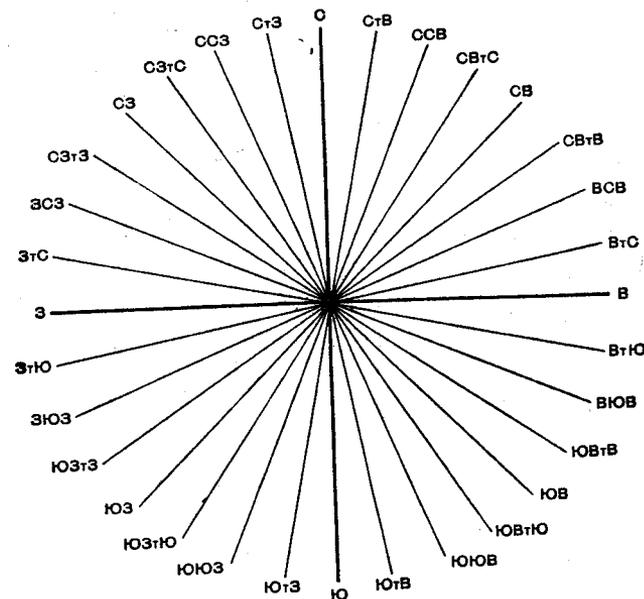
В походе мореплаватели, разумеется, испытали все неудобства и превратности плавания под парусами: часто, когда ветер затихал, паруса беспомощно повисали, и «Св. Гавриил» ложился в дрейф; нередко судно замедляло движение из-за противных ветров или течений. Средняя за сутки скорость в первые полмесяца составляла 50 миль. Иногда удавалось пройти только 6—8, а порой более 100 миль.

15 июля обогнули Камчатский мыс и при слабом юго-восточном ветре легли на основной курс — северо-восток. Ночью от земли поднялся туман и закрыл берега. С восходом солнца прояснилось. Утром был штиль. Затем подул, постепенно усиливаясь, юго-восточный ветер. Скорость судна возрастала и к полудню достигла 6 узлов. За сутки прошли более 35 миль.

16 июля весь день и всю следующую ночь дул довольно свежий южных направлений ветер, поэтому несколько раз подбирали паруса; скорость была 4—6,5 узла. В 9 часов утра ветер стал северным. Скорость упала до 2 узлов. Опустился туман, «и от тумана влага

шла». При заходе солнца уточнили склонение компаса (16°59' к востоку). За эти сутки впервые прошли более 95 миль. Двигались только вдоль берега. Склонение компаса все три дня было равно 1¼ румба к востоку.

17 июля было туманно, ветер слабый; ночью пасмурно. В 4 часа утра на северо-востоке заметили «холм,

Картушка компаса (32 румба — по 11,25 градуса в каждом).

Все румбы имели свое наименование: С — север, СВ — север-восток (по-голландски «к») и т. д. Более дробные деления обозначались прибавлением четвертей и половин румба (например: ЮЗ3¼ — юго-запад-треть-запад-четверть запад). В тех случаях, когда требовалась максимальная точность, указывались градусы и минуты (например, в графе «румб» итоговой таблицы за 17 августа 1728 г. записано: ЮЮЗ6°22'кЗ — юго-юго-запад 6 градусов 22 минуты к западу).

где видением берег кончается». Это была южная оконечность Карагинского острова.

18 июля облака закрывали все небо, временами прояснилось; в полночь «ветр велик с дождем». Шли под гротом и фоком (нижние паруса на второй и первой мачтах). Во втором часу сломали шверц* правого бор-

* Бортовой киль.

та. Общее направление движения было на северо-запад. Прошли менее 9 миль, так как неоднократно меняли курс от северо-запада до востоко-юго-востока.

На следующий день начался дождь, ветер был умеренный, временами сильный. Плыли под гротом и фоком. При повороте по ветру с юго-востока-тень-востока на северо-северо-восток порвало грот-фал*. В течение часа дрейфовали под фоком. После полуночи — ветер слабый, «токмо волнение велико от страны ССВ». Сильную волну подняли непрерывно дувшие в течение двух суток северные ветры. За сутки прошли около 23 миль.

21 июля при свежем ветре под всеми парусами впервые сделали за сутки больше 100 миль. Плыли все время в 13—15 милях от берега Олюторского залива. Видели много заметных ориентиров на берегу, которым давали описательные названия: «гора, белеющая от снега», «гора знаменитая», «гора особого вида», «угол, в море входящий», «3 — вершная гора» и т. д.

22 июля было пасмурно, ветер западный и юго-западный, переменный по силе. В 8 часов вечера скорость достигала 6,6 узла. Прошли, как и в предыдущие сутки, 104 мили. Днем обогнули южную оконечность полуострова Олюторского. От берега держались в 12—15 милях. С 4 часов утра «сияние солнца сквозь мрак». За сутки продвинулись на восток более чем на 3°, а на север — до широты 60°16'. Склонение компаса с 17 по 22 июля равнялось полутора румбам, а на следующий день — 1¾ румба к востоку. Ветер дул умеренный, сквозь облака сияло солнце. Шли параллельно берегу в 20 милях и более.

24 июля стало тепло и солнечно. Зато ночью «ветер велик, с порывами» нанес «туман с мокротою». В 8 часов утра повернули на другой галс и двинулись сперва на юго-восток-тень-юг, затем на восток и даже на северо-запад. С 9 часов вечера до полуночи было мрачно, временами моросил дождь. И хотя дул умеренный ветер, волнение усилилось. Склонение компаса стало 2 румба к востоку.

26 и 27 июля при ясной погоде и тихом ветре приблизились к берегу на 12—13 миль. «Земля простирается, — пишет Чириков, — в параллель пути нашего с погибом». Вскоре впереди по курсу показалась земля, это был мыс

* Снасть бегучего такелажа, служащая для подъема рей и парусов.

Наварин. Держась от берега в 6 и даже 3 милях, обогнули мыс. В 6 часов утра «видели на берегу падь, которою, — пишет Чириков, — чаем течет в море река», и цвет воды здесь отличается от обычного. За два дня, сделав 160 миль, продвинулись на север до 62°55' с. ш.

28 июля было пасмурно, моросил слабый дождь. Впервые заметили течение на юго-восток-тень-юг, скорость которого не превышала одной мили в час. Здесь моряки увидели китов, «на которых кожа пестрая», сивучей, моржей и морских свинок. Из-за тумана берег был плохо виден, но держались от него приблизительно в 15 милях.

На следующий день опять было пасмурно. Плыли параллельно берегу в 14 милях, затем, приблизившись, в 3 милях. В полночь начался дождь. Глубина 20 м. Три часа дрейфовали. Потом опять плыли вдоль берега в полутора милях. Горы на берегу, отвесно обрывающиеся к морю, кончились. Потянулся однообразный низкий берег. Склонение компаса с 26 по 29 июля 1¾ румба к востоку.

30 июля во втором часу дня в полутора милях от берега бросили якорь и послали на берег шлюпку с Чаплиным и четырьмя матросами. Воды, пригодной для питья, не нашли, удобной стоянки тоже не оказалось. Через три часа шлюпка вернулась, и «Св. Гавриил» двинулся дальше, держась от берега в трех милях и меньше. В 7 часов утра «пошли на север, а влево, меж ЗТЮ и СЗТЗ оказалась губа». Это был Анадырский лиман, но в вахтенном журнале он не назван и карта экспедиции в этом месте отличается неточностью: указанного лимана на ней нет, а река Анадырь помещена значительно южнее, у мыса Наварин (Фаддея).

31 июля лил дождь. Плыли вдоль берега, но из-за тумана видели его лишь временами. Места были низкие, повсюду лежал снег. Глубина не превышала 22 м. «Ветр велик, земли от восьмого часу не видно» — как раз в это время миновали залив. Следуя старинному обычаю, назвали его по имени праздника, в который он был открыт, заливом Креста. Это был первый случай, когда члены экспедиции присваивали наименование географическому объекту. В одиннадцатом часу утра цвет воды изменился — признак того, что близок берег. Измерили глубину, оказалось 20 м. Вскоре прояснилось, и моряки увидели в северной и восточной частях гори-

зонта на расстоянии 3 миль низкий берег, покрытый снегом. За сутки прошли 85 миль и достигли $65^{\circ}40'$ с. ш. и $19^{\circ}06'$ д.

2 августа день был пасмурный, моросил дождь. По причине полного штиля стояли с полудня до 8 часов вечера на глубине 10 м. В этот день Чириков делает запись: со всех сторон земля, «как о том особый чертеж являет». Можно полагать, что отсутствие указания на имя автора чертежа говорит о том, что им был сам Чириков.⁵⁵ В 8 часов вечера, когда подул северо-восточный ветер, вышли из залива и, держась в 5 милях от береговой черты, обогнули западную оконечность косы Мээчкэн. Склонение компаса с 30 июля по 2 августа было полтора граду а к востоку.

В следующие сутки погода не изменилась. Всего преодолели около 8 миль и снова оказались в заливе⁵⁶.

Вечером 4 августа заметили слабое течение от берега на юг-тень-запад. Было «облачно и зело тихо». После полуночи шел дождь. Утром земля находилась в 2 милях. В отношении косы Чириков замечает: «А каменные горы, по-видимому, в 4 милях от берега и лежат берегу параллельно». Утром плыли вдоль берега в 2 милях (В. Н. Берх увеличивает это расстояние на десятки миль), глубина 20 м. За сутки продвинулись на 45 миль.

5 августа лил непрерывный дождь. В шестом часу вечера он прекратился и моряки увидели в 5 милях берег — впереди по курсу простиралась высокая земля. Идя подле берега, миновали губу (бухта Руддера). Прошли за сутки 26 миль. Координаты здесь определены неверно, так как указанное в журнале место приходится на сушу ($65^{\circ}34'78''$ с. ш. и $21^{\circ}40'34''$ от устья реки Камчатки к востоку).

На следующий день при спуске кливера порывистым ветром у топселя порвало фал. В полночь «ветр велик и лежали под одним гротом» в 17 милях от берега, простиравшегося на юг-юго-восток. С двух часов ночи ветер начал крепчать, скорость хода увеличилась до 6,5 узла, а в 5 часов утра достигла 7,8 узла. В этот момент держали курс на восток-тень-юг. На корабле оставалась одна бочка пресной воды. Решили пополнить запасы воды. В 6 часов утра приблизились «к углу гор каменных... простираются горы на восток, высоки зело и круты... как стены, а из падей, лежащих меж гор, ветр переменяется... Шли от берега гор каменных в 200 са-

женях [в журнале Чаплина этого нет]. Зашли меж гор в губу, которой положение рисунок значит, и легли на якорь». Глубина 20 м, на дне камень. В начале одиннадцатого послали на шлюпке к берегу мичмана Чаплина. Удалось найти «..озеро от растаявшего снега и два ручья, на западной стороне губы течет с горы крутой в самой близости, где ботом стали, ис которого воду брали. А губа немала глубины и видели жилища или становище людское...». В честь праздника этого дня назвали бухту заливом Преображения. За сутки прошли около 72 миль.

7 августа было облачно «с просиянием солнца». В полдень послали восемь человек с Чаплиным на шлюпке к берегу за пресной водой и для описания бухты. Отойдя от бота версты три, моряки обнаружили место, где стояло жилище чукчей в этом году. Повсюду было протоптано много тропинок. К вечеру небо сплошь затянуло облаками, полил дождь, поднялся сильный ветер. До полуночи набрали 15 бочек воды, утром — остальные пять. В двенадцатом часу дня (8 августа) снялись с якоря и пошли параллельно берегу, который тянулся на восток-тень-юг. В 7 часов вечера оказались против губы, которая имела ширину 9 миль и врезалась в побережье в направлении на север-северо-восток. От крутого и во многих местах обрывистого берега держались в трех милях. «В седьмом часу по полуночи, — пишет Чириков, — увидели лотку, гребущую от земли к нам, на которой сидит людей 8. И, пригребши близко к боту нашему, спрашивали, откуда мы пришли и чего ради. А о себе сказали, что они чукчи. А как мы стали их призывать к судну на недолгое время, пристать не смели. Потом высадили одного человека на пузыри, сделанные из нерпичьей кожи и прислали к нам для разговора. Который человек приплыл к нам на пузыре [в это время было безветрие], сказывал нам, что живет их чукч по берегу многолюдно, и сколько земля простирается в восточную сторону, не знают, а про русских людей давно слыхали, а Анадырь река далече от них на запад. Про острова сперва не сказывал, а потом сказал, что есть остров, который в красный день, отшел де недалече отсюда к востоку, с земли видать. И возвратившись на пузырях на лотку свою, уговорил товарищей пристать лоткою к боту нашему. И приставали на самое малое время, а в бот к нам не пошли. А лотка

у них сделана из кожи сиучей и из других морских зверей. А говорили с ними толмачи наши коряцким языком. А сказывают, что мало меж собою речь признавают и за тем потому от них осведомитца подлинно, о чем по-требно, не могли».

Более полно и четко вопросы к чукчам и их ответы зафиксированы в официальном документе, подписанном Берингом, Чириковым и Шпанбергом. Вот текст этого документа [39, л. 227]:

«8 августа 1728 года. Прибыли к нам от земли в кожаной лотке 8 человек, с которыми бывшие при нас толмачи, служивой человек Иван Панкарин да новокрещеной Яков Повирка, говорили с ними коряцким языком. По приказу нашему спрашивали, а о чем тому явствуют пункты:

Вопросы

1. Какого звания люди?
2. Где река Анадер и далеко ль отсюда?

3. Знаете ли реку Колыму?

4. Есть ли у вас лес и впали ль из земли в море какие реки большие и куда ваша земля пошла и далеко ли?

5. От земли вашей не протянулся ли какой нос в море?

6. Нет ли в море каких островов или земли?

Как отметил В. И. Греков (документ опубликован им с двумя пропусками и мелкими неточностями [42]),

Ответы

Чукчи.

Реку Анадер прошли и далеко назад. Как де вы зашли сюда далеко. Прежде сего сюда никаких судов не бывало.

Реку Колыму не знаем, только слышали мы от аленных чукчей, что ходят оне землею на реку и сказывают на той реке живут русские люди, а оная река — Калыма ли или другая, про то не знаем.

Лесу у нас нет никакого и по всей нашей земле, и рек больших в море не пало, а если которые и пали, то малые. А земля наша почти отсюда поворотилась налево и пошла далеко, а живут по ней все наши чукчи.

Нос никакой в море от земли нашей не протянулся, все наша ровная земля.

Есть остров недалеко от земли и ежели б не туманно, то б можно видеть. А на том острову есть люди, а больше земли не знаем, только все наша чукоцкая земля.

чукчи, говоря о повороте их земли влево, имели в виду поворот не от нынешнего мыса Дежнева на северо-запад, в сторону Колымы, а от мыса Чукотского или Чаплина на северо-восток. И вообще чукчи вели речь лишь о ближайшем районе. На Колыму они не ходили и не знали ее. Не было им известно, видимо, также об островах Диомиды и о северном побережье Чукотки, во всяком случае, об этом они ничего не сообщили. Короче говоря, сведения, полученные от чукчей, были настолько ограниченными, что по ним невозможно составить какое-либо представление о северо-восточной Азии и тем более о разделении двух материков.

Вряд ли можно согласиться с мнением В. И. Грекова, что «острова Иттыгран и Аракамчечен... были им неизвестны». Ведь эти острова так близко расположены к матерiku, что прекрасно видны с берега.

В. Берх утверждал, что описанная встреча с чукчами произошла на широте $64^{\circ}41'$. Это неправильно. Даже в конце суток (т. е. через 5 часов после встречи с чукчами) судно находилось на широте лишь $64^{\circ}30'$, а так как в течение последних 9 часов этих суток, т. е. и во время встречи и после нее, был штиль, судно прошло на юго-восток всего милю с небольшим. Гораздо ближе к истине предположение Ф. П. Литке [59, л. 235], плававшего здесь на шлюпке «Сенявин» 100 лет спустя после Беринга. Литке считает пунктом встречи место между мысами Якун и Чиньг-Ан. По-видимому, встреча состоялась приблизительно на широте $64^{\circ}32'$.

Хуже дело обстоит с долготой. По Чирикову, к исходу суток 8 августа была достигнута долгота $26^{\circ}04'$. Но это на целый градус восточнее острова Иттыгран! Отметим, что местонахождение «Св. Гавриила», показанное в журнале на конец 5 и 6 августа, приходится на сушу. Следует при этом подчеркнуть, что одна из главных погрешностей итоговой карты экспедиции 1729 г. — более северное, чем истинное, положение Чукотского полуострова.

Трудно сказать, чем объяснить такие ошибки. Может быть, несовершенством инструментов или пасмурной погодой с частыми туманами? Склонение компаса с 3 по 8 августа равнялось $1\frac{3}{4}$ румба к востоку.

9 августа было тихо и облачно. В третьем часу дня «нашел великой туман», и вскоре начался дождь. Берег в трех милях. «Колебание моря великое». За сутки

прошли 21 милю (20,45 к югу и 6,69 к востоку), а не 35, как пишет В. Берх, сложив скорости хода на всех, в том числе противоположных курсах. Широта в конце суток была $64^{\circ}10'$, долгота — $26^{\circ}20'$. Склонение компаса вплоть до 16 августа в среднем равнялось $2\frac{1}{4}$ румба к востоку.

Следующий день выдался ясным, дул слабый ветер. С полудня до 9 часов вечера «лабиринты против берега, которого к востоку простертие окончилось». Затемплыли на северо-запад, находясь в $5\frac{1}{2}$ милях от берега. За сутки прошли немного более 11 миль⁵⁷. 10 августа (по мѣрскому исчислению 11) облачно, ветер тихий. В 2 часа дня на юго-юго-востоке увидели остров, о котором говорили чукчи. Остров назвали Св. Лаврентия в честь праздника, отмечавшегося в этот день. Приблизились к острову на $4\frac{1}{2}$ мили. В рапорте в коллегия 10 марта 1730 г. [49, л. 98] Беринг писал: «А к показанному от чукоч острову подходил, видел жилие такое же, как у чукчей». Другими документами не подтверждается, что они видели на острове чукотские жилища. Глубина уменьшилась с 30 до 22 м. С 9 утра до полудня был «туман великой». За сутки прошли лишь 8 миль.

В вахтенном журнале юго-восточный угол Чукотки ни разу не назван именем собственным. Впервые название «Чукоцкий нос» мы встречаем в ответе Чирикова на запрос Беринга 13 августа 1728 г. Следовательно, предположение В. И. Грекова, будто название Чукотский мыс возникло не во время самого плавания, неосновательно. Название «Чукотский угол» моряки употребляли также на итоговой карте, в «Каталоге городам...», в «Краткой реляции...» и т. д. При этом теперешний Чукотский мыс и мыс Чаплина наши мореплаватели объединяли, воспринимая их как единое целое, что, кстати, хорошо видно на итоговой карте.

В эти сутки экспедиция вошла в пролив между материками. Однако моряки, конечно, не знали о том, что это пролив.

12 августа. «Ветр велик, туманно... Лежали под одним гротом за большим ветром». В четвертом часу утра повернули на другой галс и пошли со скоростью трех узлов. За сутки трижды меняли галсы. В 8 часов вечера на северо-западе-тень-западе увидели «чернь, по чайнию берег», а через два с половиной часа на юго-западе-тень-юге-половине румба к западу заметили «показа себя землю» в 15 милях. Скорее всего это был мыс

Чаплина. Огибая мысы Чукотский и Чаплина на значительном расстоянии, моряки не заметили разделяющую их бухту, не различили острова Иттыгран и Аракамчечен. Всего за сутки прошли более 33 миль. В полдень достигли $64^{\circ}59'$ с. ш. и $27^{\circ}04'$ д.

13 августа было облачно, дул свежий ветер. Плыли под гротом, фоком и топселем. В 4 часа дня «возвевал ветр велик и у гротселя вынули риф», скорость возросла до 5 узлов. Затем сгустился «туман с мокротою». В четвертом часу утра ветер усилился, «волнение велико», скорость 5,5 узла. Прошли около 93 миль и достигли $66^{\circ}17'$ с. ш. и $29^{\circ}06'$ д.

От мыса Чаплина судно не пошло на запад, к берегу Чукотки, как предписывала инструкция, а продолжало двигаться на северо-северо-восток. В результате в течение 41 часа (с 10 часов 30 минут вечера 12 августа) моряки не видели берегов. И дело не только в плохой погоде, а прежде всего в значительном расстоянии от земли.

В эти сутки произошел очень важный эпизод, повлиявший на дальнейший ход событий. В 8 часов вечера, когда судно находилось на широте $65^{\circ}30'$ (но еще довольно далеко от мыса Дежнева), Беринг, пригласив к себе в каюту Шпанберга и Чирикова, прочитал им инструкцию Петра I, затем, сославшись на показания чукчей и на то, что азиатский берег повернул на запад и скрылся из виду, объявил свое мнение: земля Чукотского носа, которую ранее считали соединенной с Америкой, на самом деле отделена от нее морем. Но можно ли было, не поднявшись до широты мыса Дежнева (т. е. до северо-восточного угла Чукотки), решить, что Чукотка отделена от Америки? Очевидно, Беринг принял юго-восточный угол ее за самую восточную оконечность всего полуострова. Убеденный в этом капитан не спрашивал офицеров, верят ли они в существование пролива. Беринг потребовал... от Шпанберга и Чирикова письменного мнения: можно ли «показанного [Чукотского] носу землю... считать, что она от Америки разделяется морем [17, с. 10]⁵⁸. Шпанберг, конкретизируя приказание начальника, писал, что нужно было ответить на вопросы: «Что больше учинить: дале иттить к северу и сколько далеко, и когда искать гавани, и где лутче...» [39, л. 228].

Первым в тот же день дал ответ Чириков. Он писал:

«Сего числа изволил в. б. нас призвать и объявить признание свое о земле Чукоцкому носу (по скаскам чукоцких жителей и по простертию земли от помянутого носа меж N и NW, также и о том, что ныне уже обретаема в широте 65°⁵⁹ северной), показанного носу земля, та о которой мнение было, что сходится с Америкой, разделяется морем и чтоб нам письменно свое мнение предложить, впредь в настоящей экспедиции как поступить. И, следуя оному приказу, мнение свое покорно предлагаю. Понеже известия не имеем, до которого градуса ширины из Северного моря подле восточного берега Азии от знаемых народов европейскими жителями бывали, и по оному не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья реки Колымы или до льдов, понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды. Того ради надлежит нам непременно, по силе данного вашему благородию е. и. в. вечно достойной и блаженной памяти указу подле земли иттить (ежели не воспрепятствуют льды или не отыдет берег на запад, к устью реки Колымы) до мест, показанных в означенном е. и. в. указе. А ежели земля будет наклоняться еще к норду, то надлежит по двадцать пятое число сего настоящего месяца в здешних местах искать место, где бы можно было зимовать, а наипаче против Чукотского носу, на земле, на которой, по полученной скаске от чукоц чрез Петра Татаринова, имеется лес. А ежели до означенного числа будут противные ветры, то в то время всегда искать зимовой гавани» [39, л. 227]. Чирикова в научной литературе (при анализе его ответа) не раз называли прирожденным исследователем, выдвинувшим в данном случае единственно возможный вариант строго научного решения векового вопроса о проливе. Нам остается лишь присоединиться к этим выводам и подчеркнуть, что предложение Чирикова было простым, разумным и естественным. Его убежденность в том, что необходимо продолжать плавание, основывалась не «на глубоком знании навигационных условий в Северном Ледовитом океане», как думает, например, В. А. Дивин [25, с. 65; 61, с. 57]. Сам Чириков в ответе Берингу говорит, что неизвестно, до каких широт доплывали из Северного моря вдоль восточного берега Азии (это, кстати, еще одно свидетельство: мореплаватели не знали о плавании Дежнева). Элементарная логика требовала для доказа-

тельства, существует ли пролив между материками, пройти морем до Колымы и связать тем самым карту Чукотки с картой уже известного побережья северной Сибири, протянув единую береговую линию, что предпринималось и инструкцией Петра I; или дойти до льдов, которые «в Северном море всегда ходят». Льды, если бы они встретились здесь летом, подтвердили бы, как предполагал Чириков, что судно вышло в Северный Ледовитый океан и что перешейка между материками на севере нет.

Продолжить путь было тем более необходимо, что изображение пресловутого Шелагского мыса уходящим за рамку карты оставляло сомнения относительно пролива.

Нам теперь абсолютно ясно, насколько прав был Чириков. Однако, хотя мнение его известно уже свыше ста лет (опубликовано А. Полонским в 1850 г.), и в наше время можно встретить случаи неточной и даже неверной интерпретации его.

Чаще всего вспоминают лишь то, что Чириков советовал доплыть до устья Колымы. Так, например, В. И. Греков пишет: А. И. Чириков «говорил, что предположение В. Беринга о разделении Азии с Америкой можно проверить, лишь обследовав северный берег Азии по направлению к западу... т. е. до р. Колымы» [42, с. 34].

Примерно то же говорят Л. С. Берг, В. Ю. Визе, М. И. Белов [62, с. 402] и другие исследователи. А В. А. Дивин считал возможным даже произвольно наметить срок достижения устья Колымы. Он пишет: Беринг «отказался идти к устью Колымы... хотя состояние льдов, очевидно, позволяло это сделать и уже к 25 августа можно было бы достигнуть устья реки» [61, с. 51]. Это автор повторил и 18 лет спустя [25, с. 57]. Возможность достигнуть Колымы до 25 августа допускают также Д. М. Лебедев и В. А. Есаков [52, с. 195]. Непонятно только, как парусный корабль за 12 суток мог преодолеть около 3 тысяч миль, если за сутки он проходил самое большее 104 мили?

В действительности Чириков мыслил значительно тоньше — советовал дойти «до устья реки Колымы или до льдов». Он прекрасно понимал, что льды могут, с одной стороны, помешать дойти до устья Колымы, с другой — убедительно доказать раздельность материков,

ибо, если бы материки соединялись перешейком, то к югу от этого перешейка, считал он, в августе не должно было бы быть тяжелых льдов.

Необходимо подчеркнуть два обстоятельства.

Во-первых, в своем ответе Чириков в деликатной форме фактически указывал начальнику на допущенное им нарушение инструкции Петра I. Ведь последняя предписывала плыть обязательно возле земли, идущей на север. Беринг же приказал удалиться от побережья. Не видя берегов в течение 22 часов, он решил, что земля «кончилась», пролив открыт, задача экспедиции выполнена. Но корабль продолжал идти, как бы автоматически помогая проверять сомнения. А сомнения обуревали, по-видимому, и Шпанберга, если он даже через день (14 августа) предложил плыть на север еще двое суток.

Во-вторых, Чириков, исходя из требований инструкции (дойти до известных европейцам мест), рассматривал в качестве одного из таких мест устье Колымы. Именно оно считалось крайним восточным пунктом на северном побережье Сибири, которое было тогда известно европейцам, в данном случае русским. Потому-то Чириков и предлагал плыть не вообще вблизи берега, а «подле земли... до мест, показанных в означенном е. и. в. указе». В требовании инструкции («доехать до какого города европейских владений... и поставя на карту, приезжать сюда») город нужен был, разумеется, не для того, чтобы завязать с ним торговые отношения или полюбоваться его архитектурой. Он был необходим не сам по себе, а лишь как некий известный на карте географический пункт. Именно поэтому инструкцией разрешалось нанести на карту вместо города берег («кюст»). Важно, чтобы наносимый объект был известен европейцам и значился на карте. И то, что Петр I имел в виду пункт на Американском континенте (так как больше склонялся к тому, что Азия соединена с Америкой), в данном случае не имело значения.

Что же касается зимовки в высоких широтах, то лейтенант считал ее необходимой лишь в том случае, если при продолжении плавания «земля будет наклоняться еще к норду» или если будут постоянно дуть противные ветры. Важно отметить, что Чириков хорошо представлял себе, как опасно осеннее плавание в этих широтах. Именно поэтому на поход вдоль берегов Чу-

котки на северо-запад и на поиски гавани он отводил максимум 12 дней (до 25 августа).

Можно предположить, что «Св. Гавриил» раньше чем до 25 августа дошел бы до льдов, и тогда, по мнению Чирикова, отпала бы надобность и в плавании к устью Колымы, и в поисках гавани для зимовки. И только в этом случае была бы выполнена инструкция.

Для нас весьма важно в ответе Чирикова то, что он предлагал в случае необходимости искать базу для зимовки прежде всего «против Чукотского носу, на земле, на которой... имеется лес». Здесь он подразумевал, безусловно, «Большую землю» (Америку). Узнав о ней от Петра Татаринова в Илимске, Чириков верил в существование этой земли и в ее близость к Чукотке⁶⁰. Беринг же со Шпанбергом, видимо, забыли о сообщении Татаринова или не верили ему, во всяком случае, возражая Чирикову, оба согласно повторяли, что на Чукотке удобных для зимовки гаваней нет, так как отсутствует лес и чукчи — народ немирный. Прислушавшись Беринг к совету лейтенанта — и Северо-Западная Америка была бы открыта уже в 1728 г.

Что же думал о дальнейших действиях Шпанберг? Он подал свой ответ 14 августа, написав его по-немецки, так как русский язык знал слабо. Перевел ответ Беринг⁶¹. Шпанберг писал: «Ваше благородие изволил спрашивать, понеже мы пришли на 65°30' северного края и по своему мнению и по реляции чукотской дошли против крайнего конца к востоку от оной земли... что больше учинить: дале ли итти к северу и сколько далеко, и когда искать гавань и где лутче кажетца для государственного интересу за долгою зимою для охранения судна и людей, и ответствую: понеже мы пришли в вышеписанную ширину и на чукоцкой земле нет гавани, дров или течения [реки], где мы можем охранить себя в такое зимнее время, какое случитца в здешней паралеле, таже и люди немирные, и не осведомились, сколько мы до сих мест обсервовали и кой ретерат [обратный путь] не ведаем, кажетца (или рассуждаю): когда мы еще пройдем нашего пути до 16 дня нынешнего месяца к северу, ежели невозможно дойти до 66°, мы тогда в божие имя возвратимся вовремя искать гавани и сохранения в реке Камчатке, откуда мы вышли, для сохранения судна и людей»⁶² [39, л. 227—228].

О Шпанберге принято говорить, что он был жесто-

ким с подчиненными, отличался решительностью и склонностью к риску в делах [42, с. 34]. Вместе с тем его обычно считают хорошим моряком. Особенно лестно о нем отзывался А. И. Андреев [17, с. 7]. Однако материалы Первой Камчатской экспедиции не дают оснований для чрезмерных похвал. По всей вероятности, он не был расположен к риску, коли, находясь около Чукотского полуострова, в широте $65^{\circ}30'$, предложил попытаться пройти еще только половину градуса, чтобы достичь 66° с. ш. Как известно, Беринг счел невозможным принять это предложение и прошел на север дальше. Почему лейтенант предлагал плыть именно до 66° -й параллели? На этот вопрос вряд ли можно найти рациональный ответ. Кстати, он не очень надеялся дойти до 66° с. ш., хотя судно не встретило еще ни одного серьезного препятствия: ни больших штормов, ни тем более льдов, в достатке имелись продукты и пресная вода.

Слова Шпанберга о том, что «не осведомились, сколько мы до сих мест обсервовали и кой ретерат [обратный путь] не ведаем», не дают оснований считать его хорошим моряком, так как Чириков и Чаплин систематически вели обсервации, в конце каждого дня отмечали широту и долготу, а значит, прекрасно знали местонахождение корабля и путь, который прошли на север и которым можно было вернуться на Камчатку. О том же свидетельствует сомнение Шпанберга в возможности достигнуть 66° с. ш. Но удивительнее всего то, что уже за сутки до того, как он выразил сомнение (в конце дня 13 августа), корабль пересек эту параллель и достиг $66^{\circ} 17'$ с. ш. В литературе можно встретить утверждения, что свое отношение к тому, следует ли повернуть судно на обратный курс, высказал и Чаплин. Он якобы от имени офицеров выступил против Беринга, сделав в журнале запись, что тот принял свое решение, не посоветовавшись с ними [64, с. 38; 65, с. 256]. Но тщательный просмотр журнала показал, что такой записи в нем нет (да и не могло быть!). Появление подобной записи в вахтенном журнале на военном корабле трудно себе представить. Кроме того, Чаплину не полагалось участвовать в совете офицеров, следовательно, он не мог выступать ни от всех офицеров, ни от себя лично, ни в устной, ни в письменной форме. Наконец, кроме Беринга, на корабле было два старших офицера, а их командир опросил.

Что же предпринял начальник экспедиции, получив ответы старших офицеров?

Сам он говорит об этом следующее: «Исследовав я поданных мнений, положил свою резолюцию. Ежели больше ныне будем мешкать в северных краях, опасно чтоб в такие темные ночи и в тумане не притить к такому берегу, от которого не можно будет для противных ветров отойти. И, рассуждая о обстоятельстве судна, понеже шверец и сейваглен изломан, также трудно нам искать в здешних краях таких мест, где зимовать, понеже иной земли, кроме Чукоцкой [не известно], на которой народ немирной и лесу нет. А по моему мнению, лутче возвратитца назад и искать гавани на Камчатке к перезимованию» [39, л. 228]⁶³.

Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать, что плавание в неизвестных водах, даже в светлые ночи, без туманов и только с попутными ветрами, сопряжено с определенной опасностью. Опасности мог встретить и «Св. Гавриил». И все же Чириков предлагал плыть дальше, пойти на риск.

Разве Колумб, Кук или Беллинсгаузен с Лазаревым совершили бы свои открытия, если бы не шли на разумный риск? Вспомним антарктическую экспедицию русских моряков 1819—1821 гг. Плавая, хотя и 90 лет спустя, но также на деревянных парусных судах и в более сложных ледовых условиях (несколько раз поднимались выше 69° ю. ш.), они не боялись не только туманов, темных ночей и противных ветров, но и гораздо более опасных «врагов» — льдов и айсбергов.

Помимо прочего, Беринг также ссылался на сломанные шверц и сейваглен. Но без них вполне можно было продолжать плавание: ни Чириков, ни даже Шпанберг в своих ответах не сочли нужным упомянуть о них. Что же касается соображений начальника экспедиции об опасностях зимовки на Чукотке, то они совершенно справедливы, возможность зимовки там исключалась. Но зимовать там никто не предлагал. И все же совсем неуверенно звучит у Беринга последняя фраза: «По моему мнению, лутче возвратитца назад...».

Как мы видим, Беринг, по существу, не дает ответа на предложение Чирикова, касающееся самого главного в той ситуации — необходимости доказать, что материки не соединены между собой.

Вернемся теперь к плаванию «Св. Гавриила», который мы оставили в проливе.

14 августа погода была пасмурная. В полдень начался дождь. Чириков пишет, что «в сем месте течение моря на СЗТЗ ... хотя и на противоположной сему течению бывает, однако ж больше текло на показанной румб». С двух часов дня до двух ночи дул слабый ветер. «Лежали во все вахты без парусов, — сообщает Чириков, — настоящей ради тихости [штиля], а наипаче темноты».

В литературе можно встретить слова удивления по поводу того, что, проходя заливом, моряки не видели сразу обоих берегов — азиатского и американского. Но с палубы корабля оба берега сразу заметны лишь при очень хорошей видимости. Наши же мореплаватели, пересекая самое узкое место пролива (35 км), из-за «тумана с мокротою» не видели ни одного берега, хотя и плыли от азиатского меньше чем в десяти милях.

За сутки прошли более 26 миль и достигли 66° 11' с. ш. и 29° 36' долготы (к востоку от устья реки Камчатки). Склонение компаса было 2¼ румба к востоку.

В третьем часу дня 14 августа встречный северо-восточный ветер ослаб, скорость упала до 0,9 узла и судно стало сносить течением на северо-запад. Тогда-то, в момент кратковременного прояснения, с корабля увидели «позади себя высокую землю» в 20 милях к югу. Это мог быть только неопознанный моряками остров Ратманова. Еще через три с половиной часа, когда судно при штиле продолжало дрейфовать на северо-запад, «меж ЗТЮ и ЗСЗ в 15 милях открылись высокие горы, которые чаем на большой земле», — пишет в журнале Чириков. Этой землей был, конечно, мыс Дежнева.

Участники экспедиции не нанесли на карту маршрут своего плавания. Позже картографы не раз пытались восполнить этот пробел.

Первым такую попытку предпринял в 1767 г. известный гидрограф и картограф А. Нагаев [66, № 58]. Затем, в 1787 г. прокладку курса «Св. Гавриила» выполнил А. Вильбрехт [67, № 111], а в 1823 г. — В. Берх. Однако путь корабля, особенно в проливе, во всех трех случаях показан прямолинейно, без учета изменений в течение суток, а обратный маршрут — слишком далеко от восточных берегов Чукотки. А. Вильбрехт, например, поместив остров Ратманова севернее 66-й параллели, проложил путь корабля к востоку от него.

Еще менее точны хранящиеся в архиве рукописные карты

В. Красильникова 1768 г. [67, № 93] и неизвестного автора также второй половины XVIII в. [67, № 94].

Все составители, разумеется, наносили маршрут плавания экспедиции на географические карты своего времени, отличавшиеся значительными неточностями, что в свою очередь не способствовало правильному изображению пути корабля.

Мы сделали прокладку заново, на современной географической карте, на основе почасовых записей вахтенного журнала. При этом, чтобы избежать погрешностей, допущенных из-за примитивности тогдашних инструментов, мы корректировали трассу, опираясь на указанные в журнале расстояния до береговых пунктов и между различными точками пути.

Согласно смыслу инструкции, Беринг должен был подойти к увиденному берегу и плыть подле него на северо-запад. Но он не сделал этого так же, как 12 августа не пошел вдоль восточного побережья Чукотки. «Св. Гавриил» плыл прочь от земли, на северо-северо-восток⁶⁴.

Появление суши 14 августа было для Беринга неожиданным. Теперь свою мысль об «окончании» земли, высказанную сутками раньше, и все, что он думал о мысе Чаплина (что это — крайняя восточная точка, что коли она ни с чем не соединена, значит, Чукотку отделяет от Америки пролив), Беринг отнес ко вновь увиденной земле. А ведь теперь тем более неосторожно было считать, что земля наверняка «кончилась», так как легко можно было допустить, что она и дальше снова появится, как появилась в этот день. И, вероятно, поэтому Беринг все же приказал продолжать плавание на северо-северо-восток.

15 августа. Ветер умеренный, временами туман. С 9 часов вечера до полуночи пасмурно, дождь. С полуночи до 5 часов утра «туман с великой мокротою». Чириков сообщает: «Много видели китов. От 12 дня настоящего месяца вода моря белого цвета. Глубина на 20, 25 и 30 сажений». Течение в море такое же, как накануне. Прошли 40 миль с лишним. Склонение компаса то же, «склонение» судна от ветра — до трех с половиной румбов.

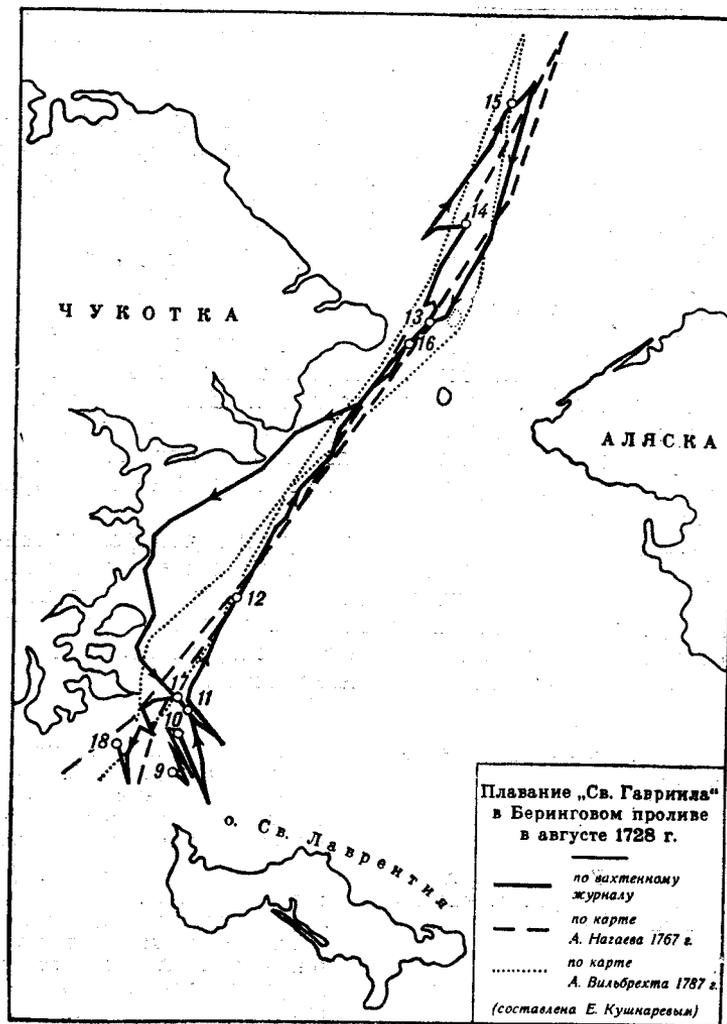
16 августа. Облачно, ветер умеренный. Шли под гротом, фоком и кливером со скоростью 2,3 узла. На исходе были уже вторые сутки, как в последний раз видели берег. Беринг окончательно решил, что пролив открыт. Когда после полудня прошли 7 миль, он приказал лечь на обратный курс. В вахтенном журнале мы читаем:

«В три часа господин капитан объявил, что надлежит ему против указа во исполнение [согласно указу] возвратиться, и, поворотив бот, приказал держать на ЮтВ». Фактический курс (с учетом склонения компаса) был другим — юг-тень-запад-четверть-запад. Этот поворот, по вычислениям Чирикова, «Св. Гавриил» сделал на $67^{\circ} 18' 48''$ с. ш. и $30^{\circ} 14' 05''$ долготы (к востоку от устья реки Камчатки).

Таким образом, потеряв берег вечером 14 августа, моряки 44,5 часа плыли на северо-северо-восток и продвинулись на 66,5 мили (считая по прямой, тогда как в литературе можно встретить утверждения, что судно плыло 24 часа и прошло до 200 миль). Значит, экспедиция достигла $67^{\circ} 6'$ с. ш. и $168^{\circ} 10'$ к западу от Гринвича, т. е. место поворота на обратный курс отмечено в журнале несколько неточно.

Следующие 12 часов после поворота «Св. Гавриил» двигался на юг-тень-запад-четверть-запад со скоростью от 2,6 до 5,8 узла, а с 4 часов утра держался еще на румб ближе к западу. После поворота плыли, не видя земли, 18 часов, а всего вне видимости берегов — более 62 часов. Только в 9 часов утра 16 августа в 20 милях на юго-западе-половине запада показалась «земля с горами, на которой живут чукчи». Еще через 3 часа справа по борту в 13 милях увидели горы высокие, «откуда простирается земля на ЮЮЗ и СЗ», а слева по борту в 16 милях, пишет Чириков, — «земля, и чаем, что остров». В первых двух случаях речь шла о берегах Чукотки, во втором — об острове, названном моряками островом Диомиды (теперь — Ратманова⁶⁶). На карту моряки нанесли остров севернее и немного западнее, чем нужно. За сутки прошли около 90 миль и достигли $66^{\circ} 02'$ с. ш. и $28^{\circ} 31'$ долготы (к востоку от устья реки Камчатки).

Продолжая путь, «Св. Гавриил» 17 августа плыл вдоль восточного побережья Чукотки, не заходя в заливы, но приближаясь к мысам порой на половину и даже на четверть мили. Южнее мыса Дежнева «видели на берегу людей немало и жилище их в двух местах. И как увидели нас, — пишет Чириков, — побежали на высокую каменную гору». В два часа пополудни заметили землю на юг-тень-западе в полутора милях и плыли параллельно берегу. Миновали пролив Сенявина и остров Аракамчечен (не заметив, что это остров), а затем

утром обогнули мыс Чаплина. Мысу не было дано название. На нем моряки видели чукотские жилища и условно называли его «угол земли с жильем». После этого, как пишет Чириков, — «шли на другой угол, впереди явившийся, имея губу моря вправо [справа]». Таким образом, экспедиция открыла еще одно чукотское становище. Всего за сутки преодолели 115,8 мили.

18 августа обходили южную оконечность Чукотки — Чукотский мыс. Сначала приблизились к берегу на 4,5 мили, потом спустились к югу и утром на востоке в 20 милях снова увидели остров Святого Лаврентия. Затем опять подошли к южному берегу Чукотки.

Погода преобладала пасмурная. 20 августа с полуночи до 5 часов утра был штиль, «лежали без парусов». Глубина 15 саженей, на дне камень. До 9 часов утра «земли за туманом не видели». В десятом часу было «самое безветрие». Земля открылась за кормой, и позади судна показались четыре лодки. Бот лег в дрейф. Вскоре разглядели в лодках чукчей. Они приблизились к кораблю и вступили в разговор с моряками. Вот текст подлинной протокольной записи беседы с чукчами.

«Пригребли к нам от земли чукчи в четырех байдарках кожных, в которых мужского и женского полу человек с 40, в том числе один тоен, который говорить умел довольно коряцким языком, и по приказу нашему вышеписанные толмачи у него, тоена, расспрашивали, а про что, значат нижеписанные пункты:

Вопросы

1. Где река Анадырь и далеко ль?

2. Реку Колыму знаешь ли, есть ли ход морем отсюда до Колымы?

3. В море против вашей земли есть ли какие острова или земля?

Ответы

Река Анадырь к полдню [к югу] и отсюда не близко и бывал я в Анадырском остроге для продажи моржовой кости и русских людей давно знаю.

Реку Колыму знаю и бывал сухим путем на оленях. Море де против устья Колымы мелко и носит де там по морю всегда льды. А морем от нас до устья колымского не бывали, токмо по берегу морскому к Колыме далече отсюда живут люди все нашего роду.

Против сего сказал те же речи, как и прежде бывшие чукчи,

У подлинных вопросов и ответов пишет так: «Витез Беринг, Мартын Шпанберг, Алексей Чириков» [39, л. 228]*.

Из записи явствует, что и на этот раз на вопрос, есть ли морской ход до Колымы, чукчи не дали положительного ответа, так как сами туда морем не ходили. Обращает на себя внимание одна деталь, которая свидетельствует о сугубой относительности географических представлений местных жителей, а значит, о невозможности безоговорочного доверия к их сообщениям. Чукчи сказали, что река Анадырь находится к югу (от места встречи). Именно этим, скорее всего, и объясняется тот факт, что моряки поместили на своей карте эту реку, устье которой сами не заметили, к мысу Фаддея (Наварин). В действительности же Анадырь находится не южнее места встречи, а западнее и даже несколько севернее.

В вахтенном журнале Чириков, рассказывая о встрече с чукчами, добавляет несколько деталей. «...На Колыму реку ходим мы оленями, — пишет он, — а морем не бывали». Сообщает также, что чукчи привезли на судно мясо, рыбу, воду, шкурки лисиц и песцов «всего голов с 15, да 4 зуба моржовых» для обмена на иглы и огнива.

Беринг в рапорте (10 марта 1730 г.) указывает, что чукчей встретили на широте 64° 30'. Видимо, он несколько округлил минуты. Встреча произошла на 64° 25' с. ш., у мыса Якун, т. е. немного южнее места, где встретили чукчей в первый раз. (В. И. Греков полагал, что обе встречи состоялись около бухты Преображения.) Спрямяя маршрут, моряки плыли на юго-запад вдали от берегов.

22 августа в 4 часа дня справа по курсу в 25 милях открылся «угол земли, происходящей близ реки Анадера [?], который именовали Св. Фаддея». Затем берег снова исчез из поля зрения. Ночью «против севера на воздухе были светлые столбы».

24 августа в 13 ч 30 м снова увидели берег в 20 милях к западо-северо-западу.

На следующий день, когда судно стало удаляться от берега, поднялся сильный ветер «с великим волнением» и на фок-мачте порвало фал. Пришлось парус

* Публикуется впервые.

спустить и идти под одним зарифленным гротсейлем*. Несколько раз шел дождь. Земля скрылась за кормой.

В. Берх, говоря об особенностях «Св. Гавриила», обращает внимание на то, что при бейдевинде** судно шло со скоростью лишь полтора-два узла, а «склонение» его превышало 3—5 румбов. Однако при других галсах скорость хода достигала 7 и даже 9 узлов, а были случаи, когда она увеличивалась до 11 узлов. Склонение компаса начиная с 19 августа равнялось $1\frac{3}{4}$ румба.

С 24 до 30 августа плыли вдаль от берегов. Курс лежал большей частью почти прямо на юго-запад. 23, 28 и 29 августа было отмечено течение соответственно на северо-восток-тень-восток, юго-восток-три четверти восток и на юг-тень-восток. За все время не было ни одного шторма. Но вот с вечера 30 августа, на подходе к полуострову, за которым лежало устье реки Камчатки, подул сильный ветер. Продолжаясь всю ночь и утро, он особенно усилился к полудню. Тогда «гротсель подобрала и для опасения вынули риф у грота». А когда скорость возросла до 7,5 узла, «шли одним брифоком»***.

В 16 ч впереди справа на расстоянии 3 мили или даже меньше во мраке показалась земля. Сильный ветер гнал судно на скалистый берег, поднимавшийся отвесно вверх. Нужно было отойти мористее, тем более что берег изгибался здесь дугой, как бы окружая судно с трех сторон. «Тогда брифок спустили, а грот и фок поставили за великим ветром и волнением не скоро и не с малою тягостью». До позднего вечера продолжалась борьба со стихией. Наконец в 22 ч сразу у двух парусов — грота и фока — порвались фалы, паруса рухнули вниз, такелаж перепутался, и его при таком волнении невозможно было разобрать. Пришлось срочно стать на якорь в одной миле от берега. В полной темноте, под непрерывным дождем, при усилившемся волнении и едва ослабшем ветре всю ночь напролет и первую половину следующего дня команда приводила в порядок такелаж.

В полдень ветер и волнение утихли. Можно было продолжать поход. При подъеме якоря оборвался канат. Оказалось, его перебило камнями у самого штока. Подняв паруса, пошли прочь от берега на юго-восток-тень-

* Парус на грот (второй)-мачте.

** Курс корабля, когда ветер дует спереди (справа или слева).

*** Прямой парус на фок-мачте.

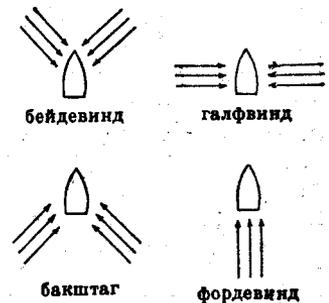
юг. В 8 часов вечера пытались измерить глубину, но лот не достал дна.

Наконец 1 сентября обогнули мыс Камчатский и вступили в Камчатский залив. 2 сентября втянулись в устье реки Камчатки, прошли немного вверх и бросили якорь там, где стояли до выхода в плавание на север. 51-дневный поход закончился.

Какой же крайней северо-восточной точки достиг «Св. Гавриил» и как далеко отстояла она от северо-восточной оконечности Азии?

Первый историк экспедиции Г. Ф. Миллер [68, с. 392—394] внес неточность в этот вопрос. Он писал:

«Августа 15 дня пришли они под 67 градусов 18 минут высоты полюса к носу, за коим берег... простирался к западу». Получается, что самая северная точка, которой достигла экспедиция, и северо-восточный угол Азии («нос») лежали приблизительно на одной широте. Основанием для такого заключения послужила итоговая карта экспедиции, где северо-восточная оконечность Чукотки изображена на $67^{\circ} 18'$ с. ш., т. е. на целый градус севернее, чем в действительности.

Галсы — курсы корабля относительно ветра.

Вторая неточность, допущенная Миллером, являлась данью ошибочным географическим представлением того времени. Она заключалась в утверждении, что от северо-восточного угла Азии «берег моря поворачивается к западу, но сим поворотом составляет только большую губу... а оттуда берег простирается опять к северу и северо-востоку до 70 градусов высоты полюса и больше, где лежит настоящий Чукотский нос...». На картах 1754 и 1758 гг. Миллер, не зная точных размеров этого носа, условно (пунктирной линией) изображает его в виде огромного грибообразного «полуострова», который простирается с востока на запад более чем на 10 градусов и доходит на севере почти до 75-й параллели. Причем, восточная точка этого «полуострова» показана на $2^{\circ} 30'$ дальше к востоку, чем мыс Дежнева. На «полуострове», обведенном пунктирной линией, сделана надпись: «Страна

чукчей, которая неизвестно до какого места простирается».

В этом мифическом полуострове мы легко узнаем пресловутый Шелагский мыс, хотя он здесь и не назван так. Как известно, этот мыс изображался на большинстве доберинговых карт, а также на итоговой карте Первой Камчатской экспедиции (1729 г.), на карте Дюгальда (1735 г.) и даже на наиболее правильной карте Морской академии (1746 г.). Менялись размеры, очертания и местоположение мыса, неизменным оставалось лишь его присутствие на картах.

Но Миллер был прав в том, что, только пройдя к северной части изображенного им полуострова, «можно было бы сказать с основанием, что обе части света между собой не соединяются». (Иначе говоря, вывод Беринга о раздельности материков Миллер признал несомнительным). Мысль Миллера не совпадает с предложением Чирикова, высказанным 13 августа, но приближается к нему: ведь если бы Беринг пошел вдоль северного берега Чукотки, то мог бы встретить льды к югу от острова Врангеля.

В XVIII—XIX вв. в западноевропейской литературе прочно держалось еще одно ошибочное представление, которое датский географ П. Лауридсен назвал «интересным недоразумением». Он обнаружил на картах, составленных в первые 10 лет после окончания экспедиции, что от теперешнего мыса Дежнева «Св. Гавриил» якобы пошел не на северо-северо-восток, удаляясь от Чукотки, а вдоль ее берегов, на северо-запад. Лауридсен первым обратил внимание на то, что Газиус (1738 г.), использовавший данные Первой Камчатской экспедиции, показал горную цепь, идущую вдоль северного берега Чукотки, немного выше 70-й параллели, а у самого берега поставил надпись: «Предел, до которого мореплаватель Беринг обследовал берега». Так же изображалась эта горная цепь и на других картах того времени, а главное — на итоговой карте самой экспедиции. Дюгальд (1735 г.), зная широту, которой достигла экспедиция, не имея представления о долготе, на изданной им карте экспедиции прервал горную цепь у широты 67° 20' [69]. Таким образом, сам характер изображения северных берегов Чукотки способствовал возникновению указанного заблуждения (что корабль шел вдоль северного берега Чукотки).

Американский ученый В. Долл уже в конце XIX в. считал, что ошибка на карте Дюгальда была не типографской опечаткой, а неким сознательным «уточнением» оригинальной карты, приводившим последнюю в соответствие с ошибочными представлениями издателя. «Беринг, конечно, никогда не был на этом побережье на севере Чукотки, — писал ученый, — но карта Дюгальда подтасована так, чтобы показать, что он был там» [70, р. 165]. Однако это наблюдение американца не дает ответа на вопрос, почему Дюгальд занялся такой подтасовкой. В полном недоумении Долл восклицает: «Как могло случиться, что люди такой исключительной одаренности, как Дюгальд, Данвилль, Миллер, Газиус, Эйлер и Кемпбелл, были введены в заблуждение?» [70, р. 164]. Ученый считал это результатом того, что подлинные источники долгое время оставались неизвестными, а те фрагменты их, которые стали достоянием света, отличались тяжелым языком и часто искажениями. Он высказал мысль, что окончательное объяснение этого можно найти в русских архивах.⁶⁷

В советской литературе обстоятельный разбор данной ошибки сделал Греков [42, с. 36]. Он впервые указал, что под влиянием представлений о движении Беринга в западном направлении находился и Д. Кук, который плывал через Берингов пролив и севернее его 50 лет спустя. Кук, в частности, полагал, что «Св. Гавриил» подходил к мысу Сердце-Камень, почти в 80 милях к северо-западу от мыса Дежнева [71, с. 197]. Греков считает, что с названием Сердце-Камень связана другая грубая ошибка, виновником которой стал Г. Штеллер, говоривший, будто экспедиция достигла этого мыса в заливе Креста (ныне мыс Линлиней). Греков отметил и две ошибки Н. Н. Оглобина, наперекор всему утверждавшего, что Беринг не был в проливе между мысом Дежнева и островом Ратманова, так как не видел острова Крузенштерна (второй из островов Диомида); а также, что якобы «Св. Гавриил» подходил к острову Кинг (в 70 км к югу от мыса Принца Уэльского). Однако и Греков не ответил на вопрос, почему в свое время возникло недоразумение.

Скорее всего ошибка Дюгальда появилась потому, что в самом первом документе, ставшем известным свету, — в «Краткой реляции...» Беринга царице (именно ее пересказывал Дюгальд в своей книге) — не было све-

дений о долготе, достигнутой экспедицией. Косвенно способствовали появлению недоразумения также второй пункт инструкции Петра, предписывавший плыть «возле земли, которая идет на норд», и отсутствие у Беринга «в Краткой реляции...» пояснения, что вдоль северного берега Чукотки экспедиция не плавала, а нанесла его на карту со старых чертежей. Кстати, на некоторых экземплярах карты экспедиции по северному побережью Азии тянется надпись: «Сия часть Шелагской и Чукоцкой земли положена по прежним картам и по ведомостям». Случайно ли в «Краткой реляции...» не упомянуто достигнутое долготы, не сказано о том, что в течение последних 62 часов «Св. Гавриил» плыл вдали от берегов, а также о других данных, о которых говорил Долл? У нас нет материала для определенного ответа на этот вопрос.

Но самым важным основанием для недоразумений, повторяем, было смещение северо-восточного угла Чукотки на целый градус к северу на итоговой карте самой экспедиции.

В литературе часто встречаются разные обозначения не только долготы, но и достигнутой широты. Так, на карте, подготовленной под руководством Миллера в 1754 г., вдоль линии, изображающей путь экспедиции, имеется надпись: «Путешествие капитана Беринга в 1728 году до 66 градуса 30 минут». То же повторяется в окончательном варианте карты 1758 г. и на так называемых «картах лейтенанта Синда», изданных на русском и французском языках в шестидесятых годах XVIII в.

В конце XIX в. в правильности координат, достигнутой экспедицией, усомнился Долл. Путем умозрительных заключений он пришел к неверному выводу, что «Св. Гавриил» достиг $67^{\circ} 24'$ с. ш. и $193^{\circ} 15'$ в. д. (к востоку от Гринвича). В наше время существенную ошибку допустил Дивин, заявивший, что «благодаря усилиям Чирикова и Чаплина было дано описание значительной части побережья от Камчатки до 67° с. ш.» [61, с. 57]. Но ведь берег северо-восточной Азии выходит на эту широту на 3° западнее долготы, достигнутой экспедицией.

Почему же Беринг так поспешил уйти из района исследования?

Одни ученые склонны считать, что Беринг поступил

правильно, повернув назад, другие придерживаются противоположного взгляда. Первым попытался объяснить преждевременный уход с севера сам Беринг. Он трижды в различных документах пишет об этом, и каждый раз по-разному. Первое объяснение содержится в его решении, написанном 15 августа 1728 г., накануне того дня, когда он распорядился повернуть на обратный курс. Как мы помним, оно было не совсем убедительным, хотя самому капитану представлялось в тот момент достаточно веским. Вероятно, позже его доводы казались ему уже менее основательными, чем прежде. Во всяком случае, в Петербурге, почувствовав весьма сдержанное отношение к итогам экспедиции, Беринг не решился сослаться в рапорте в Адмиралтейств-коллегию на трудности и опасности плавания: это не могло убедить заседавших в коллегии «морских волков». В рапорте, составленном в столице (10 марта 1730 г.), он уже иначе говорит о своем решении повернуть назад. Основное значение теперь он придает словам чукчей (действительным и вымышленным).

Не подлежит сомнению, что рассказы чукчей существенно повлияли на ход мыслей и последующие действия Беринга. Они зародили в нем уверенность, что пролив открыт и следует повернуть назад. Именно с описания встречи с ними 8 августа Беринг и начинает в рапорте свое второе объяснение.

Суть рассказов чукчей была известна по «Краткой реляции...» еще в XVIII в., а выдержки из рапорта в коллегию опубликованы в середине XIX в. А. С. Полонским. Но, к сожалению, до сих пор эти источники не сопоставлялись между собой и с протоколами опроса чукчей; а такое сравнение приводит к важным выводам⁶⁸.

Протокольные записи бесед с чукчами, как мы помним, были сделаны в ходе самих бесед и подписаны тремя офицерами, тогда как два других источника представляют собой толкование Беринга, составленное более полутора лет спустя. Ясно, что первоисточником следует считать протоколы. Напомним, что в первом протоколе зафиксирован следующий ответ чукчей: «Реку Колыму не знаем...». Правда, о какой-то реке слышали, но «оная река — Колыма ли или другая, про то не знаем». Несколько иной ответ был получен при второй встрече с чукчами, но и на сей раз на прямой вопрос,

«есть ли ход морем отсюда до Колымы», они ответили: «...Морем от нас до устья Колымского не бывали». Как далеко тянется в направлении к Колыме море и насколько «далече» по берегу обитают их сородичи, об этом в показаниях чукчей нет ни слова.

Не приняв в свое время предложения Чирикова плыть к устью Колымы, Беринг не мог впоследствии не поддаться влиянию его разумной идеи. Во всяком случае, в Петербурге, отчитываясь в своих действиях перед компетентными судьями, капитан в рапорте произвольно приписывает чукчам следующие слова: «Земля их делает две губы и обращается к устью реки Колымы, а всюду прилегло море...» [49, л. 98]. Какие именно две губы (из многих заливов, врезающихся в северное побережье) он имел в виду, сказать трудно, да это и не суть важно. Гораздо важнее другое: Беринг приписывал чукчам то, чего они не говорили и чего нет ни в протоколах опроса, ни в вахтенном журнале.

Получалось как будто гладко и убедительно: если к Чукотке и далее на запад, до самой Колымы, всюду прилегает море, значит, Азия не соединяется с Америкой. Однако, дополняя и переделывая по своему усмотрению показания чукчей, Беринг не учел досадную деталь: в идущем далее тексте он оставил действительные слова чукчей о том, что они морем до устья Колымского «не хаживали». Но если чукчи морем на Колыму не ходили, то откуда они могли знать, что к северному побережью восточной Азии до самой Колымы прилегает море? Ведь нельзя же предположить, что, зная об удобном санном пути на Колыму, проходящем вдали от моря, чукчи (подобно исследователям) стали бы на оленях преодолевать сильно пересеченный берег Ледовитого океана или торосистые льды вдоль побережья, тянувшегося на три с лишним тысячи километров, чтобы удостовериться, всюду ли «прилегает море».

Искажение слов чукчей осталось незамеченным, произошло это прежде всего потому, что рассказам чукчей не придавали особого значения, так как они не могли служить свидетельством существования пролива. Ведь что бы они ни говорили, это были только слова, которые нуждались в проверке и доказательстве⁶⁹. Сведения же, подобные полученным от чукчей, можно было добыть, не выезжая из столицы, у якутских служилых людей.

Изложив в рапорте сначала то, что «говорили» чукчи, Беринг далее пишет: «15 дня августа дошли до северной широты 67 градусов 19 минут и длины от устья реки Камчатки 30 градусов 14 минут⁷⁰. А в правой стороне по курсу нашему от острова земли не видел и земля больше на север не простирается и наклоняется к западу. И потому рассуждал, что данной мне указ исполнил и возвратился назад». Разумеется, надежнее было объяснить свое возвращение тем, что экспедиция открыла пролив, и не ссылаться при этом на опасности дальнейшего плавания. Члены коллегии в худшем случае могли сомневаться в том, что пролив открыт. Но кто бы мог опровергнуть вывод Беринга относительно пролива, не побывав там, где была экспедиция?

В приведенной выдержке из рапорта Беринг допускает еще одну неточность, утверждая, что якобы «земля [Азия] больше на север не простирается». Он не мог знать этого — на запад от мыса Дежнева корабль не ходил, а видимость во время прояснения не превышала 15—20 миль. На самом деле (на современных картах) от крайнего северо-востока Азии берег поднимается почти на 2° на север (отступая при этом к западу). Причем, береговая черта уходит на северо-запад примерно под таким же углом, под каким идет от устья реки Камчатки на северо-восток; а ведь последнее направление и в инструкции Петра I, и в документах экспедиции называлось обобщенно направлением на север.

Так на современных картах. На итоговой же карте экспедиции северный берег Чукотки круто уходит к северу и поворачивает даже на северо-восток, поднимаясь выше широты северного берега острова Врангеля, т. е. простирается от северо-восточного угла Азии к северу не на 2°, а почти на 6°.

Третьим документом была «Краткая реляция...», составленная для царицы. Прибыв в златоглавую Москву и поосмотревшись, Беринг, вероятно, понял, что царский двор занят другими делами и строгого спроса с него не будет. Кроме того, в отличие от морского начальства в Петербурге, здесь и сама Анна, и ее ближайшее окружение мало понимали в научных и морских вопросах. И может быть, поэтому появился третий вариант объяснения. Сначала он в реляции повторил причину, приведенную в рапорте в Адмирал-

тейств-коллегия: «А 15 дня тогож августа пришли в ширину северную 67 градусов 18 минут, рассуждал, что по всему видимому и по данной инструкции... исполнено, понеже земля более к северу не простирается, а к Чукотскому или к восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился» Но если в рапорте, говоря о земле к востоку от Чукотки, он точно констатирует факт («в правой стороне по курсу... земли *не видел*»), то здесь он в категорической форме утверждает, что к Чукотке никакая земля *не подходит*.

Далее в «Краткой реляции...» приводятся доводы из заключения от 15 августа 1728 г.: «А ежели б еще иттить далее, а случились бы противные ветры, то не можно паки того лета возвратитца до Камчатки, а на тамошней земле зимовать было б не без притчин, понеже лесу никакого не имеется, а тамошней народ не под державою Российского государства, самовластен и союства с нашими ясашными иноземцами не имеет» [53, с. 94]. О неубедительности этих доводов сказано выше.

Первым из русских ученых принял целиком на веру объяснения Беринга В. Берх⁷¹. Еще определеннее встал на эту точку зрения академик К. М. Бэр, который «превозмог» даже Беринга, так как причиной ухода с севера считал опасность быть затертым льдами, о чем у Беринга нет ни слова⁷². Действия Беринга отстаивал и датчанин П. Лауридсен. Он писал: «Вполне возможно, что мы испытываем склонность порицать Беринга за поспешность. Почему он не стал крейсировать в районе от 65 до 67° с. ш.? Несколько часов плавания привели бы его к американскому берегу. Это неодобрение, однако, может оказаться неправомерным... Беринг не имел представления о соседнем континенте... отсюда, естественно, он не мог ожидать, что найдет землю, о которой он, вероятно, ничего не знал. Но нужно также принять во внимание его плохую экипировку. Канаты, снасти и паруса были в таком плохом состоянии после трехлетней транспортировки через Сибирь, что могли не выдержать шторма. Запасы продовольствия истощились и были настолько незначительными, что не позволяли отклоняться от решения главной задачи, и именно поэтому, как мы видим, он не собирался исследовать американское побережье и решать вопрос, соединяется ли Азия с Америкой» [75, р. 37].

Невозможно принять заключение Лауридсена, что

Беринг не знал, где проходит берег Америки, поэтому не открыл его, и что он не собирался решать вопрос, «соединяется ли Азия с Америкой».

Вторая часть рассуждения Лауридсена также ошибочна. Хотя такелаж и паруса и были не в идеальном состоянии, но ни Беринг, ни Шпанберг не упускают о ветхости их как об одной из причин ухода из района исследования. Относительно запасов продовольствия напомним, что на судно погрузили продуктов на целый год, а к 15 августа оно находилось в море всего чуть больше месяца.

Преждевременному уходу с севера в литературе обычно не уделялось должного внимания. А те авторы, которые касались его, осуждали Беринга за нерешительность, отсутствие исследовательского духа, высказывали сожаление, что он не пошел к Колыме, не открыл Америку и вместе с тем порой все же оправдывали его действия. Широкое распространение получила версия о том, что Беринг поступил в соответствии с государственными интересами и инструкцией. Первым это высказал Андреев [17, с. 10]. Объясняя распоряжение Беринга повернуть обратно, он писал: «Боязнь нарушить «государственный интерес», потерять судно и людей заставила его принять решение, смысл которого ему был совершенно ясен». Эту мысль разделяют Лебедев, Греков и Дивин.

Очевидно, если Беринг действовал по инструкции, то предложение Чирикова противоречило ей. Но никто не решается утверждать это прямо. Как же обстояло дело в действительности?

Второй пункт инструкции обязывал плыть «возле земли, которая идет на nord». Во время плавания до юго-восточного угла Чукотки этот пункт выполнялся неукоснительно. Но дальше, вопреки инструкции, Беринг, дважды (у мысов Чаплина и Дежнева) приказывал плыть на северо-восток, удалялся от берегов. Именно для того, чтобы не нарушать указ Петра I, и предложил Чириков идти около земли в направлении к устью Колымы («до мест, показанных в означенном е. и. в. указе»). Чириков в сущности высказал не просто мнение, а научно обоснованное предложение строжайше выполнять инструкцию. Третий раз инструкция была нарушена, когда судно пошло обратно, повторяя прой-

денный уже путь, вместо того, чтобы идти вдоль северного берега Чукотки на северо-запад.

Таким образом, вторая точка зрения, противоположная беринговской, родилась также во время самого плавания и автором ее был А. И. Чириков. Позже к ней присоединился, как мы видели выше, Г. Ф. Миллер.

Само собою разумеется, что ни Миллер, ни тем более Чириков — современники и подчиненные В. Беринга — не могли исчерпывающе характеризовать действия своего начальника. Полнее оценивал их в конце XIX в. Долл, указавший, что были затрачены огромные силы, средства и время, чтобы достигнуть Чукотки, но Беринг, проведя в этом районе лишь 24 часа, «оставил исследование и вернулся», хотя природные условия позволяли плыть дальше еще в течение месяца [70, р. 163]⁷³.

Эту характеристику дополняет другой американский ученый Ф. А. Голдер: «Беринг не понимал в полной мере, что... его выводы нуждаются в научных доказательствах... Почему он поспешил вернуться? Плавание в этих водах открыто еще по крайней мере в течение 6 недель» [31, р. 148].

Трудно не согласиться с этими выводами.

Советский историк М. И. Белов [65, с. 256], справедливо называя поспешный уход Беринга из северных широт неблагоприятным поступком, допускает, что в этом какую-то роль сыграли связи Беринга с иностранными дипломатами в Петербурге. Нам представляется такое предположение маловероятным. Особую точку зрения высказал Н. К. Чуковский. Он утверждает, что Беринг якобы получил весной 1728 г. (т. е. до выхода в плавание на север) весть о смерти Екатерины I и о восшествии на престол Петра II. Зная, что новый царь мог быть только противником Камчатской экспедиции, и беспокоясь за свою судьбу, Беринг и поспешил домой [48, с. 33]. Эта версия легко опровергается фактами: моряки, уходя на север, не знали о смерти царицы и смене престола и получили известие об этом только через месяц после возвращения из плавания (2 октября 1728 г.).

Беринг в северных широтах допустил ряд просчетов, которые вызывали удивление современников и вот уже более двух с половиной столетий порождают споры среди географов и историков.

В самом деле, нарушая инструкцию, капитан не поплыл вдоль берегов Чукотки на северо-запад, не принял предложения Чирикова. Впервые в истории русские моряки поднялись севернее 67° с. ш. в этом районе. Впереди были необозримые морские просторы... Веером расходились на картушке компаса 32 румба. Мысленно продолженные, они указывали много возможных направлений. И каждое направление, кроме одного (которым шли сюда), скрывало неведомое. Не поздно было идти на запад. Этот путь привел бы их к северным берегам Чукотки. Можно было плыть дальше на север. Этим путем обязательно и, вероятно, довольно скоро дошли бы до льдов и также убедились бы в наличии пролива. Любой восточный румб привел бы их к берегам Аляски. Но из всех возможных направлений Беринг выбрал самое невыгодное — то, которым шли на север. Этим нарушалась традиция моряков-исследователей: не ходить в два конца одним и тем же путем. Не случайно в проекте указа Сената от 28 декабря 1732 г. об организации новой экспедиции было предписано обратно идти другим путем. Ведь стоило на обратном пути судно отклониться от прежнего курса влево, и оно оказалось бы у мыса Принца Уэльского (самая западная точка Америки). При этом здесь не встретились бы льды и очень скоро уменьшающиеся глубины указали бы на близость берега.

На обратном пути 6 августа, когда с судна, шедшего при благоприятном северо-западном ветре со скоростью около 7 узлов, в 16 милях увидели остров (Ратманова), потребовалось бы всего 2,5—3 часа, чтобы обойти открытый остров или хотя бы приблизиться к нему. И тогда неизбежно был бы обнаружен второй остров, обходя который, корабль оказался бы так близко к берегам Америки, что, не заметив их было бы невозможно. Распоряжение Беринга тем более трудно понять, что он знал от Петра Татаринова о близости Большой Земли, а также мог видеть ее на карте И. Львова, который в Якутске копировал чертежи для экспедиции, и на других картах.

Самым серьезным просчетом было, конечно, то, что Беринг не принял во внимание предложение Чирикова плыть на запад.

Рассуждения об угрозе ледового плена и плохой погоде опровергаются простым подсчетом дней с хоро-

шей и плохой погодой (по вахтенному журналу). Из 16 суток (8 до поворота на обратный курс и 8 после поворота) в течение 12 ветер был слабый, дважды наступало безветрие, три раза дул свежий ветер, но лишь однажды он был сильный. И хотя преобладали пасмурные дни, туман был всего четыре раза, зато столько же отмечено ясных дней; дождь шел один раз.

Позволяло ли время года и обстановка плыть на запад?

Чтобы яснее представить себе природные условия района, приведем некоторые современные данные.

Чукотское море принадлежит к числу теплых арктических морей. Этим оно обязано притоку из Берингова моря более теплых вод. Температура воды в районе пролива в конце августа достигает 14°. Далее на запад, вдоль северного берега Чукотки, она понижается до 7 и 4°. В южной части моря летом преобладают южные и юго-восточные ветры, а к концу сезона — северо-западные. Кромка льда летом отступает к линии северная оконечность острова Врангеля — мыс Барроу. Особенно мало льдов со второй половины августа до первой половины октября. Лишь в конце сентября образуется молодой лед, а в конце октября — начале ноября температура воды близка к точке замерзания.

В Восточно-Сибирском море (куда предлагал плыть Чириков) образование льда приходится обычно на конец сентября — начало октября, причем в восточной части ледяной покров устанавливается на 10—15 дней позже [77, с. 157].

Правда, в первой половине XVIII в. в Арктике, особенно на северо-востоке, имело место некоторое похолодание. Тем не менее в XVIII—XIX вв. и в Арктике и в Антарктике плавали русские моряки, а в этом районе — англичанин Кук⁷⁴ и русские люди — современники, а главное предшественники Беринга. В сентябре прошел через пролив Дежнев, так же поздно здесь был Курбат Иванов (1660 г.): к мысу Чукотскому он подошел после 8 сентября, а на юг отправился лишь 18 сентября. Интересно, что на том же самом «Св. Гаврииле», но четыре года спустя (в 1732 г.), когда и само судно и такелаж, рангоут и паруса стали ветхими, на борту находился только один опытный моряк — Федоров, да и тот больной, не было таких больших запасов продовольствия, какие имелись у Беринга, Федоров и Гвоздев подо-

шли к Аляске 21 августа, а на Камчатку по требованию команды (а не командира, как в 1728 г.) вернулись 28 сентября.

В литературе часто можно встретить странное противоречие: все признают предложения Чирикова единственно правильными и в то же время некоторые авторы утверждают, что начальник экспедиции из осторожности отклонил их⁷⁵. Может быть, правильные по существу предложения лейтенанта таили в себе опасность и потому казались нереальными? Но так никто не утверждает. Проблема попадает в какой-то лабиринт. Попытаемся в ней разобраться.

В спорном случае можно, как правило, найти компромиссное решение. Чириков советовал плыть до устья Колымы или до первых льдов, но можно было, приняв этот совет, скажем, не приближаться ко льдам. Далее, на плавание к северо-западу и на поиски гавани лейтенант отводил 12 дней. Если бы Беринг, чтобы обеспечить благополучный возврат, зарезервировал больше времени, но все же принял разумное предложение лейтенанта, тогда с полным основанием можно было бы говорить об осторожности капитана.

Беринг был вправе, наконец, вообще не принимать слабую часть предложений Чирикова — зимовку в северных широтах⁷⁶. Он мог думать, что не хватит продовольствия, мог беспокоиться за судно, здоровье и жизнь людей. Возражения против зимовки на севере были особенно резонны потому, что всего в 15 днях лежала удобная Нижне-Камчатская база. Целесообразно было бы вернуться на базу, а ранней весной, почти на полтора месяца раньше, чем в 1728 г., выйти снова в море, чтобы при благоприятных навигационных условиях завершить исследование. В этом случае можно было бы потратить на изучение полярного района не 12 дней, а целый месяц, успеть вернуться в Нижне-Камчатск в первых числах августа и до осенних непогод добраться до Охотска.

Только при условии вторичного плавания на следующий год уход с севера можно было бы расценивать как проявление разумной осторожности. Но ни в одном из документов не говорится о том, что Беринг собирался вернуться в район исследования в будущем году. Значит, он обязан был воспользоваться тем, что находится здесь, и изучить район, затратив для этого хотя бы

часть из 12 дней, в течение которых предлагал плавать Чириков.

Однако, как известно, этого не произошло, и потому слово «осторожность» применительно к действиям Беринга превращается в пустой звук. Поверив словам чукчей, по-своему понятым, Беринг не стал рисковать и счел излишними какие-либо «дополнительные» доказательства существования пролива между материками. Возможно, ему трудно было забыть давнюю обиду, послужившую причиной ухода в отставку в 1724 г. Если еще вспомнить о его желании обеспечить свою старость и спокойно пожить на одном месте, в собственном доме, то можно допустить, что все это вряд ли предрасполагало Беринга к риску.

Кроме того, проблему пролива Беринг понимал слишком узко, имея в виду пролив между Чукоткой и противоположащей землей, а не между материками в целом. Не случайно, требуя от офицеров письменного ответа 13 августа, он так и писал: «...показанного носу Чукотского земля, та о которой мнение было, что сходится с Америкой, разделяется морем». Нужно ли повторять, что в инструкции Петра I говорилось о соединении с Америкой Азии, а вовсе не только Чукотского полуострова. Эту, узко понятую проблему Беринг правильно считал решенной: по крайней мере до широты $67^{\circ} 18'$ сухопутной связи материков обнаружено не было. Но не соединяются ли они несколько севернее и не является ли море, по которому они доплыли до $67^{\circ} 18'$ с. ш., большим заливом, ограниченным с севера перешейком, а с востока и запада континентами, Беринг сказать определенно не мог.

Он увидел всего лишь несколько миль северного берега Чукотки, отказался идти вдоль земли на северо-запад, хотя не встретилось ни одной льдины, не поплыл из северной точки пути ни на запад, ни на север, ни на восток, не обошел остров Диомида и не проверил сообщение Татаринова о Большой Земле. Беринг повернул судно вспять и почти без отклонений от прежнего курса направился на Камчатку.

На обратном пути снова встретили чукчей, поговорили с ними и получили почти те же сведения, что и в первый раз. Беринг присовокупил их к прежним, чтобы доставить в столицу как доказательство существования северо-восточного морского прохода.

Просто непостижимо. Более трех с половиной лет экспедиция затратила на то, чтобы, выйдя из Санкт-Петербурга с необходимыми материалами и инструментами, обогнуть чуть не половину окружности земного шара, построить 15 речных и 2 морских судна, заготовить в Сибири и перевезти на Камчатку продовольствие и на новом судне с годичным запасом продовольствия отправиться туда, куда посылал ее Петр I. И что же? Достигнув заветного района, Беринг, вопреки инструкции, удаляется от берегов и, пройдя едва 66 миль, решает, что все задачи выполнены, прекращает плавание на север и покидает полярные воды.

Не только А. И. Чириков, но и многие современники, а главное, такие высокие правительственные органы, как Сенат и Адмиралтейств-коллегия, считали Беринга обязанным сделать больше. Недаром уже через два года после экспедиции в указе Сената было четко записано, что Петр Великий «послал осведомиться от обоих берегов, сходятся ль берега американские с берегами Азии». Иначе говоря, по самому смыслу инструкции экспедиция должна была обследовать оба противоположащих берега. Эта мысль подтверждается и тем, что Петр I еще Лужину и Евреиннову (1719 г.) приказал выяснить, «сошлася ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать, не только сьюд и норд, но и ост и вест...» [17, с. 5].

Не случайно также всего 35 лет спустя после плаванья «Св. Гавриила» М. В. Ломоносов писал: «...Жаль, что, идучи обратно, Беринг следовал тою же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом, конечно бы мог приметить берега северо-западной Америки» [23, с. 451].

Если говорить строго, экспедиция, установив, что Чукотка с востока омывается морем, не смогла доказать, существует ли пролив даже между этим полуостровом и Америкой. В самом деле, понятие «пролив» предполагает наличие двух противоположащих берегов. Экспедиция же Беринга не обнаружила противоположный, американский берег. А так как тогда никто точно не знал, где он находится, можно было предположить, что берег этот лежит на большом расстоянии от Чукотского полуострова и проходит значительно южнее, как его, кстати, и изображали на некоторых картах того времени.

Но само собою разумеется, что в этом случае нельзя было говорить о проливе у берегов Чукотки.

Что Северная Америка подходит близко к Чукотке, было установлено позже, и не Берингом. То, что «Св. Гавриил» в 1728 г. был в проливе, ни у кого не вызывает сомнений. Беринг мог только предполагать, что он плывал в проливе, а предположение не доказательство.

Вернувшись с севера, моряки поставили «Св. Гавриила» и «Фортуна» на зимовку. Суда расснастили, такелаж и паруса сложили в каюты бота и передали оба судна на хранение местному правителю.

В конце сентября Чириков с частью команды, а затем и остальные члены экспедиции разместились на зимних квартирах. Больными были Шпанберг, геодезист Путилов и один солдат, который вскоре умер. Видимо, у Путилова было тяжелое заболевание, так как в журнале отмечено, что «геодезист весьма без ума».

2 октября 1728 г. в Нижнекамчатск из Большерецка явился матрос, посланный штурманом Энзелем, с манифестом о смерти Екатерины I и рапортом Энзеля. Последний сообщал, что вывез с Горбейского зимовья и сдал в Якутске все материалы, а муку и другое продовольствие оставили на Горбее из-за нехватки рабочей силы. Весной 1728 г. Энзель снова отправил на Горбейское зимовье матроса Ивана Белого и нескольких солдат. Они передали представителям якутских властей продукты и пошли вверх по реке Юдоме в Охотск, собирая грузы, оставленные отрядом Шпанберга в 1726 г. В Юдомском Кресте дождался Энзеля, который на 77 лошадях вез из Якутска некоторое количество продуктов, и вместе с ним отправились в Охотск. Далее в рапорте сообщалось, что старое судно, когда оно пришло в Охотск с Камчатки, буквально «дышало на ладан». Штурман приказал отремонтировать судно (в который раз!) и 5 августа вышел на нем в море. Но противные ветры заставили его вернуться. Через неделю снова отправились в путь и в конце месяца прибыли в Большерецк с различным продовольствием, материалами и каким-то ящиком от Рагузинского. В рапорте Энзель с тревогой сообщал о недостатке провианта для 22 служителей, состоящих при нем, и о болезни ученика Ендогурова. Беринг послал в Большерецк продовольствие на два месяца и приказал доставить больного Ендогурова в Нижнекамчатск.

В октябре 1728 г. мореходы Кондратий Мошков и Иван Бутин обратились к Берингу с просьбой выдать им жалованье, которое они не получали — первый с 1726 г., а второй даже с 1723 г. Причину такой долгой задержки жалованья они скромно видели в том, что некогда было просить его, так как находились в непрерывных плаваниях через Охотское море. Беринг приказал заплатить мореходам за 1727 г., хотя на исходе был и 1728 г.

Обосновавшись на зимних квартирах, люди в хорошую погоду занимались учениями, ремонтом такелажа и другими работами.

Приближалась зима. В октябре ударили морозы, и к концу месяца река местами стала. В феврале из Большерецка в Нижнекамчатск прибыл Энзель с матросами и солдатами.

3 февраля в пятом часу утра моряки наблюдали треть за время экспедиции затмение луны⁷⁷.

ПЛАВАНИЕ 1729 г. И ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТОЛИЦУ

С наступлением весны члены экспедиции принялись ремонтировать «Св. Гавриил» и готовить его к плаванию.

В начале мая река вскрылась, и к судам подвезли материалы, такелаж и продовольствие, а 31 мая — людей. Предстоял выход в море. На «Св. Гаврииле» отправлялось 40 человек, в том числе Беринг, Чириков, Энзель, лекарь Буцковский, Чаплин, 14 матросов, 7 солдат, 7 адмиралтейских служителей, 2 переводчика. Больного Шпанберга еще в апреле отвезли в Большерецк сушей. На «Фортуне» плыли остальные, среди них Козлов, больные Ендогуров и геодезист Путилов, 7 солдат, мореходы Мошков и Бутин. Старшим на «Фортуне» был Козлов; его задача — провести судно вокруг Камчатки — облегалась тем, что мореходы уже совершили такое плавание в 1728 г.

Перед тем как выйти в поход, Беринг собственной властью произвел матроса Ивана Белого в подшхиперы.

5 июня сначала «Фортуна», а за ней «Св. Гавриил», пользуясь приливом и течением, вышли в море. «Фор-

туна» направилась в Большерецк. А куда же шел «Гавриил»?

В Нижнекамчатске Беринг слышал от местных жителей, что «будто в ясные дни видят землю через моря» на востоке от Камчатки⁷⁸. Капитан решил, что это Америка, и задумал проверить загадочное сообщение. Не встретив Американский континент на севере, он хотел открыть его поблизости от Камчатки.

Г. Ф. Миллер писал, что к лету 1729 г. у Беринга сложилась целая система доказательств, «подтверждающих» близость Америки к Камчатке. Вот основные из них.

На острове Карагинском был встречен иноземец, который рассказал, что на его родине растут большие сосны и ели (их нет на Камчатке). На острове действительно нередко находили стволы этих деревьев, принесенные морем, а весной обнаруживали льдины, на которых были следы пребывания человека. Кроме того, с востока на Камчатку ежегодно прилетает много перелетных птиц. Среди прочих аргументов, казавшихся Берингу убедительными, был и тот, что волны на море, по которому он плыл, не такие высокие, как на других морях. Но невысокие волны были и в узкостях на севере (залив Креста, пролив между материками). Также неубедительна ссылка на незначительную глубину моря. Ведь «Св. Гавриил», плывя на север, не удалялся от берегов Камчатки на большое расстояние. На обратном же пути, когда, миновав Чукотку, шли вдаль от берегов, глубину или не измеряли, или при измерении не доставали дна.

Другие доводы Беринга, например рассказы чукчей о том, что к востоку от Чукотского полуострова живут бородатые люди, которые привозят к ним для продажи меха куниц, не относятся прямо к делу, так как речь здесь шла о севере и проверить эти рассказы можно было только в районе Чукотки, куда бородатые пришельцы привозили меха.

Почему же Беринг все-таки решил плыть на восток, чтобы открыть Америку вблизи Камчатки? Почему теперь он не отмахнулся от всех этих сообщений о близости соседнего материка, как отмахнулся в минувшем году от сведений о близости Большой Земли к Чукотке?

Можно предположить, что, размышляя об итогах своего похода на север в 1728 г., Беринг пришел к выво-

ду, что они не удовлетворяют в полной мере Адмиралтейств-коллегию. Видимо, следствием этих опасений была мысль предпринять еще одно плавание и как бы компенсировать то, что не было сделано на севере.

Плавание это было для Беринга второстепенным. Он не придавал ему особого значения и позже старался о нем не вспоминать. Не случайно в его итоговом рапорте не нашлось места даже для упоминания о нем⁷⁹.

Итак, рано утром 5 июня 1729 г. «Св. Гавриил» поднял паруса, лавируя вышел из гавани и лег на курс юго-восток-тень-юг. 6 и 7 июня ветер был слабый. Ночью он усилился. Порвало фок и шли под одним гротом. На следующий день еще дул сильный северный ветер, было пасмурно. Склонение компаса — $1\frac{1}{4}$ к востоку. Уже прошли более 100 миль, а никакой земли не было видно. И вот в 14 ч 30 м 8 июня, когда судно достигло $55^{\circ} 32'$ с. ш. и $166^{\circ} 25'$ в. д., Беринг, потеряв надежду открыть Америку, приказал повернуть назад.

А где-то к югу, совсем рядом, лежала земля — остров, на котором несколькими годами позже Беринг погиб и который поныне носит его имя.

В литературе установилось мнение, что плавание прекратилось из-за сильных ветров, свирепствовавших около двух суток. Однако знакомство с вахтенным журналом показывает, что уже через 13 ч 30 м обратного плавания ветер утих и в течение десяти следующих суток был слабый, а временами наступал полный штиль при ясной погоде. Время было летнее, база находилась рядом, плавание в этом районе вряд ли могло быть опасным, и Беринг вполне мог вернуться и затратить несколько дней на поиски земли, которую объявил целью этого плавания. Но он не вернулся.

Необходимо заметить, что на карте Берха — единственной карте плавания Беринга 1729 г. — маршрут «Св. Гавриила» изображен неправильно. Берх оборвал путь судна западнее острова Беринга, не доведя его до острова. В действительности судно прошло севернее острова и дальше его. Это подтверждается и приведенными выше координатами, и четким указанием Чирикова на румб места, достигнутого в 12 часов дня 8 июня, — восток-юго-восток, $8^{\circ} 06'$ к востоку от устья реки Камчатки. Всего на восток прошли, по данным Беринга, около 200 верст.

Почти месячное плавание 1729 г. не представляет для

нас интереса. Оно отличалось многократными перемена-ми курса и галсов то из-за противных ветров, то из-за близости берегов, порой неожиданно открывавшихся сквозь туман. Создается даже впечатление, что Беринг, по каким-то причинам, не очень торопился. Может быть, он искал мифическую «Землю Езо» или «Землю де Гаммы», которые изображались тогда на некоторых картах.

1 июля обогнули южную оконечность Камчатки, а через два дня были в устье реки Большой. В Большерецке, как и в Нижнекамчатске, оставили часть пороха и гранат, до 800 пудов муки, круп, сушеного мяса и соли. Здесь уже находилась «Фортуна».

14 июля оба судна вышли в море и через 10 дней были в Охотске. Морские походы экспедиции закончились.

Из Охотска сразу же отправили в Якутск штурмана Энзеля с матросом и четырьмя солдатами, чтобы они подготовили суда для плавания вниз по Лене и выслали на Алдан навстречу экспедиции подводы.

Бот раснастили и вместе с оставшимся продовольствием (более 2600 пудов), парусами, такелажем и различными материалами передали охотским властям. Некоторые предметы, например, якоря, канаты, отдали мореходам Мошкову на «Фортуну» и Треске на старое судно. 29 июля на 78 лошадях отправились из Охотска и 8 августа были в Юдомском Кресте. По рекам Юдоме, Мае и Алдану до Якутска решили идти на лодках и плотях. Через два дня двинулись вниз по Юдоме. (В. Берх [73, с. 84] ошибочно считал, что Беринг «поехал сухим путем» в Якутск.) Беринг указывает в рапорте, что шли на четырех лодках, «а прочие служители плыли на плотях, которых не уместилось на лодках».

29 августа первая партия достигла Якутска. Дорогой произошел несчастный случай: плот, на котором находились тяжело больные геодезист Путилов и ученик Эндогуров, течением нанесло на остров и опрокинуло. С большим трудом спасли больных, которым не нашлось места в лодках. Затонуло много амуниции и других вещей.

В Якутске Беринг получил указы Адмиралтейств-коллегии об утверждении Петра Чаплина в звании мичмана «за ево в Сибирской экспедиции труды» до вакансии, о производстве Козлова в подмастерья и о повышении жалованья Эндогурову [49, л. 246, 247].

Эндогуров подал Берингу прошение оставить его до выздоровления в Якутске, выдать жалованье и определить для ухода за ним человека. Беринг согласился.

10 сентября, не дождавшись из Охотска людей (18 человек), которые пересекали Охотское море на старом судне, на двух дощаниках двинулись вверх по Лене. Плыли, за малым исключением, днем и ночью. Но уже начинались холода. 30 сентября по реке пошел лед, и всю ночь пробивались среди льдин. Наконец добрались до деревни Пеледуй и стали на квартиры в ожидании зимнего пути.

В октябре с большим опозданием к экспедиции присоединился последний член ее — ссыльный капитан-поручик Василий Казанцев.

23 октября, когда выпал снег и лед на Лене окреп, отправились по льду реки на лошадях дальше. 14 ноября прибыли в Илимск. На пути Беринг получил неприятный указ Адмиралтейств-коллегии о том, что она прекратила выплачивать деньги по аттестату его жене⁸⁰. Как мы помним, инструкция генерал-адмирала Апраксина обязывала Беринга рапортовать о делах экспедиции ежемесячно. Сначала он выдерживал сроки, но потом стал посылать рапорты все реже. Пересылать почту с Камчатки можно было только раз в год, когда старое судно совершало плавание в Охотск. Беринг отправлял известия еще реже. Так, о плавании 1728 г. он не послал в коллегию ни одного рапорта. Еще хуже обстояло дело с финансовой отчетностью. Возложив канцелярию, финансы и материальную часть на мичмана Чаплина, комиссара Дурасова и матроса Белого, начальник не слишком вникал в эти дела и, конечно, не посылал в столицу отчетов. Судя по тому, как долго потом пришлось разбираться в отчетности, она была изрядно запутана. А так как на экспедицию пошли огромные средства, коллегия, ничего не получая от Беринга в течение двух лет, проявляла крайнее беспокойство, результатом которого и явился упомянутый указ.

После смерти Екатерины I при дворе вступившего на престол Петра II преобладающее влияние получили более реакционные круги феодальной аристократии, популярность экспедиции, как и других петровских начинаний, стала падать, начали раздаваться голоса о бессмысленности дорогостоящей экспедиции. В этих условиях коллегия и прибегла к экономическим санкциям.

5 декабря люди по льду Ангары и Енисея добрались до Енисейска, а через 16 дней степью и на санях по Чулыму прибыли в Томск. Наконец 11 января 1730 г., пройдя Барабинской степью и рекой Иртышом, достигли Тобольска. Здесь всех сразу пригласили в таможную и, как сообщает Чаплин, — «весь наш скарб пересмотря, переписали и потом взяли пошлину». По его же словам, от Пеледуя до Тобольска «ямов» не имелось «и прогоны платили по деньге на версту на каждую подводу».

В Тобольске Беринг получил запоздалый указ коллегии от 27 ноября 1729 г., который обязывал его «Камчатский нос как внутри, так и берег с показанием городов и знатных мест и урочищ описать вновь и, учиня лант-карту, прислать в коллегияю как скоро возможно. Понеже, хотя в коллегии тому носу карта и есть, токмо в ней городов и знатных мест и урочищ не показано» [39, л. 282]. Этот документ свидетельствует о неосведомленности коллегии. Карту Камчатского полуострова экспедиция уже выполнила и включила в итоговую карту. Правда, она оказалась не такой подробной, как хотела коллегия. Однако реки, крупные гавани и некоторые населенные пункты на ней показаны. Эту карту привезли в Петербург сами члены экспедиции.

В столице Сибири оставили солдат, которые пять лет назад присоединились здесь к экспедиции. К великой чести сибирских воинов нужно сказать, что они наравне с матросами выполняли самые трудные работы, а подчас и важные поручения, проявили понимание своего долга и редкую выносливость.

24 января 1730 г. на 24 санях двинулись по той же дороге, что от Петербурга до Тобольска в 1725 г., 5 февраля были в Соликамске, а еще через 13 дней — в Вологде.

23 февраля Беринг с четырьмя членами экспедиции поехал вперед. Через несколько дней экспедиционный обоз миновал Старую Ладого и в восьмом часу утра воскресным днем 1 марта вступил в Петербург, где его ожидал начальник, прибывший туда 28 февраля.

Так закончилась пятилетняя героическая эпопея первой в истории России крупной морской научной экспедиции.

По прибытии в столицу Беринг подал в Адмиралтейств-коллегияю один за другим (10 и 12 марта 1730 г.) два последних итоговых рапорта [49, л. 98—100, 104].

В первом он обобщенно изложил ход экспедиции, несколько подробнее остановившись на главных событиях и персонально отметив матроса Ивана Белого. Во втором, перечислив дела и трудности экспедиции, представил участников ее к наградам. Этот документ является признанием выдающейся роли участников экспедиции, в том числе рядовых. В нем говорилось:

«Покорно доношу о бывших со мною в сибирской экспедиции обор и унтер офицеров и рядовых, что оныя, по моему признанию, за искусство от должности своей за предложенной их в показанной экспедиции, каковы мало случаются, тяжкой труд достойны награждения. А каковы присем сообщаю имянной реестр со означением каждого достоинства и вящей труд понесли в 725 году в пути, идучи реками вверх Обию, Кетью, Енисеем, Тунгуской, Илимом и в 726 году при строении на реке Лене судов при Ускуте, и в походе вверх же по реке Алдану, Мае и Юдоме и в том же 726-м году, и 727-м году при переправлении от Горбеи до моря на себе без лошадей ботовых припасов, канатов, якорей и артиллерийских и протчих вещей через немалое расстояние пустыми местами, где от многова труда и от оскудения провианта, ежели б паче чаемой божия помощи не улучили, живота все лишились, также и в переправлении от Якуцка к морю сухим путем провианта чрез грязныя и болотныя места и при строении судна при Оходском остроге... и в переправлении провианта и протчих вещей чрез Камчатцкую землю от Большерецкого устья до Нижнего Камчатцкого острога, также при строении бота на Камчатке и в 728 году в походе морем неизвестными местами, где особенности тамошних мест чрез тамошней воздух много трудностей присовокупили. И в таком трудном пути все служители за неимением морского провианта несполна получали и обор офицеры на порции ни денег за оную не получали. И в 729 году при возврате во обхождении морем около южного Камчатцкого угла и во всей экспедиции возымели немалой труд и во многое время нужду, что подробну изъяснить требует пространного описания. Но и вкратце предложа, с покорностию государственную Адмиралтейскую коллегияю прошу милостивым рассуждением не оставить:

капитан-лейтенант Мартын Шпанберх	} повышение ранга
лейтенант Алексей Чириков	
штюрман Рыкерт Энизель	

лекарь Буцковский — награждение жалованием
мичман Чаплин — в морские унтер-лейтенанты
подшхипер Иван Белый — в оклад подшхиперский
квартирмейстер Борисов — в шхиманы матросы 1 статьи

Дмитрий Казачинин }
Василий Феофанов } в боцманы
Григорий Ширяев }
Афанасий Осипов — в шхиманматы
Савелий Ганюков }
Елисей Селиванов } (неразборчиво)
Никита Ефимов }
Проконий Елфимов }
Никифор Лопухин }

Григорий Барбашевской }
Афанасий Красов } в квартирмейстеры
Алексей Козырев }

ботового дела подмастерье Федор Козлов — в повышение ранга
плотник-десятник Иван Вавилов — в плотничьи командиры
плотник Гаврила Митрофанов — в плотничьи десятники

Алексей Иванов }
Никифор Хлесков } в записные
конопатчик Василий Ганкин }
парусник Игнатий Петров } в записные
кузнец Евдоким Ермаков }
мачтмакорской ученик I класса Иван
Эндогуров — повышение ранга*.

Затем Беринг подал списки членов экспедиции и просил выдать подчиненным за все прошедшие годы обмундирование или деньги за него, «понеже во оной экспедиции жалование получали за вычетом на мундир»**.

* Публикуется впервые.

** К сожалению, мы не располагаем точными сведениями, удовлетворила ли коллегия все просьбы Беринга о награждении членов экспедиции и о выдаче им причитающегося.

Говоря о заслугах участников и награждении их, сам Беринг рассчитывал получить звание контр-адмирала. Однако ему был (в 1730 г.) присвоен чин капитан-командора*. Но так как он оказался в этом звании сверх штата, то оклад получал старый. Считая себя кровно обиженным, Беринг подал прошение о том, чтобы ему выдали подъемные деньги, жалование по новому званию и установили «старшинство ранга против его братья». В декабре 1731 г. Адмиралтейств-коллегия просила Сенат «понеже де Берингу в сибирской экспедиции была трудность и за такую дальнюю его экспедицию» заплатить ему в два раза больше, чем обычно. Просьба была выполнена: он получил 1000 рублей вместо 500 [15, ч. VII, с. 307—308]. Однако это не удовлетворило командора, и в начале 1733 г. он подал еще одно прошение, в котором, упомянув о своих материальных трудностях во время экспедиции и «великих долгах», о своей многолетней службе и о том, что снова на несколько лет уходит в экспедицию, просил произвести его в контр-адмиралы.

Коллегия, несмотря на сдержанную оценку заслуг Беринга, поддержала его просьбу и передала прошение на рассмотрение царицы. Последняя не сочла возможным произвести командора в контр-адмиралы, видимо, потому, что материальные затруднения и длительность службы не считались основанием для такого производства, а прежние заслуги и должность начальника предстоящей экспедиции также были признаны недостаточными для присвоения столь высокого звания. Но зато Берингу выплатили капитан-командорское жалование с момента присвоения этого звания, а с января 1733 г. стали выдавать двойной оклад, как и остальным членам Второй Камчатской экспедиции [15, ч. VII, с. 450—451].

Чириков и Шпанберг были повышены в звании. А в связи с отправлением во Вторую Камчатскую экспедицию Чирикова досрочно произвели в 1732 г. в капитаны 3 ранга и через год — в капитаны полковничьего ранга. Деятельность его снова получила высокую оценку. В журнале коллегии читаем: «Он, будучи во оной экспедиции... показывал себя тщательным и исправным, как надлежит искусному морскому офицеру». Коллегия при-

* Промежуточное звание между чином капитана I ранга и контр-адмирала.

знала его заслуги, постановив: «... Чирикова, паки во оную экспедицию отправить, утверждаясь на нем по искусству его... чего ради он в общий совет во всех отправлениях с капитан-командором Берингом сообщен» [15, ч. VII, с. 520—521].

И не случайно Вторую Камчатскую экспедицию часто называют экспедицией Беринга — Чирикова.

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Вопрос о научных результатах и значении экспедиции в литературе также недостаточно исследован.

При анализе научных итогов экспедиции необходимо исходить из того, была ли достигнута главная цель. Из всего изложенного явствует, что моряки не до конца решили свою основную задачу — не привезли неопровержимых доказательств существования пролива между Азией и Америкой. И хотя Беринг, опираясь на «исправленные» им показания чукчей, утверждал обратное, членам коллегии было ясно, что он нарушил инструкцию, не доказав наличие пролива между материками и оперирует сообщениями аборигенов, которые нужно было проверить на месте. Не могла помочь и упомянутая выше статья в «Санкт-Петербургских ведомостях», в которой сообщались баснословные сведения о прибытии с Лены на Камчатку судна 50—60 лет назад. Выше было упомянуто, что Беринг и в 1737 г. сомневался даже в том, что из Ленского устья плавали в Колымское, а о сообщении Миллера относительно плавания Дежнева вокруг Чукотки писал, что «не весьма известие обстоятельно». Наконец, если бы действительно Беринг слышал о таком плавании, он не умолчал бы о нем в своем итоговом рапорте⁸¹.

Нельзя согласиться с Грековым, который, допустив, что упомянутая газетная заметка не могла появиться без ведома какого-то правительственного учреждения, делает вывод, будто «мнение об открытии Берингом Северо-восточного прохода было вначале распространено в официальных кругах» [42, с. 39, 334] и только позже надписи на итоговой карте открыли всем глаза. Дело в том, что эта карта, представленная в коллегию одно-

временно с рапортом, была там тщательно изучена [49, л. 100] и члены Адмиралтейств-коллегии сразу не поверили Берингу. Вот как говорилось об этом чуть позже в одном из указов коллегии: «Что ж свыше той ширины 67° 18' от него Беринга на карте назначено от оного места между севера и запада до устья реки Колымы, то ее он положил по прежним картам и ведомостям и тако о несоединении материков заподлинно утвердился сумнительно и ненадежно» [78, л. 1059].

Еще более определенно та же мысль выражена в одном из указов Сената: «Император Петр Великий для курьозите посылал осведомиться от обоих берегов, сходятся ль берега американские с берегами Азии; но тогда оное в действо не произошло [не было осуществлено]» [79, с. 1004]. Не менее четко об этом говорит и 22-й пункт инструкции Второй Камчатской экспедиции: «*Может быть, что и от Ленского устья до Камчатки свободный морской ход есть, о котором поныне было неизвестно*» [27, л. 178]. Значит, даже в 1732 г. не знали о существовании пролива между материками⁸².

Можно ли было после этого утверждать, что Беринг «с документами в руках настойчиво доказывал ученому миру Европы правоту своих убеждений» [19, с. 54]? У Беринга были документы, подтверждающие отсутствие перешейка лишь между Чукоткой и Америкой, и только до 67° с. ш. В остальном же он опирался, повторяем, на подправленные им сообщения чукчей.

Помимо приведенных нами документальных данных, имеются и другие веские свидетельства того, что существование морского прохода между материками доказано не было, — факты и конкретные дела.

Таким свидетельством является, например, то, что в состав следующей экспедиции входил специальный отряд во главе с Дмитрием Лаптевым, который должен был обойти Чукотку от устья Колымы до Камчатки, чтобы, кроме прочего, решить наконец вопрос о проливе между материками. В указе Сената от 28 декабря 1732 г. одинаково вероятно признавалось наличие между Азией и Америкой и пролива и перешейка, и, между прочим, говорилось: «Ежели такого соединения американских земель *не найдут* [!], то отнюдь назад не возвращаться, но обходить угол и притти до Камчатки...»⁸³.

То же подтверждает И. К. Кирилов в своем проекте

1734 г., ставя среди задач Второй экспедиции на первое место задачу решения проблемы пролива. Он пишет: «Сие оправдание важной экспедиции, состоит в разных изысканиях: во-первых, *подлинно проведать, могут ли Северным морем проходить до Камчатского или Полуденного океана моря...*»⁸⁴. А ведь Кирилов — секретарь Сената и крупный ученый того времени, — по мнению даже самых ярых сторонников Беринга, был чуть ли не единственным доброжелателем командора.

В следующие два с половиной столетия существовали две точки зрения: одни ученые считали, что Беринг не доказал наличия пролива между материками, другие утверждали обратное. В наше время сторонниками первой точки зрения были такие ученые, как Л. С. Берг, А. И. Андреев, М. И. Белов, Д. М. Лебедев и др. Наиболее решительно выступал Андреев. Он заявил, что вопрос о проливе разрешен не был и «сами участники экспедиции, особенно Беринг, прекрасно понимали... что поставленную им задачу не выполнили» [80, с. 11—12]. Очень определенно высказался и Белов. Назвав поспешный уход Беринга из района исследования неблагоприятным поступком, он писал, что экспедиция, побывав в проливе и находясь близко к цели, «по вине Беринга и Шпанберга не в состоянии была даже подтвердить существование пролива...» [65, с. 256].

Правда, позже М. И. Белов заявил, что Беринг «сделал все, чтобы мир узнал правду — Азия и Америка не соединены между собой, проход с Камчатки в устье Лены вполне возможен» [19, 53].

Первой точки зрения придерживались американцы Долл и Голдер. Особенно интересны высказывания Долла. Он пишет, что Беринг «отправился домой, не разрешив поставленной перед ним задачи... он оставил свое дело настолько нерешенным, что оно являлось предметом споров на протяжении почти полувека. Даже такой авторитет, как Кемпбелл, который весьма дружелюбно относился к Берингу, с большой убежденностью утверждает, что его выводы о сепаратности материков являются ошибочными» [70, р. 163—164]. Однако оба американских ученых с легкой руки К. М. Бэра и А. П. Соколова ошибочно утверждали, что только Кук в 1778 г. установил наличие пролива и его ширину. Но всему миру известно, что Федоров и Гвоздев еще в 1732 г. открыли западную точку Америки в проливе, а четыре года

ми позже Миллер документально доказал, что Дежнев, выйдя из Колымы, морем обогнул Чукотку и тем самым установил существование северовосточного морского прохода. Эти открытия с тех пор отражались на многих русских картах.

Вторую точку зрения, родоначальником которой был Беринг, отстаивали в XIX в. В. Н. Берх, К. М. Бэр, а из иностранцев — П. Лауридсен.

Бэр видел причины недоверия современников к основному выводу Беринга в недружелюбном отношении членов Адмиралтейств-коллегии, в невыгодном для Беринга впечатлении, которое произвели карты казачьего полковника Шестакова (на картах изображена Большая Земля), в кознях француза И. Делиля, сидевшего в только что основанной Российской академии наук. В действительности причины недоверия к главному выводу Беринга крылись в самих результатах экспедиции.

Лауридсен, повторив версию Бэра о несправедливом отношении к Берингу, подчеркивал, что последний никогда не делал положительных заключений, если у него не было определенных знаний. Это, по-видимому, должно означать: коли моряк заявил, что он доказал раздельность материков, так этому нужно верить безоговорочно.

Среди советских географов и историков одним из первых принял эту точку зрения М. С. Боднарский. Но особенно ее отстаивал в свое время А. В. Ефимов. «Первой экспедицией, — писал он, — не только была доказана раздельность Азиатского и Американского континентов, но и... установлена близость (относительная, разумеется) Большой Земли, Америки» [29, с. 163]. Кажется, большего никто никогда не утверждал, включая самого Беринга. К чести ученого нужно сказать, что позже он пересмотрел свою позицию, заявив, что, так как экспедиция не достигла устья Колымы, вопрос о существовании перешейки между материками остался открытым [1, с. IX]. Правда, в последнем издании книги (1971 г.) Ефимов снова повторяет: «Вопрос о том, «сошлась» ли Америка с Азией, по существу уже был разрешен еще до начала второй экспедиции...» [5, с. 235].

Некоторые авторы уходят от решения данного вопроса. Так, Дивин, изложив противоположные взгляды разных ученых, умалчивает о своей точке зрения. Но вместе с тем делает неожиданный вывод: «Собранные экспедицией материалы показали, что ширина пролива

незначительна». Беринг же такие факты, как перелет птиц, вынесенные морем на берега Камчатки деревья, которые на ней не растут, считал доказательством близости Америки не к Чукотскому полуострову, а к Камчатке. Именно там он искал Американский континент в 1729 г. [25, с. 62]. А ведь Камчатка от Америки находится на огромном расстоянии.

Подводя итог, следует сказать, что, безусловно, правы сторонники первой точки зрения. Однако, несмотря на то, что Первая Камчатская экспедиция не полностью решила свою основную задачу, она проделала большую научную работу и имела огромное значение.

Экспедиция не доказала, что материка раздельны, но она установила, что Чукотка с востока омывается морем. Это было крупное открытие для того времени, так как чаще всего именно об этой земле думали, что она соединена с Америкой. И вскоре было доказано, что водное пространство, лежащее к востоку от Чукотского полуострова, представляет собой пролив между двумя континентами.

Исключительное значение имели картографические работы и астрономические наблюдения экспедиции, результатом которых явилась итоговая карта и таблица географических координат пунктов, лежавших на пути ее следования; кроме того, были определены расстояния между многими пунктами на суше. Карта и таблица представляют собой ценность потому, что выполнены в Восточной Сибири впервые⁸⁵.

Известно, что карты — один из главных итогов географических исследований — служат показателем изученности того или иного района и важным историческим источником.

Из документов экспедиции явствует, что за пять лет работы участники ее выполнили 4 карты. Одна была копией карты, находившейся в распоряжении экспедиции⁸⁶. Вторую копию, как указано выше, сделали весной 1726 г. для Саввы Владиславича Рагузинского. Данный факт свидетельствует о том, что у Беринга были такие уникальные карты, которых не имел даже глава дипломатической миссии.

Вторая карта также являлась копией с какой-то старой карты, полученной Берингом в Иркутске. Копировал ее житель Якутска Иван Львов⁸⁷. К сожалению, из документов не видно, о какой именно карте шла речь. Копий

с этой карты сделали не меньше двух, и одна попала в столицу уже в конце 1726 — начале 1727 г. под условным названием «Карта о России капитана Беринга» [28, с. 36—37]. Здесь ее рассматривали в Академии наук, как об этом свидетельствует протокол конференции Академии от 17 января 1727 г.

Третья карта передает путь экспедиции от Тобольска до Охотска. На ней показаны градусная сетка, реки, по которым двигались путешественники, а также основные притоки их и прилегающие горы. Составителем этой карты принято считать Петра Чаплина. В пользу такой традиции не приводится никаких доказательств, кроме того, что на карте есть его подпись. Но он был лучшим рисовальщиком в экспедиции, и подпись его свидетельствует лишь о том, что он рисовал данный экземпляр и отвечал за точность копии. Подписи же действительных составителей были на подлинниках, которые бесследно исчезли. Однако Чаплин не мог быть составителем данной карты, ибо в инструкции, полученной им, когда его из Тобольска послали впереди экспедиции, не упоминалось о ведении съемок или журналов, как делалось в аналогичных случаях, и он не получил необходимых инструментов. О том, что карту пути от Тобольска до Охотска составил Чириков, свидетельствует следующая деталь: Чаплин в журнале неоднократно называет один из притоков Алдана «Амга», а Чириков именуется его в своем журнале «Мга» и точно так же эта река названа на карте [58, л. 55, 73]. Косвенным подтверждением нашего вывода является тот факт, что Беринг и Чаплин за 9 месяцев пребывания в Охотске, несколько раз отправляя в коллегию рапорты, не посылали карту пути. Стоило приехать в Охотск Чирикову, как вскоре такую карту отправили в столицу⁸⁸.

Экземпляр этой карты в конце 1728 г. попал к президенту Академии наук Блюментросту, передавшему ее на отзыв Делилю [52, с. 131—132]. А. И. Андреев ошибается, считая, что Делиль анализировал журналы экспедиции и что в одном из писем имел в виду карту «плавания Беринга», а не пути от Тобольска до Охотска.

Наконец, четвертую, итоговую, карту доставили в Петербург сами члены экспедиции⁸⁹. Подлинный вариант карты позже отправили в Сенат, а в коллегии осталась

копия, которую специально сделали для этого, а также копии журнала и других документов. Подлинный журнал Беринг сдал в Сенат [39, л. 285; 78, л. 1054]⁹⁰.

Таким образом, все подлинные документы экспедиции были отправлены в Москву и, к сожалению, большинство их до сих пор не найдено. Копии же, оставленные в Адмиралтейств-коллегии, и подлинный журнал Чирикова ныне находятся в ЦГАВМФ⁹¹.

Обращаясь к вопросу о копиях итоговой карты, можно сказать, что некоторые из них выполнил Петр Чаплин. Кстати, на копиях, хранящихся в ЦГАВМФ, ЦГВИА и ЦГАДА, имеется надпись: «Сия карта сочинена в Сибирской экспедиции при команде от флота капитана Беринга от Тобольска до Чукотского угла», а на других: «Рисовал мичман Петр Чаплин» (не составил или сочинил, а рисовал). Ясно, что такой технической работой не утруждали лейтенанта Чирикова.

Чириков был помощником начальника экспедиции, но, по мнению Лебедева, он был больше, чем официальный руководитель [18, с. 95]⁹². Правильнее сказать, что превосходство Чирикова состояло в том, что он был ученым, и его роль в научных работах экспедиции трудно переоценить. Что касается проведения экспедиции в целом, то заслуги Витуса Беринга, несмотря на ошибки и промахи, были, конечно, значительно больше — он был ответственным за все и за всех.

В течение нескольких лет Чириков преподавал в самом высшем учебном заведении во флоте — в Морской академии — и подготовил много офицеров. Его деятельность на научно-педагогическом поприще получила высокую оценку⁹³.

Экспедиция не была бы научной, не будь в ней ученых. Но где их можно было найти? Ведь только что основанная Академия наук к моменту снаряжения экспедиции фактически еще не начала научную деятельность. Пришлось обратить взор на Морскую академию. Молодой и способный лейтенант Чириков приносил Академии огромную пользу, и трудно было найти ему замену. И все же его послали в Камчатскую экспедицию. Это был в высшей степени удачный выбор. Чириков резко отличался от иностранных ученых на русской службе, которым нередко было чуждо все русское. Он сочетал в себе достоинства смелого моряка, страстного исследователя и горячего патриота⁹⁴.

Советские историки, высоко оценивая деятельность Чирикова в Первой Камчатской экспедиции вообще, умалчивают о его картографических работах в частности и тем самым принижают его роль в экспедиции. В связи с этим отметим, что роль Чаплина в картографических работах экспедиции нередко преувеличивается. Вот что писал, например, Андреев: «Мичман экспедиции Петр Чаплин не только вел судовую журнал бота «Гавриил» и составил отчет экспедиции [?], но и сочинил [?] карту всего пути экспедиции из Петербурга до Берингова пролива» [80, с. 40]⁹⁵. Даже Греков, который картографическим работам экспедиции уделяет больше внимания, чем другие авторы, безоговорочно приписывает составление двух самых важных карт экспедиции (1727 г. и итоговую 1729 г.) Чаплину и не упоминает Чирикова в этой связи [42, с. 41]. Чаплину приписывают создание итоговой карты и Ефимов [1, № 63, 64, 66, 67]. Ту же ошибку допустили авторы пятитомного труда по истории Сибири [22, с. 344]. Но Чаплин был принят в экспедицию гардемаринном и только под руководством Чирикова, с которым его связывали взаимная симпатия и дружба, он стал к концу экспедиции достаточно опытным моряком⁹⁶.

Как ни странно, даже Дивин в специальной главе [61], посвященной научным заслугам Чирикова, ничего не сказал о роли его в Первой Камчатской экспедиции, а позже [25, с. 66] создание всех карт экспедиции приписал Чаплину.

А ведь Чириков, как отметил М. И. Белов, был самым деятельным и знающим человеком в экспедиции, отличался скромностью, огромной работоспособностью и проявил себя отличным организатором и крупным ученым [65, с. 252, 253]. Он не только сам непосредственно участвовал в составлении всех карт, но и руководил этой работой. На это указывает и его последующая деятельность в Морской академии, где под его руководством были созданы замечательные карты.

В журнале Чирикова можно найти подтверждение того, что научные наблюдения проводил именно он. Лейтенант вел повествование от лица участников экспедиции, употреблял глаголы во множественном числе («усмотрели», «положили»). Только однажды (14 августа 1728 г.) он, так сказать, «проговорился», записав: «И для того *положил* в счисление настоящих суток

8³/₄ мили». Чаплин, перенося эту запись в общий журнал, пишет уже по-другому: «И для того *положили...*»

Как указывалось выше, вахтенный журнал, ведение которого приписывалось Чаплину, на самом деле вели Чириков и Чаплин. Причем записи Чирикова в ряде случаев более обстоятельны. Так, Чаплин с 30 июля по 12 августа почти не отмечал расстояние до береговых пунктов, тогда как Чириков делал это всегда, когда был виден берег. Принято думать, что Чириков вел свой журнал в течение небольшого периода. В действительности же журнал содержит записи, сделанные с 23 апреля 1725 г. до 28 февраля 1730 г. Его журнал не простое повторение судового журнала, в нем есть и дополнительные сведения. Журнал Чирикова после того, как его рассмотрела Адмиралтейств-коллегия, был переслан в Сенат, а затем для хранения возвращен в коллегию⁹⁷.

В сводке копий итоговой карты, составленной Л. С. Багровым, числится 15 карт. Все они хранятся в архивах, библиотеках и музеях различных стран (10 карт находятся за границей: пять — в Швеции, три — во Франции, одна — в Дании и одна — в Англии). Все копии сходны между собой в основных чертах и отличаются в деталях, передающих дополнительные сведения по этнографии, размещению лесов и гор и т. д.

Территории, которые экспедиция не проходила сама, на итоговую карту были перенесены с ранее существовавших карт, в частности, как об этом гласят надписи на экземплярах итоговой карты, хранящихся в библиотеке Академии наук СССР и Архиве древних актов, с карт геодезистов П. Скобельцына, участника данной экспедиции Г. Путилова, П. Чичагова, Шатилова и др.

Составление оригинала итоговой карты относится к концу 1728 г. — первой половине 1729 г.⁹⁸ Копии этой карты сделали скорее всего в 1730 г., не позже. Правда, на копии, хранящейся в Британском музее, значится 1729 г., но это может быть и год создания оригинала.

Итоговая карта принципиально отличалась от всех карт востока страны XVII — начала XVIII в. Старые карты, а точнее, чертежи без градусной сетки, не могли дать представления об очертаниях страны; вид материков на них порой приравнивался к форме листа бумаги. Все старые чертежи неправильно изображали Сибирь, резко сокращали ее протяженность с востока на запад. Так, на сравнительно правильных в этом отноше-

ний картах А. Виниуса (1678—1683 гг.) и Ф. Страленберга (1730 г.) Сибирь, от устья Оби до мыса Дежнева, простиралась на 95° вместо 117°; на карте Евреинова и Лужина протяженность Сибири меньше вдвое, а на карте Избранда Идеса (1704 г.) даже более чем в два раза, всего 57° [42, с. 42].

Только использование инструментов, наблюдение лунных затмений, систематическое определение географических координат, строгий учет расстояний позволили впервые правильно выдержать соотношение, так сказать, длины и ширины Сибири. Кроме того, члены экспедиции, в отличие от многих прежних картографов, сами прошли всю страну (от Петербурга), преодолев в общей сложности расстояние более 160°, т. е. без малого половину земной окружности. Изображение Сибири на новой карте было настолько необычным, что, например, Делиль, высказавшийся за доверие к карте в целом, воздержался от определенного суждения о протяженности Сибири.

И все же главное значение итоговой карты экспедиции заключается не в том, что на ней впервые правильно показано простиранье Сибири (это сделано было попутно).

В нашей литературе подчеркивается, что на карте экспедиции «довольно точно очерчены северо-восточные берега Азии» [42, с. 41]. Но береговая линия Камчатки, а особенно Анадырского залива и Чукотки изображалась раньше неправильно. Ведь до Первой Камчатской экспедиции из специалистов на Дальнем Востоке побывали только геодезисты Евреинов и Лужин. Но из интересующих нас земель они посетили лишь Камчатку, и карта их содержала серьезные ошибки.

Оценивая итоговую карту экспедиции, следует в первую очередь подчеркнуть, что она не просто относительно правильна, а неизмеримо более точна, чем все прежние карты. Карта экспедиции долгое время была единственной достоверной картой этого района, с нее начинается новый этап в развитии картографирования Сибири.

Главный вклад экспедиции в мировую картографию как раз и состоит в том, что она с максимальной точностью, возможной в те времена, нанесла очертания берегов от южной оконечности Камчатки до северо-восточной оконечности Азии, открыв два прилегающих к Чукотке острова. Из всего, что экспедиции удалось осу-

шествовать, это было, пожалуй, самым ценным. Именно морские съемки являлись той частью работы, которую могла выполнить только подобная морская экспедиция.

Итоговая карта со значительной точностью передавала изгибы береговой линии, особенно там, где судно приближалось к берегу. Ее высоко оценивали плававшие здесь позже. Например, Джеймс Кук писал: «Отдавая должное памяти В. Беринга, я могу сказать, что он очень хорошо нанес на карту берега, определив координаты с точностью, которую при его возможностях трудно было бы ожидать» [85].

Карта экспедиции имела ряд естественных для того времени неточностей. Например, Камчатский полуостров на ней выглядит коротким: самое узкое место на перешейке лишь в 1,6 раза меньше самой широкой части, тогда как эта разница является четырехкратной. Такое несоответствие появилось, потому что неправильно был изображен северо-западный берег полуострова, к которому экспедиция не приближалась. Восточный берег Камчатки менее изрезан, чем в действительности. Остров Карагинский длинной осью ориентирован меридионально, тогда как на самом деле он тянется с юго-запада на северо-восток. Река Анадырь смещена более чем на 2° к югу и впадает в море около мыса Наварин, очертания которого переданы также неверно. Мало вдающимся в сушу показан Анадырский залив. Остров Святого Лаврентия слишком мал и неправильно ориентирован. Эта ошибка, по-видимому, возникла потому, что западный берег, у которого экспедиция только и была, приняли за длинную сторону острова. Южная оконечность Чукотки простирается к югу меньше, чем в действительности. Неправильно изображена восточная часть Чукотского полуострова. Разность между широтами самой южной и северо-восточной точек полуострова превышает 2°40', тогда как на современной карте она менее 2°. При этом если в действительности северо-восточный угол Чукотки лишь на 8' поднимается севернее 66°, то на карте экспедиции он смещен к северу на целый градус⁹⁹.

Некоторые авторы утверждают [60, с. 293], что экспедиция составила карту Чукотки, «основанную не на рассказах и вымыслах, а на действительных данных». Однако так были нанесены только южные и восточные берега полуострова, а северное побережье Чукотки и Восточ-

ной Сибири скопированы с прежних карт вместе с обычными для них погрешностями.

В нашей стране имеется семь копий итоговой карты экспедиции, а не пять, как думал Л. С. Багров: 1) в ЦГАДА [86, № 7]; 2) в Центральном государственном военно-историческом архиве, (ЦГВИА, выполненная Ханьковым); 3) в рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР [1, № 63] (такая же карта); 4) в ЦГВИА [1, № 64] (выполненная П. Чаплиным); 5) в ЦГАВМФ [67, № 61; 1, № 65]; 6) в Государственном историческом музее [1, № 66] и 7) в ЦГВИА [1, № 67] (снятая Х. Пурпуром, с надписями на немецком языке). Значит, всего известно не 15, как считал Багров, а 17 копий.

Копии итоговой карты экспедиции, находящиеся в нашей стране, незначительно отличаются друг от друга. Так, на копии, хранящейся в ЦГАВМФ, восточные берега лишь на отдельных участках показаны гористыми, тогда как на карте, принадлежащей Библиотеке Академии наук, горная цепь тянется вдоль всего берега. Почти все мысы на первой карте острые, на второй — округлые. На карте, принадлежащей ЦГАДА, по восточному побережью, от Нижнекамчатка до северо-восточной части Чукотки, нанесена надпись: «Высокие каменные горы и в лето из под снегов не открываются и во многих местах прилегли к морю подобно стеною кругостию и немалою высотой». Вдоль большей части этих берегов глубины колеблются в пределах от 10 до 30 саженей. Те же данные и, кроме них, показатели склонения компаса в нескольких пунктах мы встречаем на экземпляре итоговой карты, находящемся в Библиотеке Академии наук СССР. Река Анадырь на второй карте изображена в виде почти замкнутой петли, на первой — напоминает прямую линию. На некоторых копиях, хранящихся в нашей стране, и на заграничных экземплярах нарисованы фигурки камчадалов, каряков, курил и чукчей. Отдельные рисунки сделаны опытным художником и вместе с тем нереально передают национальные черты людей и одежды жителей Сибири. Можно сказать, что авторами большинства их были не участники экспедиции. Кроме того, расположены рисунки на карте условно и в ряде случаев не соответствуют районам действительного обитания тех или иных жителей.

Поэтому нельзя согласиться с Л. С. Бергом,

В. И. Грековым и другими учеными, приписывающими итоговой карте экспедиции большое этнографическое значение. Искать подтверждение такого значения итоговой карты в надписи на обороте экземпляра ЦГАДА («Карта, означающая кочевье остяков, тунгусов, якутов и прочих народов»), как делает В. И. Греков, на наш взгляд, было бы неправильно, так как содержание надписи свидетельствует скорее всего о том, что она появилась позже и сделана человеком, который не понимал истинного значения карты и озаглавил ее по первому попавшемуся на глаза признаку.

Убедительно подтверждает сказанное один из документов Сената 1732 г.: «Надлежит быть obserвациям... и при том описанию верному о тамошних народах, обычаях... чего поныне, как от него, Беринга, в первой ево экспедиции, так и до него ни от кого не учинено...» [27, л. 98].

Замечательная итоговая карта Первой Камчатской экспедиции сразу же начала завоевывать признание в русской и мировой картографии. Итоговая карта экспедиции в течение столетия была почти единственным пособием для ученых и мореплавателей всех стран и вошла в такие всемирно известные справочники, как собрание карт Д. Харриса, изданное в Лондоне в 1764 г. При этом она не просто оказала влияние на европейскую картографию, а стала прочной основой изображения северо-востока Азии на всех более или менее достоверных западноевропейских картах.

Первым в России использовал итоговую карту И. Делиль, он положил ее в основу изображения северо-восточной Азии на своих картах 1731 и 1733 гг.¹⁰⁰ К 1733 г. относится и первый оттиск карты Кирилова, на которой полностью использованы данные итоговой карты экспедиции. А через год эта карта появилась в атласе Кирилова под названием «Генеральной карты России». В 1745 г. была включена в изданный Академией наук «Атлас Российский». В следующем году данные экспедиции использовал А. И. Чириков при создании так называемых карт Морской академии [1, № 93, 109—111, 117]. В 1754—1758 гг. Академия наук издала упоминавшуюся выше карту Миллера, в основу которой также были положены данные итоговой карты Первой Камчатской экспедиции.

За границей итоговая карта экспедиции впервые, как

упомянуто выше, опубликована в Париже в 1735 г. французским иезуитом Жаном Баптистом Дюгальдом, затем д'Анвиллем. В 1736 г. ее издали в Лондоне в английском переводе книги Дюгальда. А в 1737 г. ее снова издает д'Анвилль. Карта эта была составлена в 1732 г. по копии, которую секретно переслал из Петербурга в Париж Делиль [87, с. 247—249].

М. И. Белов документально доказал, что итоговая карта Первой Камчатской экспедиции, объявленная правительством секретной, Берингом была тайно передана голландскому послу в Петербурге¹⁰¹.

В 1743 г. данные итоговой карты нашли отражение на карте И. Газиуса [42, с. 37]. В 1750 и 1752 гг. ими опять воспользовался И. Делиль [29, с. 203], а в 1753 г. — д'Анвилль [89, с. 23].

В 1754—1758 гг. составленная Миллером карта должна была опровергнуть фальсификации Делиля (1752 г.). По мнению В. Ф. Гнучевой, автором ее был Иван Трускотт. А. И. Андреев полагал, что ее составил сам Миллер. Миллер же писал, что она «сочинена по имеющимся при мне известиям и под моим надзиранием» [90, с. 151]. Северо-восточная Азия на карте изображена с учетом всех данных, полученных Первой Камчатской экспедицией, а некоторые части, например, основание Камчатского полуострова, передаются точнее, чем на картах Морской академии 1746 г. Показаны, хотя и весьма условно, пути Дежнева (1648 г.) и «Св. Гавриила» (1728 г.), чего нет на генеральных картах Морской академии; относительно правильно изображен север Сибири и т. д. Одним словом, на карте Миллера 1758 г., предназначенной для открытого издания, было много данных, которые до того времени считались секретными.

Мы полагаем, что карта 1758 г. еще не получила должной оценки. У Миллера не было своего собственного оригинального материала. Но его карта тем не менее занимает важное место в мировой науке, потому что она впервые подытожила географические открытия и исследование русских мореплавателей, сделав их достоянием всего мира. Вагнер, например, рассматривает ее как первую карту, на которой показаны открытия Второй Камчатской экспедиции и путь ее кораблей через Тихий океан [91, р. 337].

Таким образом, данные, собранные Первой Камчатской экспедицией, с 30-х годов XVIII в. вошли в золотой

фонд русской и мировой картографии. Нельзя согласиться с мнением Л. С. Багрова, который считает, что работы Беринга мало использованы за границей. Правда, время от времени появлялись карты, на которых не учитывались новейшие достижения науки. И, как ни печально, фальшивый тон порой задавали русские издания. Именно таким анахронизмом выглядит изображение северо-востока Азии на карте из «Атласа, сочиненного к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг», который был издан в Санкт-Петербурге в 1737 г. На одной из карт атласа [29, с. 120] неправильно изображены Чукотка и Камчатка. Мыс Лопатка опущен почти до 40° с. ш., а северо-восточный угол Чукотки не доходит и до 56° с. ш. Еще более неправдоподобное изображение северо-востока Азии мы находим в том же атласе на карте восточного полушария [29, с. 122]. Здесь мыс Лопатка доходит почти до 30° с. ш. и имеются лишь намеки на Чукотку. Поэтому как горькая ирония воспринимается замечание А. В. Ефимова, что на этой карте уже дается «некоторое представление о Чукотском полуострове».

Далеки от истины в изображении Камчатки, приандырских земель и Чукотки карты Скобельцына, Свистунова, Баскакова и Шатилова 1742 г.; карта Линденау того же года, чертеж Перевалова 1744 г., карты Шехонского 1749 г., Пленстнера второй половины XVIII в. и Дауркина 1765 и 1771 гг. [1, № 77, 122—126, 128, 130]. На этих картах и чертежах не использованы данные Первой Камчатской экспедиции и изображены указанные земли в старой, народной традиции в картографии.

Видимо, последние отзвуки ошибок картографов в России встречаются на карте, изданной в Петербурге в 1773 г. На ней самое узкое место Берингова пролива насчитывает двадцать градусов [31, р. 148]. Именно из этого факта Голдер, предав забвению экспедицию Федорова — Гвоздева, и сделал свой вывод, будто вплоть до плавания Кука мир не знал, насколько близко друг к другу находятся континенты.

На картах Doppельмайера (1733 г.) [1, № 75] и Сеутера (1739 г.) [89, с. 20] нет даже намека на знакомство с итоговой картой экспедиции.

Недооценка работ Первой Камчатской экспедиции в наше время С. Е. Фелем [92, с. 160] удивительна и непонятна. Он не только не удостоивает внимания карты

экспедиции, но сбрасывает со счетов и все астрономические определения пунктов в Сибири (а их в документах экспедиции 28). Говоря о картах Кирилова, он не упоминает о том, что и правильную протяженность Сибири и особенно изображение береговой линии от мыса Лопатка до северо-восточной оконечности Чукотки Кирилов мог взять только с карт Первой Камчатской экспедиции.

Помимо карты, экспедиция, как известно, составила таблицу координат.

Интерес представляют географические наблюдения и записи, сделанные членами экспедиции. Яркие и точные описания рек, берегов, рыбных и лесных богатств мы находим в журнале А. И. Чирикова. Пытливый ученый зафиксировал много сведений о выветривании горных пород, вулканической деятельности, лунных затмениях, различных метеорологических явлениях; на основе рассказов местных жителей он описал эпидемические заболевания, землетрясения и т. д. Его журнал содержит богатейший материал — наблюдения во время плаваний за склонением компаса, глубинами, течениями, морской фауной, рельефом берегов, состоянием погоды и т. д.

В журналах и особенно в многочисленных документах переписки экспедиции немало записей об административной организации обширных сибирских земель и их экономике, очень слабом еще развитии производительных сил, ужасающем бездорожье, угнетенном состоянии местных жителей, о произволе и злоупотреблениях на местах и о многом, многом другом. Имелись, конечно, и этнографические наблюдения, хотя ценность их часто преувеличивается.

Результатом знакомства с восточными землями явились предложения о дальнейшем их освоении.

Чтобы отчитаться перед Сенатом, Беринг в конце марта отправился в Москву. Вместе с ним поехали мичман Чаплин, комиссар Дурасов и другие участники экспедиции. Чирикова в марте 1730 г. отпустили «для исправления нужд в доме его февраля по 1 число 1731 года» [93, л. 95].

В Москве Беринг должен был сдать денежные и прочие документы. Но, как видно, его не сразу приняли в Сенате: Москва в то время была занята другими, важными государственными делами: на русский престол только что воссела новая царица, ставшая самодержавной правительницей. Лишь в августе Беринг был пригла-

шен в Сенат и смог передать все документы [27, л. 4]. Вскоре, по требованию Сената, он написал для царицы упоминавшуюся выше «Краткую реляцию...» — свяжно изложенный отчет о работе экспедиции. Далее нужно было запастись терпением, так как рассматривались дела в Москве очень медленно. В конце года Беринг, получив повеление подать «известие, что в Сибири, в Восточном краю признается к пользе государству»¹⁰², срочно принялся сочинять его.

Пятнадцать его предложений охватывали довольно широкий круг вопросов¹⁰³. Все они посвящены, так сказать, сугубо земным делам — благоустройству края, освоению Камчатки, развитию промышленности, сельского хозяйства, мореплавания и торговли, увеличению государственных доходов и повышению культуры местного населения. Можно полагать, что практический характер предложений Берингу подсказал обер-секретарь Сената Кирилов, который был в курсе всех событий и как раз в это время сам разрабатывал проект упорядочения управления Восточным краем и освоения его.

Беринг ставит вопрос о насаждении среди якутов христианства и распространении грамотности. Рекомендует развивать некоторые виды промышленности, в частности выплавлять железо из руды, имеющейся на Ангаре, около Якутска и в других местах, дабы не возить металл из Тобольска. Предлагает изготавливать смолу на Камчатке и начать там судостроение. Советует ввести обучение мореходному делу казацких детей, чтобы не посылать туда моряков из столицы. Считает необходимым поселить на Камчатке больше ремесленников. Беринг ратует также за развитие на востоке сельского хозяйства: предлагает поселить в Охотске и на Камчатке по несколько якутских семей, которые бы разводили крупный рогатый скот и лошадей (в тех местах в достатке хорошие травы), сеяли злаковые культуры и выращивали овощи.

Беринг пишет о безжалостной эксплуатации местного населения сборщиками ясака и предлагает посылать на Камчатку одного управителя на несколько лет, и такого, который заботился бы о народах, правил бы суд и не давал их в обиду. Жалованье рекомендует выдавать всем служилым, это, по его мнению, могло бы увеличить доходы государства по крайней мере вдвое.

Для умножения государственных доходов, Беринг считал необходимым уничтожить винные откупы, которые лишь баснословно обогащают купцов и разоряют местное население, и передать торговлю вином в руки государства. Для развития торговли на Камчатке рекомендовал установить твердую плату за провоз по Охотскому морю купеческой клади.

Предлагал разрешить коренному населению в зачет ясака сдавать китовый ус. Считал, что на Олюторской губе следует восстановить острог для защиты коряков и юкагиров от чукчей.

В 1729 г., когда «Фортуна» шла вокруг Камчатки в Охотск, с корабля видели на берегу нескольких японцев. Беринг тогда же приказал тамошнему управителю найти японцев, снарядить специальное судно и отправить их на родину, чтобы, пользуясь этим случаем, завязать торговые отношения с Японией.

В дальних плаваниях советовал использовать вместо обычных продуктов оленье мясо, рыбий жир и вино из сладкой травы. В одном из предложений Беринг решительно рекомендует «приказать накрепко» камчадалам отступить от своих «бесчеловечных» обычаев и обучать грамоте их детей, во всяком случае детей местной знати.

Предложения капитана не удовлетворили Сенат, так как в них ничего не говорилось о дальнейших исследованиях. От Беринга потребовали дополнительных сообщений об изучении восточных земель и Тихого океана.

Беринг составил еще 5 предложений [27, л. 83—84]. Исходя из того, что якобы «далее оста то море волнами ниже подымается» и что к Карагинскому острову прибило сосновые деревья, которые не растут на Камчатке, Беринг заявил, что Америку от Камчатки отделяет не более 150—200 миль. Приняв свое предположение за нечто достоверное, он предложил «установить торги с тамошними обретающимися землями», для чего нужно только построить судно. Строить выгоднее всего на Камчатке — там больше леса и он лучше по качеству, проще добывать пропитание, можно получить больше, чем в Охотске, помощи от местных жителей, легче выводить судно через устье реки. Беринг советует исследовать «водяной проход до устья реки Амура и далее, до Японских островов», чтобы завести торговлю с Японией. В последнем пункте он рекомендует обследовать север-

ные берега Сибири от Оби до Лены на ботах или сухим путем.

С точки зрения истории географических знаний больший интерес, естественно, представляют дополнительные предложения. Правда, иногда значение их преувеличивалось. В частности, А. В. Ефимов считал, что экспедиция по дереву, выловленному у Карагинского острова, установила близость Америки [5, с. 215—216]. Если Беринг высказал о близости Америки предположение, допуская, что там могут находиться «иные, между оной лежащая земли», и при этом осторожно заявил: «И буде подлинно так, то можно будет установить торги...», то А. В. Ефимов утверждал, что близость Америки экспедицией установлена.

Некоторые историки считают, что предложения Беринга заключали в себе чуть ли ни весь план Второй Камчатской и Великой северной экспедиций и что именно Беринг определил их задачи. Так, А. И. Андреев говорит о «грандиозных задачах, которые поставил Беринг» [17, с. 13]. А. Б. Островский [82, с. 106, 114, 117] объявил Беринга инициатором Великой северной экспедиции. На самом деле план исследования Северного морского пути, а также продолжения этого пути через Тихий океан разработан в начале XVIII в. Салтыковым. Кроме того, фактически выполненная Второй Камчатской экспедицией программа исследований была значительно шире, чем у Беринга.

Иногда утверждают, что в Москве Беринг развил энергичную деятельность, чтобы доказать необходимость различных мероприятий по благоустройству восточных земель¹⁰⁴. В действительности миссия Беринга состояла в том, чтобы подать предложения и ждать.

Только 31 декабря 1730 г. Сенат вынес определение: камер-коллегии в течение одного месяца произвести расчет с Берингом. Однако и по истечении целого года расчет не был закончен¹⁰⁵. Все это время ему выдавалось лишь половинное жалованье, от чего он, по его словам, терпел «напрасную обиду и принимал великую нужду». Беринг также указывал, что он и его спутники в Москве «живут праздно и к службе е. и. в. от них никакой услуги нет» [95, л. 8]. В ходатайстве, поданном в Сенат, Беринг просил отпустить его в Петербург, тем более, что приход и расход во время экспедиции вели его помощники, а они де останутся для завершения от-

чета в Москве. 26 декабря 1731 г. Сенат постановил удовлетворить просьбу Беринга.

Что проект моряка был рассмотрен не сразу, подтверждает И. К. Кирилов: «Капитан Беринг, хотя имел свои предложения, но токмо по прошлой 732 год были без действия» [29, с. 290]. Лишь в марте 1732 г. кабинет приказал Сенату рассмотреть предложения, а 17 апреля того же года царица подписала указ о Второй Камчатской экспедиции. Пока предложения Беринга лежали без движения, в высших инстанциях рассматривался упомянутый проект И. К. Кирилова, поданный в Сенат 27 февраля 1731 г. и вскоре утвержденный.

Значение Первой Камчатской экспедиции заключалось и в том, что она, показав колоссальные трудности транспортировки грузов из европейской части страны в Охотск и на Камчатку, способствовала появлению первых в России проектов кругосветного плавания. Вопрос о перевозке грузов особенно остро интересовал тогда в связи с предстоящей Второй Камчатской экспедицией. Вскоре после опубликования указа об экспедиции в Сенат вызвали членов Адмиралтейств-коллегии и они «представили, что можно отправить на Камчатку из Санкт-Петербурга корабли, которые де могут там, о чем намерение есть, исправить [исполнить] и к тому морские офицеры практику иметь» [97, л. 74]. В коллегию направили из Сената все документы Первой экспедиции с приказанием обстоятельнее изложить мнение свое о транспортировке и представить его в Сенат. Именно в порядке реализации этого приказа и появились первые в России проекты кругосветных плаваний. Один из них принадлежал президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу Н. Ф. Головину [98, л. 1—8]¹⁰⁶, второй члену коллегии вице-адмиралу Т. Сандерсу [99, л. 132—138]¹⁰⁷. Оба проекта сходны и отличаются лишь в частности. К сожалению, они не были тогда осуществлены. Первое кругосветное плавание русские моряки совершили лишь 71 год спустя по проекту, разработанному И. Ф. Крузенштерном в 1799 г. [26].

Выявившиеся во время Первой Камчатской экспедиции трудности перевозки грузов натолкнули также на мысль о том, что необходимо искать более удобные пути к Охотскому морю по суше, минуя Якутск и Охотск. Ответствующие указания были записаны в инструкциях,

ные берега Сибири от Оби до Лены на ботах или сухим путем.

С точки зрения истории географических знаний больший интерес, естественно, представляют дополнительные предложения. Правда, иногда значение их преувеличивалось. В частности, А. В. Ефимов считал, что экспедиция по дереву, выловленному у Карагинского острова, установила близость Америки [5, с. 215—216]. Если Беринг высказал о близости Америки предположение, допуская, что там могут находиться «иные, между оной лежащая земли», и при этом осторожно заявил: «И буде подлинно так, то можно будет установить торги...», то А. В. Ефимов утверждал, что близость Америки экспедицией установлена.

Некоторые историки считают, что предложения Беринга заключали в себе чуть ли ни весь план Второй Камчатской и Великой северной экспедиций и что именно Беринг определил их задачи. Так, А. И. Андреев говорит о «грандиозных задачах, которые поставил Беринг» [17, с. 13]. А. Б. Островский [82, с. 106, 114, 117] объявил Беринга инициатором Великой северной экспедиции. На самом деле план исследования Северного морского пути, а также продолжения этого пути через Тихий океан разработан в начале XVIII в. Салтыковым. Кроме того, фактически выполненная Второй Камчатской экспедицией программа исследований была значительно шире, чем у Беринга.

Иногда утверждают, что в Москве Беринг развил энергичную деятельность, чтобы доказать необходимость различных мероприятий по благоустройству восточных земель¹⁰⁴. В действительности миссия Беринга состояла в том, чтобы подать предложения и ждать.

Только 31 декабря 1730 г. Сенат вынес определение: камер-коллегии в течение одного месяца произвести расчет с Берингом. Однако и по истечении целого года расчет не был закончен¹⁰⁵. Все это время ему выдавалось лишь половинное жалованье, от чего он, по его словам, терпел «напрасную обиду и принимал великую нужду». Беринг также указывал, что он и его спутники в Москве «живут праздно и к службе е. и. в. от них никакой услуги нет» [95, л. 8]. В ходатайстве, поданном в Сенат, Беринг просил отпустить его в Петербург, тем более, что приход и расход во время экспедиции вели его помощники, а они де останутся для завершения от-

чета в Москве. 26 декабря 1731 г. Сенат постановил удовлетворить просьбу Беринга.

Что проект моряка был рассмотрен не сразу, подтверждает И. К. Кирилов: «Капитан Беринг, хотя имел свои предложения, но токмо по прошлой 732 год были без действия» [29, с. 290]. Лишь в марте 1732 г. кабинет приказал Сенату рассмотреть предложения, а 17 апреля того же года царица подписала указ о Второй Камчатской экспедиции. Пока предложения Беринга лежали без движения, в высших инстанциях рассматривался упомянутый проект И. К. Кирилова, поданный в Сенат 27 февраля 1731 г. и вскоре утвержденный.

Значение Первой Камчатской экспедиции заключалось и в том, что она, показав колоссальные трудности транспортировки грузов из европейской части страны в Охотск и на Камчатку, способствовала появлению первых в России проектов кругосветного плавания. Вопрос о перевозке грузов особенно остро интересовал тогда в связи с предстоящей Второй Камчатской экспедицией. Вскоре после опубликования указа об экспедиции в Сенат вызвали членов Адмиралтейств-коллегии и они «представили, что можно отправить на Камчатку из Санкт-Петербурга корабли, которые де могут там, о чем намерение есть, исправить [исполнить] и к тому морские офицеры практику иметь» [97, л. 74]. В коллегию направили из Сената все документы Первой экспедиции с приказанием обстоятельнее изложить мнение свое о транспортировке и представить его в Сенат. Именно в порядке реализации этого приказа и появились первые в России проекты кругосветных плаваний. Один из них принадлежал президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу Н. Ф. Головину [98, л. 1—8]¹⁰⁶, второй члену коллегии вице-адмиралу Т. Сандерсу [99, л. 132—138]¹⁰⁷. Оба проекта сходны и отличаются лишь в частности. К сожалению, они не были тогда осуществлены. Первое кругосветное плавание русские моряки совершили лишь 71 год спустя по проекту, разработанному И. Ф. Крузенштерном в 1799 г. [26].

Выявившиеся во время Первой Камчатской экспедиции трудности перевозки грузов натолкнули также на мысль о том, что необходимо искать более удобные пути к Охотскому морю по суше, минуя Якутск и Охотск. Ответствующие указания были записаны в инструкциях,

врученных Берингу при снаряжении Второй Камчатской экспедиции [7, с. 132, 138]¹⁰⁸.

Поиски удобных путей к Охотскому морю настойчиво продолжались на протяжении XVIII в. Позже пытались найти на этом море более удобный порт, чем Охотск. Искали также новые трассы для устройства гужевой дороги к берегам Охотского моря (конец XVIII в.). Однако все было безуспешным.

Говоря о значении Первой Камчатской экспедиции, нельзя не сказать о неоченимом опыте, который она дала русским морякам и ученым. Этот опыт использовали при снаряжении Второй Камчатской и других более поздних экспедиций, в том числе кругосветных плаваний.

Первая Камчатская экспедиция служила во многом образцом организации подобных предприятий. Так, формировали личный состав последующих экспедиций, как и в 1725 г., из матросов-добровольцев с различных кораблей Балтийского флота, при этом отбирали самых здоровых и выносливых.

Приняв во внимание печальный опыт Первой Камчатской экспедиции, участникам Второй и других дальних экспедиций стали выдавать двойное продовольственное и денежное содержание. Помимо этого, каждый член Второй Камчатской экспедиции получил годовое жалованье, а всем геодезистам присвоили воинские звания. Наконец, было разрешено выдать всем участникам экспедиции жалованье на год вперед сначала в столице, а затем в Тобольске или Якутске, кто где пожелает.

Во Второй Камчатской экспедиции переняли способ заготовки продовольствия и перевозочных средств авангардными партиями во главе с офицерами, больше, чем в Первой экспедиции использовали речной путь между Якутском и Охотском. От Юдомского Креста до Охотска через каждые две мили были поставлены теплые избы. Зимой в них помещался, по словам Вакселя, постоянный караул, и прибывающие обозы были обеспечены в любое время теплым помещением. Был учтен также опыт постройки судов и проведения морских плаваний. В частности, в дальние морские походы теперь посылали не одно, а два судна. Очень часто моряков, направлявшихся на Дальний Восток, снабжали выписками из материалов Первой Камчатской экспедиции.

Экспедиция помимо научного имела и важное поли-

тическое значение. Она выяснила пределы возможного продвижения в Азии на восток, положила на карту морские границы северо-восточной Азии. Тем самым на основе права первооткрытия за Россией окончательно закреплялись земли в пределах этих границ.

Первая Камчатская экспедиция, порожденная в ходе экономического и политического развития страны, использовавшая опыт отважных русских землепроходцев и мореходов, сыграла важную роль в дальнейшем исследовании и освоении Дальнего Востока, северной части Тихого океана, а затем и Северо-Западной Америки. Благодаря экспедиции интерес к этому району еще больше возрос, начался новый этап в географических исследованиях: они стали организованнее и систематичнее, приобрели государственное значение, руководство ими перешло непосредственно в руки центральной власти. Именно Первая Камчатская экспедиция была первой в России крупной научной морской экспедицией.

ЭПИЛОГ

Первая Камчатская экспедиция надолго приковала внимание ученых к Дальнему Востоку.

Уже в ходе ее была организована и послана военная экспедиция Шестакова — Павлудского. Шестаков, назначенный «главным командиром северо-восточного края», прибыл в Охотск в 1729 г., когда Беринг возвращался из похода. К Шестакову от Беринга перешли корабли и оставшееся продовольствие. Один из отрядов новой экспедиции под руководством И. Федорова и М. Гвоздева, как указывалось выше, и открыл северо-западный берег Америки (1732 г.).

После возвращения Беринга в Петербург началась разработка проектов Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции. Эта экспедиция продолжалась более 10 лет. В ней участвовало около 1000 человек, а вместе с людьми, занятыми на перевозке грузов, число людей достигало порой 10 000. Начальником был назначен В. И. Беринг, первым помощником — А. И. Чириков, вторым — М. П. Шпанберг. Душой экспедиции был Чириков. В ней участвовали и многие рядовые члены Первой Камчатской экспедиции, в том числе И. Белый, К. Мошков и другие.

Великая Северная экспедиция состояла из семи (первоначально) отрядов. В ней работали такие известные исследователи, как Д. Л. Овцын, В. Прончищев, С. И. Челюскин, Х. П. Лаптев, С. П. Крашенинников. Исследования проводились почти на всем северном побережье страны, начиная от Архангельска, в Тихом океане и на побережье Северной Америки к востоку от Камчатки, вдоль Курильских и Японских островов и т. д. Кроме того, в экспедицию входила группа профессоров и адъюнктов (историков, ботаников, химиков, астрономов, медиков). Среди них были Г. Миллер, И. Гмелин, Г. Штеллер, Л. Делакроер, а также художники и рисовальщики.

Общее руководство экспедицией осуществляли Сенат и Адмиралтейств-коллегия. Живейшее участие в составлении инструкций и в работе экспедиции приняла Академия наук.

Результаты этой экспедиции огромны. Была открыта Северная Америка (южнее Аляски), ряд Алеутских островов и островов, прилегающих к Америке; открыт морской путь в Японию, составлена карта Курильских островов, произведено картирование северного побережья России и многих рек, впадающих в Ледовитый океан, и т. д.

Какой же была дальнейшая судьба главных участников Первой Камчатской экспедиции?

Трагически оборвалась жизнь Витуса Беринга. Возвращаясь из Америки на корабле «Св. Петр», он сбился с курса и вместо Камчатки попал на один из Командорских островов. Корабль потерпел крушение, и морякам пришлось зимовать на острове. Здесь вместе с 19 членами экипажа Беринг умер от цинги (8 декабря 1741 г.). В память о мореплавателе этот остров и поныне называется его именем.

Беринг служил России 38 лет и отдал географическим исследованиям и открытиям не только свой опыт и силы, но и жизнь.

Не менее печальной была и судьба Алексея Ильича Чирикова, также отдавшего жизнь науке. Благополучно достигнув (после открытия Северо-Западной Америки) в 1741 г. берегов Камчатки, он оставался на Дальнем Востоке еще пять лет. Только в 1746 г. ему разрешили вернуться в Петербург и в следующем году произвели в капитан-командоры. Но здоровье его было уже подор-

вано цингой и туберкулезом, и в декабре 1748 г. Чириков умер, лишь на семь лет пережив Беринга, хотя был на 22 года моложе его.

По-иному сложилась жизнь Мартына Петровича Шпанберга. Его разжаловали в поручики за самовольное возвращение из Сибири в Петербург (1745 г.). В 1749 г. он снова был предан суду за крушение корабля и гибель 28 человек, но суд оправдал его. Лишь в 1751 г. ему присвоили звание капитана 1 ранга, а через 10 лет, в 1761 г. он скончался.

Дольше всех прожил самый молодой участник экспедиции Петр Авраамович Чаплин. В 1751 г. он был произведен в капитаны 3 ранга. В 1755—1760 гг. в звании капитана 2 ранга служил в Балтийском флоте и участвовал в Кольбергской операции. В 1762 г. «за старостью и болезнями» назначен «капитаном над Архангельским портом», где и умер в 1765 г.

Благодарные потомки бережно хранят память о замечательных русских мореплавателях. Лучшими памятниками им являются названия многих географических пунктов на карте земного шара. Большое число таких пунктов носит имя руководителя экспедиции.

В последней четверти XVIII в. на картах появились наименования Берингово море и Берингов пролив (северная часть Тихого океана); залив Беринга (на Аляске), названный Ю. Ф. Лисянским в 1805 г.; мыс Беринга (в Анадырском заливе), названный Ф. П. Литке в 1828 г.; мыс Беринга в Охотском море; остров Беринга в группе Командорских островов, названный С. Вакселем, и вся группа этих островов, наименованная так в середине XVIII в. русскими промышленниками (по военно-морскому званию Беринга).

Имя Чирикова, помощника Витуса Беринга, носят три мыса: на южном берегу Чукотского полуострова, названный Ф. П. Литке в 1828 г., на острове Атту в группе Ближних Алеутских островов, названный в первой половине XIX в. Российско-Американской кампанией, и на полуострове Старицкого в Охотском море; а также остров в заливе Аляска, названный английским мореплавателем Ванкувером (конец XVIII в.). Остров Шпанберга (Шикотан) в группе Курильских островов, назван советской научно-исследовательской экспедицией в

1946 г. Мыс Чаплина (юго-восточная часть Чукотского полуострова), назван Ф. П. Литке в 1828 г.

Помимо этих географических памятников, в Советском Союзе имеется много монументов и мемориальных комплексов. Памятники Витусу Берингу возведены на его могиле и на Камчатке. Мемориальные комплексы, посвященные двум камчатским экспедициям, экспонируются в Центральном военно-морском музее и в музее Краснознаменного Тихоокеанского флота. В 1944 г. сотрудники последнего организовали экспедицию на остров Беринга, где погиб мореплаватель. Были обнаружены и доставлены на материк пушки и другие предметы с корабля «Св. Петр», на котором Беринг плавал во время Второй Камчатской экспедиции.

Глубоко чтут память о Витусе Беринге и в Дании, особенно на его родине в городе Хорсенсе. Здесь создан мемориальный комплекс, состоящий из рельефной карты с изображением маршрутов обеих экспедиций и двух пушек со «Св. Петра», которые подарены Дании Советским Союзом и доставлены моряками крейсера «Орджоникидзе», посетившего Данию с дружеским визитом в 1956 г. В Хорсенсе также хранится модель «Св. Петра», выполненная из обломков погибшего в 1741 г. корабля, и памятная медаль.

Значительной данью уважения и признательности нашего народа является создание двух кинофильмов о славных подвигах моряков под командой В. Беринга и А. Чирикова — «Подвиг командора» и «Баллада о Беринге и его друзьях».

Первая Камчатская экспедиция всегда вызывала большой интерес у мореплавателей и ученых. Ее изучают почти столько же лет, сколько минуло со времени самой экспедиции. К этой теме обращались многие, однако, как правило, попутно, уделяя главное внимание Второй Камчатской экспедиции. Большинство исследователей довольствовалось документами, введенными в научный оборот в XVIII и XIX вв., считая, что экспедиция достаточно хорошо изучена. В действительности, как заметил академик Л. С. Берг, «о ходе Первой экспедиции мы имеем весьма скудные сведения». Если не считать журнальных статей и отдельных глав в книгах, этой экспедиции была посвящена лишь одна брошюра, изданная более 150 лет назад.

Остановимся кратко на основных этапах изучения истории экспедиции.

Первое известие об экспедиции появилось в печати не в 1730 г., как принято считать, а в 1725 г., в одной из амстердамских газет [101, л. 25]. Первым сообщением о ней в России была статья в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 16 марта 1730 г. (Есть основание полагать, что автором ее является историк, будущий академик Г. Ф. Миллер.)¹⁰⁹ В том же году сведения об экспедиции были опубликованы в Дании, а в 1740 г. — в Германии. Но все эти ранние публикации были краткими и носили информационный характер. Более глубокое изучение тормозилось тем, что материалы экспедиции считались секретными. Интересно, что, когда (в 1741 г.) Академия наук попыталась издать карты с данными экспедиции Беринга, ей было указано на несвоевременность такого шага, а описание плавания к берегам Америки, составленное Штеллером, было изъято из Академии и хранилось в кабинете императрицы.

Толчок к обстоятельному освещению экспедиции и обнаружению ее материалов дала фальсифицированная карта французского ученого Делиля (1752 г.), отрицавшего заслуги русских [35, л. 1—36]¹¹⁰.

«Труды» Делиля получили отповедь со стороны ученых Франции, Англии, Испании и Америки. Русское правительство придало писаниям Делиля политическое значение и признало, что важнее опубликовать материалы Камчатских экспедиций, чем держать их в секрете. Академии наук было поручено дать ответ французскому. Сводная карта Миллера¹¹¹, составленная в 1758 г., и описание русских открытий в Ледовитом и Тихом океанах явились не только достойным ответом Делилю, но и первым в России исследованием по истории северного мореплавания [68]. В этом труде использованы документы и личные свидетельства участников экспедиции¹¹².

В дальнейшем, после плаваний Чичагова, Шалаурова, Кука и Биллингса — Сарычева, которым не удалось преодолеть арктические льды, внимание к экспедиции падает.

Возрождение интереса к Первой Камчатской экспедиции наблюдается во втором десятилетии XIX в., когда предпринимаются русские кругосветные плавания, а также санная экспедиция Ф. П. Врангеля (1820—1824 гг.) с целью «Определить положение Шеллагского

мыса и описать берег, лежащий от одного к востоку, раз-
решив тем навсегда гипотезу о соединении Азии с Аме-
рикой». Самым ценным из того, что было сделано в это
время, является поиск и публикация документов. Исто-
рик русского флота В. Н. Берх в 1823 г. написал бро-
шюру, в которой фактически переложил содержание
обнаруженного им в архиве вахтенного журнала первой
экспедиции Беринга. В брошюре допущены искажения
и ошибки, но она привлекла внимание к экспедиции
[73]. Через год была опубликована «Краткая реляция. . .»
[103], на основе которой впоследствии чаще всего и
строилось описание экспедиции.

Интерес к Первой Камчатской экспедиции возобно-
вился в середине века в связи с дискуссией между есте-
ствовиспытателем академиком К. М. Бэр и историком
А. П. Соколовым. Бэр преувеличивал заслуги Беринга
[74, с. 237]. Соколов считал, что Беринг не представил
убедительных доказательств открытия пролива и пото-
ропился возвратиться с севера [94, 104—106]. Тогда же
в печати выступил со статьей А. С. Полонский [46]. Он
использовал некоторые новые архивные материалы, но
допустил ряд ошибок, а главное исказил важный доку-
мент. Это искажение получило широкое распростране-
ние и дожило до нашего времени [107].

Большое значение имело издание документов экспе-
диции, особенно выдержек из вахтенного журнала [53],
предпринятое во второй половине XIX в.

Иностранцы ученые, ограничиваясь использованием
русских печатных источников, не добавляли ничего но-
вого к фактической стороне истории экспедиции. Их
работы интересны с точки зрения общей оценки экспе-
диции и ее участников. Так, Г. Банкрофт [108, р. 36, 37,
38, 50] отмечает крайнюю осторожность и нерешитель-
ность Беринга, Шпанберга характеризует как человека
жестокого и эгоистичного, а Чирикова называет гордо-
стью и надеждой русского флота. Книга П. Лауридсена
[75, р. 19, 20] является тенденциозной. Он не только пре-
уменьшает заслуги русских участников экспедиции, а
просто не замечает их; резко выступает против тех, кто
критически оценивал действия Беринга¹¹³. Новым у
Лауридсена были некоторые подробности биографии
мореплавателя. В. Долл [70] первым из иностранцев
заявил, что экспедиция не дала убедительных доказа-
тельств существования пролива. В 1914 г. Ф. Голдер

[31]¹¹⁴ писал, что экспедиция не доказала существования
пролива, Беринга считал хорошим моряком, но не спо-
собным руководить научной экспедицией.

Наконец, к 200-летию экспедиции выходит в свет
работа Л. С. Берга [110], с которой начинается новый
период в изучении истории экспедиции — этап исследо-
вания ее советскими учеными.

Главное внимание Берг уделил Второй Камчатской
экспедиции, историю же Первой экспедиции изложил
короче, чем это делалось до него. Он справедливо пола-
гал, что экспедиция не решила с «непререкаемой оче-
видностью» свою основную задачу. Характеризует Бе-
ринга как человека нерешительного, малопригодного
для руководства экспедицией, как моряка, который «к
научным вопросам не выказывал никакого интереса».

В 1941 г. был составлен А. Покровским сборник ма-
териалов [7], в который о Первой Камчатской экспеди-
ции включен (из неизвестных ранее) лишь один доку-
мент. Вахтенные журналы, рапорты Беринга и других
участников экспедиции составитель ошибочно объявил
утраченными. Шаг вперед в расширении документаль-
ной базы сделал А. И. Андреев [17], обнаруживший не-
сколько рапортов Беринга.

Истории Первой Камчатской экспедиции, как указы-
валось выше, касались в своих работах А. В. Ефимов,
М. И. Белов, Н. Н. Зубов [111], Д. М. Лебедев, В. И. Гре-
ков и другие советские ученые. Не располагая (за не-
большим исключением) новыми материалами, они не
вдавались в подробности ее фактической истории и глав-
ное внимание уделяли общим вопросам.

В последние годы интерес к району исследования
Первой Камчатской экспедиции в нашей стране и за
рубежом возрос в связи с проведением совместного
советско-американского полярного эксперимента «Бе-
ринг», а также в связи с 250-летним юбилеем самой
экспедиции, путь которой через Сибирь отмечен на карте
послевоенных пятилеток многочисленными грандиозны-
ми стройками, преображающими лик некогда дикой
земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Вряд ли можно принять утверждение А. В. Ефимова, что Большой Камчатский наряд стал поворотным пунктом в исследовании Сибири, «прототипом обеих экспедиций Беринга... школой для мореходов» [5, с. 194].

ПРИЧИНЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕДИЦИИ, ПОДГОТОВКА ЕЕ, СОСТАВ И СНАРЯЖЕНИЕ

2. Преувеличивал заслуги Лейбница также А. И. Андреев. Он утверждал, что «значительная роль в качестве инициатора исследования северной части Тихого океана принадлежит знаменитому ученому Лейбницу» [9, с. 15].

Не считал Лейбница инициатором экспедиции М. В. Ломоносов [10, с. 270].

3. Испания, желая получить все выгоды от обладания Мексикой, сама ввозила туда и вывозила все необходимое. Для этого она держала целую флотилию из устаревших военных кораблей, покупаемых у Англии и Голландии [16, л. 30].

4. Он писал: «Первая экспедиция Беринга преследовала и торговые цели — установление связей с испанской Мексикой, откуда шло драгоценное для страны золото» [17, с. 31].

5. Фактически соглашаясь с А. А. Покровским, он считал, что конечной точкой поездки тогда (в 1724—1732 гг.) признавалась Мексика [18, с. 94].

6. Например, в отчете, поданном дочери Петра I царице Елизавете, Беринг писал: «Важность той экспедиции по силе инструкции его ж величества состояла только в том, чтоб осмотреть от земли Камчацкой лежащий берег между севером и востоком, у которого последний мыс называется Чукченский нос, не имеет ли тот берег коммуникации с настоящею Америкою западного ее берега» [7, с. 368].

7. Небезынтересно мнение М. В. Ломоносова о трудностях вторжения на Дальний Восток: «Не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом, но хотя б и учили, однако придут утомленными на крепких, с привозными гнилыми припасами на снабденных жителей свежими домашними, безнадёжные ближнего от своих споможения — на места, где вспоможение нам неистощимо» [23, с. 498].

8. Так, известно, что лишь 50 лет спустя после Первой Камчатской экспедиции у берегов Камчатки появились первые мирные иностранные корабли. А вооруженное нападение крайне незначительными силами (да и то не с целью захвата Камчатки) имело место за всю историю лишь во время Крымской войны. Наконец, об обороне восточных границ не упоминается ни в одном из документов экспедиции. Почти пророчески звучали слова выдающегося моряка, исследователя Дальнего Востока Г. И. Невельского. «На пустынном Камчатском полуострове, покрытом хребтами, между которыми разбросано редкое население, — писал он, — ни одна из иностранных держав не будет утверждаться из-за неблагоприятных климатических условий» [24, с. 100—111].

9. Автор использует показания современника Петра I А. К. Нартова, хотя в литературе доказано, что «Рассказы Нартова о Петре Великом» являются вольной обработкой, проделанной его сыном в семидесятых годах XVIII в. Замечу также, что В. А. Дивин без оснований приписывает мне чисто географический подход к решению вопроса о задачах Первой Камчатской экспедиции и полное отрицание проблемы безопасности для Дальнего Востока [25, с. 46].

10. Не случайно И. Ф. Крузенштерн писал в своем проекте кругосветного плавания (1799 г.): «Цены в Охотске на все сверхграндиозные, так как все привозится из Якутска на вьючных лошадях» [26, с. 344].

11. В донесении Сената мы читаем: «А ко обладанию таких народов и земель следующие притчины:

1. Что те земли прилегли к российскому владению и ни у кого не подвластны и к содержанию и владению под российской державой не трудныя...

2. Для прибыли государственной, понеже в тех местах соболь и прочей зверь родится...

3. Для познания по Восточному морю [Тихому океану] морского ходу, от которого может впредь воспоследовать коммерция с Япониею...

4. Наипаче для требующей заимки, пока никто с других земель... в те новосысканные земли не вступили и никакой претензии не имеют...» Далее подчеркивалось: «Прежде утвердить те места, которыми уже российское владение было... А не утвердя оного, на острова морские не ходить и острогов не ставить» [27, л. 6—17].

12. Соймонов писал, что, когда Петру напомнили «о сибирских, восточных приморских местах, о Камчатке и о прочих», тот заметил: «Слушай, я-то все знаю, да не ныне, да то далеко» [30, с. 551—552].

13. Куда делась эта карта, неизвестно. И. К. Кирилов позже видел ее у Я. В. Брюса, через которого она была издана в атласе Гомана. Кирилов внес позже ряд изменений в свою карту на основе данных, полученных от А. Ф. Шестакова. Новая редакция карты известна по копии Делиля, напечатанной Голдером [31, р. 111], а также по копии, выполненной Ле Руа, которая хранится в рукописном отделе БАН СССР и была опубликована Л. С. Бергом как карта Шестакова [32, с. 96—97].

14. Например, Л. С. Берг полагал, что матросов, солдат и мастеровых было 60 человек, А. А. Покровский только одних матросов насчитывал свыше 60 человек, И. П. Магидович писал, что из Петербурга до Охотска шло 70—75 человек, и т. д.

15. Все, что касается отставки Беринга и возвращения его на службу, изложено здесь по архивным документам [34, л. 81—93].

16. В литературе же можно встретить утверждения, что о нем вспомнил царь и что по возвращении Беринга на флот он был назначен «командующим» на корабль «Марльбург» [25, с. 46].

17. А из Тобольска в марте 1725 г. Беринг писал Ф. М. Апраксину: «...Благодарю ваше высочество милосердного отца моего, государя за премногую преждеявленную ко мне не по заслуге моей высокую милость... Прошу, дабы и впредь высокою вашею отеческую милостию не был оставлен, также и фамилия моя, оставшая в Питербурхе» [36, л. 265].

18. Мы считаем необходимым назвать всех матросов и мастеровых, оставшихся до сих пор безвестными. Вот их поименный спи-

сок [37, л. 29]: квартирмейстер Иван Борисов с корабля «Шлютель-бурх»; матросы 1 статьи Григорий Барбашевский, Никифор Лопухин, Григорий Ширяев, Афанасий Осипов, Никита Ефимов и Прокопий Елфимов — все с корабля «Лесное», которым командовал Беринг; Дмитрий Казачинин и Василий Феофанов с корабля «Френде Молера»; Савелий Гануков и Евсей Селиванов с корабля «Ингерманланд»; Афанасий Краусов с корабля «Св. Екатерина»; Иван Белый с корабля «Рафаил» и Алексей Козырев с корабля «Св. Петр». Адмиралтейские мастеровые: плотник-десятник Иван Вавилов; плотники Александр Иванов, Никифор Хлеский и Гаврило Митрофанов; парусники Семен Данилов и Игнатий Петров; конопатчики Василий Ганин и Аким Матвеев; кузнец Евдоким Ермолаев.

19. Уже под 23 декабря 1724 г. в журнале Адмиралтейств-коллегии значится: «Оного Беринга для его нужд отпустить в Выборг генваря по седьмое число предбудущего 725 году» [38, л. 302].

По любезному сообщению сотрудника Национального архива Финляндии Элиаса Ормана, из сохранившихся записей церковно-приходских книг шведской общины в Выборге явствует, что уже в 1713 г. состоялось бракосочетание Беринга с Анной Шарлоттой Пюльсе, дочерью местного коммерсанта. В двух других записях говорится о крещении (октябрь 1725 г.) и похоронах (ноябрь 1725 г.) сына Беринга. По-видимому, во время длительного отсутствия Беринга его семья проживала в Выборге у родителей жены.

20. Небезынтересно привести размеры содержания членов экспедиции. На месяц было положено Берингу 40 руб., плюс на четырех денщиков по 50 коп.; Чирикову и Шпанбергу по 15 руб. и по 50 коп. на денщика; лекаря 10 руб. и 50 коп. на денщика; штурманам по 12 руб.; геодезисту 6 руб.; Чаплину 1 рубль; ученику Козлову 3 руб.; подмастерью 1 рубль; квартирмейстеру 2 руб.; матросам по 1 рубль 50 коп.; мастеровым по 1 рублю. Муки всем по половине осьмины, круп — по малому четвернику.

ОТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ДО ТОБОЛЬСКА

21. В. А. Дивин ошибочно указывает, что вышло из столицы 26 человек и что с Берингом шли «пять служилых людей». (Рядовых военнослужащих в те времена, в отличие от штатских, состоявших на государственной службе, называли «служителями».) [25, с. 49].

22. Речь идет, по-видимому, о карте, выполненной И. К. Кириловым и датированной здесь по времени составления исходных оригиналов — карты Евреинова — Лужина и иностранной карты.

23. Мы считаем нужным назвать впервые также имена солдат. Они были прикомандированы из следующих сибирских полков:

из Санкт-Петербургского — Дмитрий Сажин, Михайло Шорохов, Василий Лыков, Алексей Кистенев, Абросим Калинин, Прокопий Юдин, Лаврентий Соловьев, Семен Арапов, Семен Киприанов, Андрей Кирсанов, Григорий Вологодский, Семен Трифанов и Аврам Якушев; из Московского — капрал Иван Анашкин, Алексей Щепеткин, Яким Шароглазов, Иван Коновалов, Федор Воротников, Петр Капотилов, Иван Шалаев, Михайло Мясников, Иван Плетнев; из Tobольского — сержант Иван Любимский, Козьма Курочкин, Иван Козлов, Фома Мороков, Борис Выродов, Дмитрий Золотухин, Алексей Попаденкин, Андрей Хрушков, Александр Коркин, Тимофей Таланкин, Матвей Брагин, Степан Ломоносов и Нефед Ерлагин [39, л. 21—22].

ОТ ТОБОЛЬСКА ДО ИЛИМСКА ПО ИРТЫШУ, ОБИ И КЕТИ

24. В. И. Греков утверждает, что от Сургута до Маковского было только три встречи [42, с. 24]. Этот подсчет сделан на основе опубликованных Вахтиним записей только за 6 и 49 дней.

25. А. И. Андреев ошибочно пишет, что, так как по Сибири были своеобразно разосланы указы, «необходимые плотники, кузнецы и пр. были уже на местах, из-за них задержки не произошло» [17, с. 8].

26. Пример текста одной из таких записей. Енисейский плотник Денис Борисов поручился «по сыне своем Якове в том, что нанялся он, Яков, у енисейского плотника Василия Касякова на Камчатку к судовому строению» у капитана Беринга. «Зерню и в карты не играть... и без отпуску от него капитана никуда не сойти и не збежать». Вырядив за сына 20 рублей и взяв их вперед, отец обязался в случае, если сын сбежит, самому быть «у того строения» [39, л. 32].

ЗИМОВКА В ИЛИМСКЕ

27. Об энергичной помощи Татаринова свидетельствует и большой список жителей Илимска, у которых он конфисковал на время лодки для экспедиции. В этом списке — городской нарядчик, поп, сыновья боярские и т. д. [44, л. 25—26].

Л. С. Берг и А. В. Ефимов считали Татаринова приказчиком только Анадырского острога. Однако в инструкции, полученной им, говорилось: «Ехать из Tobольска в Камчатку, также ведать и Анадырский острог... Домогаться открыть путь в Камчатку морем» [45, с. 86].

28. Мореплаватели пользовались тогда квадрантом Девиса. Это был инструмент без оптического прибора. Еще примитивнее выглядела астролябия. Не имелось не только хронометров, но и обычных пружинных часов, пользовались песочными часами. (Усовершенствование приборов произошло лишь в начале XIX в.)

29. В том, что из Енисейска Беринг послал только один рапорт, никаких сомнений быть не может, так как Беринг каждый следующий рапорт начинал с упоминания даты, места отсылки и краткого содержания предыдущего.

30. Елчин еще до Первой Камчатской экспедиции говорил, что раньше на Камчатку ездили «от Якутска чрез Верхоянск, Индигирск, Алазейск и Колымские остроги пустыми дальними местами со многим трудом». А при нем уже ходили от Якутска реками до Охотска, затем через Охотское море [27, л. 13—14].

ОТ ИЛИМСКА ДО ЯКУТСКА

31. В. И. Греков ошибается, говоря, что Беринг виделся с Рагузинским в Илимске. Последний прибыл туда 31 марта, а Беринг уже 28 марта был в Усть-Куте.

32. В. А. Дивин полагает, что Чаплин до прибытия Беринга проделал в Якутске «большую подготовительную работу», что он принял решение отправить экспедиционные грузы в Охотск на лошадях и осуществил его. В действительности занимался этим Беринг. Недоумение вызывает и утверждение автора, что Чаплин должен был построить суда и волоком переправить их в Охотск. Как известно, волоки существуют для перетаскивания судов по суше из

одной реки в другую, лежащую на сравнительно небольшом расстоянии от первой. Здесь же, по данным самой экспедиции, было 1177 верст полного бездорожья, которое с трудом преодолевали лишь вьючные лошади и пешие люди. Суда для экспедиции строились не в Якутске, а, как мы помним, в Усть-Куте весной 1726 г. под руководством Шпанберга, который на них отправился с грузами из Якутска по рекам Алдану, Мае и Юдоме [25, с. 50].

33. 14 ноября сибирский губернатор докладывал даже в Сенате о Козыревском и о своем предложении использовать его в экспедиции [27, л. 6]. Некоторые авторы (Берх, Полонский, Голдер и др.) ошибочно считали Козыревского участником экспедиции.

ПО РЕКАМ И ПО СУШЕ К ОХОТСКУ

34. Беринг предусмотрел и технику этого возврата: «... Кто умрет, оставшей багаш по артикулу освидетельствовать, продать и незаслуженные деньги возвратить».

35. Составленная Чаплиным табличка дает представление о количестве потерянных лошадей:

Отряд	Взято сум из Якутска		Количество лошадей						
	с мукой	с крупой	вышло с Лены	оставлено у Юдомского Креста	погибло (брошено) на дороге	пало	бежало	итого убито	имеется ныне
Беринга	—	—	77	27	14	4	—	45	32
Козлова	270	38	223	24	24	19	—	67	156
Лекаря	88	32	103	—	42	4	1	47	56
Сержанта	174	—	124	—	25	4	—	29	95
Десятника	64	—	133	—	71	—	8	79	54
Итого	596	70	660	51	176	31	9	267	393

В. А. Дивин ошибочно утверждает, что «только небольшая часть каравана во главе с Берингом добралась до Охотска» сушей [25, с. 51]. В действительности дошли все отряды, большая часть людей и лошадей.

36. А. И. Чириков позже (после окончания экспедиции) писал, что особенно важно было заготовить достаточное количество войлока на потники для вьючных лошадей, «понеже весьма напрасно якуты при отправлении... до Охотска провиантов и прочего вьюками поморили лошадей не от чего так, как за неимением добрых потников. С хорошими потниками лошадь могла вынести до 10 походов, а с подкладками из оленьей кожи многие и одного не вынесли» [47, л. 129].

37. В литературе порой можно встретить искаженную картину перехода этого отряда. Вот, например, как его рисует Н. К. Чуковский [48, с. 20—21]. «... Лейтенант потребовал от якутов и тунгусов, живших по берегам Юдомы... собачьи упряжки и нарты... И он заставил их силой — кнутом и виселицей. Ему удалось собрать сто запряжек и нарт», Здесь все ошибочно: по Юдоме никто не жил,

люди сами тащили сделанные ими нарты, виселицы в экспедиции не могли применяться. В. И. Греков ошибается, считая, что этот поход был не труднее, чем сухопутный, что люди, шедшие с Берингом, везли провиант на нартах, которые тащили собаки, и что в том отряде погиб геодезист Ф. Лужин. На самом деле продовольствие перевозили на лошадях, а Лужин шел с отрядом Шпанберга.

ЗИМОВКА В ОХОТСКЕ

38. По вопросу о пути экспедиции из Охотска на Камчатку в научной литературе существует мнение, что Беринг хотел отправиться туда сушей и в том же 1726 г. Так, А. И. Андреев считал, что «идти дальше на Камчатку было крайне трудно, даже если бы удалось заменить лошадей собаками. Но Беринг, все же надеялся добраться до Камчатки еще в этом году» [17, с. 8]. В действительности с самого начала экспедиции, как об этом говорилось выше, Беринг собирался плыть на Камчатку по Охотскому морю и никогда не отказывался от этого намерения. Иначе зачем нужно было строить в Охотске судно? Морской путь на Камчатку, открытый в 1716 г., был значительно короче, удобнее и безопаснее сухопутного, пролежавшего через земли немирных народов. Кроме того, на лошадях зимой здесь не ездят, а о собаках ничего было и думать, их потребовалось бы несколько тысяч. Утверждение, что Беринг хотел быть на Камчатке в 1726 г., также ошибочно: ведь об отряде Шпанберга долго не было никаких вестей, а отправляться без него не имело смысла, так как он вез то, что было необходимо для строительства кораблей на Камчатке. Наконец, судно в Охотске еще не было достроено.

39. Среди личных вещей Морисона для обмена на меха было более тысячи стеклянных пуговиц и свыше двух пудов китайского табаку [39, л. 167].

40. Якутские служилые люди получали по два пуда муки на три месяца, в два раза меньше, чем матросы и солдаты. Мы упоминали случай, когда Шпанберг поделился с якутскими людьми личными продуктами. Правда, позже он потребовал вернуть их, приложив при этом список на 93 человека. Откуда же он брал такую массу продовольствия? Оказывается, в Якутске закупили муки на собственные деньги: Беринг 100 пудов, Шпанберг и Морисон по 80 пудов [39, л. 181]. Большая часть этой муки продавалась и обменивалась на меха в Охотске.

41. Шпанберг в рапорте Берингу писал, что писарь заявил, что «знает за вашу персону важное дело, касающееся к первому пункту» [39, л. 177]. Это означало так называемое «слово и дело», т. е. обвинение в важном государственном преступлении. Нам удалось найти в архиве лишь некоторые упоминания о писаре экспедиции Турчанинове. Так, некто Мерович показал: Беринг хвастался ему, что Семен Турчанинов и другие (во время Второй Камчатской экспедиции) «кричали... слово и дело, и им де в том нигде вера не далась». Из документов видно также, что Турчанинов вскоре умер, а все другие, кто жаловался на Беринга позже (Фридрих, иеромонах), объявлены сумасшедшими [51, л. 150, 203].

42. В. И. Греков полагает, что первый рейс из Охотска на Камчатку Шпанберг совершил в 1726 г. На самом деле он прибыл туда лишь в январе 1727 г. Ошибочна также версия Берха о том, что на Камчатку со Шпанбергом отправились 13 купцов,

43. Вот как Чаплин описывает в своем журнале «охоту» на уток: «Ввечеру сбегут ботов 20 или больше и во всякой бот человек 5 или 6 сядут и отъедут верст 6 или 7 и ночуют на берегу. Поутру, на заре, ежели море тихо, то поедут в море версты 4 или 5, а утки сего времени ленные, крылья не имеют большого. А погоняют на прибылой воде к устью реки Охоты... уток тащит в реку неволею. И прогонят в заливе версты три... и поставят караул в ботах дугою, и из того места в море не выпускают. И когда вода станет убывать... то выходят из лодок и с берега множество людей пойдут и колют спицами и ловят живых». Таким варварским способом в один день 7 августа было заготовлено 3000 уток.

44. Г. Ф. Миллер ошибочно считал, что это судно пришло с Камчатки вместе с «Фортуной», т. е. 10 августа. Если бы это было так, то экспедиция в Охотске задержалась бы еще на месяц, так как старое судно было совсем ветхим и ремонт его занял больше 25 дней.

ЧЕРЕЗ ОХОТСКОЕ МОРЕ И КАМЧАТКУ

45. Однако невозможно согласиться с В. И. Грековым, что в этом случае на Камчатке моряки могли бы заложить судно осенью. Он не учитывает, что требовалось заготовить лес и доставить его к месту постройки. Тем более ошибочно мнение В. Берха, который утверждал, что, отправившись морем вокруг Камчатки, моряки выиграли бы два года. Не правы также Д. М. Лебедев и В. А. Есаков [52, с. 194], которые считают, что грузы через Камчатку перевозили только на собаках и это задержало почти на год постройку корабля. Значительная часть грузов (в том числе самые тяжелые и громоздкие) была перевезена по рекам.

46. В. Берх пишет: «... октября 6 прибыли упомянутые боты из Нижнекамчатска». Это невозможно: баты (т. е. лодки, но не боты) не могли прибыть из Нижнекамчатска, потому что между реками Быстрой и Камчаткой лежит водораздел, через который с трудом переносили даже тюки, не говоря уж о батах. Перенесенный груз везли дальше на других судах.

47. Численный состав населения участники экспедиции называют обычно приблизительно. По документам же Сената в 1724 г. на полуострове проживало: в Верхнекамчатске 134 человека («разночинцев» — 27, «их холопей» — 101, приписных к посаду — 4, крепостных работников — 2); в Большерецке 143 человека («разночинцев» — 34, «холопей» — 108, приписных к посаду — 1); в Анадырском острове 58 человек («разночинцев» — 26, «холопей» — 27) приписных — 5) [27, л. 28].

48. Как и раньше, лекарь находился при Беринге, несмотря на то, что в Нижнекамчатске уже в течение нескольких месяцев был прикован к постели больной Шпанберг.

49. Интересно, что в 1726 г. местные жители писали в Якутск: «Мы живем в Нижнекамчатске, от церкви в дальности вверх [по реке] Камчатке... где ныне острог, ясачное зимовье и наши дворы — место низкое, вешнюю водою топят и в воде жилье стоит недель по шести, а на ключах, у Никольской церкви место высокое. И посему повелено б острог, ясачную избу и наши дома туда переплавить» [45, с. 110 — 111].

50. Например, И. Ф. Крузенштерн писал: «Население Камчатки так незначительно, что нужно принять все меры, чтобы предотвра-

тить исчезновение этой расы, которое случится непременно, если не обходиться с ней более гуманно и если не обеспечить ее всем необходимым» [26, с. 345].

51. В литературе встречаются ошибочные данные о размерах бота. Так, В. И. Греков приводит ширину 16,1 м. При такой ширине судно должно было быть почти квадратным. «Св. Гавриил» иногда называют гальотом. Это неточно. Строитель его Ф. Козлов писал: «Галетов делать я не знаю, оному мастерству не учился окромя ботового дела» [39, л. 205]. В Списке русских военных судов [56, с. 722] спуск судна ошибочно отнесен к 1729 г., а строитель не указан.

52. По Дивину, судно было заложено и спущено на воду 8 июня 1728 г. в Охотске [25, с. 52]. Но непонятно, кто его строил и спускал в Охотске, если, как пишет сам автор, летом предыдущего года экспедиция ушла оттуда на «Фортуне» на Камчатку (кстати, не на одной «Фортуне», а и на старом местном судне). Неясно также, каким образом «Св. Гавриил» оказался в Нижнекамчатске.

53. То, что Чириков предложил взять переводчиков (и они были взяты), которые могли бы разговаривать с чукчами и другими народами, обитающими за Анадырем, — еще одно документальное опровержение построений Б. П. Полевого, утверждающего, что экспедиция должна была плыть на восток, в Америку.

Кстати, Беринг принимал далеко не все разумные предложения Чирикова, а некоторые даже не сходили ему с рук. Так, в 1739 г. Чириков предложил упорядочить перевозки по рекам к Охотску. Беринг же поставил его на сплав провианта, как писал в коллегию Чириков, «... не столько для исправления дела, как злобясь на меня за вышеписанное предложение, понеже прежде сего у сплавов провианта и материалов бывал временем лейтенант, а иногда один ундер-офицеры... чем явно показывается мне от г-на капитан-командора обиды» [83, л. 12]. В письме Н. Ф. Головину, отправленном в тот же день, Чириков, добавлял: «... да и прежде за предложения мои он... такими поездками мне граживал [грозил], от которых я никогда не отговаривался» [83, л. 13].

К ВЫСОКИМ СЕВЕРНЫМ ШИРОТАМ

54. Нет прямых указаний о количестве вахт. Только в журнале Чирикова (6 августа) содержится косвенное упоминание об этом: «Имели в обе вахты все паруса...» Это может означать, что каждый офицер стоял две вахты в сутки и что он пишет в данном случае о своих вахтах.

55. Такой же случай, как мы помним, имел место в Илимске, когда Чириков все подробности наблюдения за лунным затмением «оставил в особом написании», которое, как и этот «особливый чертеж», до сих пор не найдено.

56. Кстати, документы не подтверждают заявление В. Берха, что экспедиция в заливе Креста искала свежую воду и якорную стоянку. Он также ошибочно называет залив Креста губой Ночек, не показывает косы Мэзчкен, а заливом Креста именуется северную часть Анадырского залива.

57. В. Берх, опять складывая почасовые показатели скорости хода, насчитал 62 мили. Такая же ошибка повторяется у него еще несколько раз. Он также неверно указывает суточную разность широты — 8', на самом деле она составляла 12',

58. А. И. Алексеев [60, с. 292] полагал, что, так как «в проливе не был замечен американский берег, потребовалось принять решение о дальнейших планах экспедиции». На самом деле Беринг ничего не знал о местоположении Америки в этом районе и предложил офицерам высказать свое мнение потому, что исчез из виду берег Азии. Между прочим, в литературе часто встречается утверждение, что Беринг собрал совет офицеров («консилию»), на котором якобы разгорелись споры. На самом деле ни совета, ни споров не было. Более того, споры с начальником на военном корабле вообще недопустимы.

59. Чириков указывает здесь другую широту. Более вероятно представляется широта $65^{\circ}30'$, так как ее называют Беринг и Шпанберг. Возможно, Чириков не привел минуты, округляя широту.

60. Вышло упоминалось, что Л. С. Берг и другие ученые бездоказательно считали, что Чириков перепутал фамилии, поэтому упоминаемого им Петра Татаринова нужно считать Петром Поповым, который в 1711 г. со слов чукчей составил описание Аляски, найденное в 1736 г. в Якутском архиве Г. Ф. Миллером. Приняв замену Татаринова Поповым как нечто установленное, Д. М. Лебедев, например, писал: «Перегруженный текущими делами экспедиции, он, Чириков, производил сам научные изыскания... [18, с. 97]. Судя по всему, автор имеет в виду работу в архиве, где позже была обнаружена «скаска» Попова. Но вряд ли Чириков мог заниматься этим. Во всяком случае, ни в его журнале, ни в других документах нет и намек на подобные занятия. Не изменил своего мнения Д. М. Лебедев и позже [60, с. 327; 52, с. 180, 195]. Ошибочно истолковал предложение Чирикова о зимовке И. П. Магидович [63, с. 403], утверждавший, что якобы мореплаватель предлагал идти на север «по возможности до 5 сентября и там остановиться на зимовку».

61. В. И. Греков, говоря о том, что перевод ответа Шпанберга был сделан Берингом не слишком грамотно, ссылается на А. С. Полонского. О том, что документ перевел Беринг, свидетельствует отметка на переводе, о качестве же перевода можно судить только по стилю, так как подлинник ответа Шпанберга не сохранился.

62. А. И. Алексеев утверждал, что якобы Шпанберг предлагал плыть на восток [60, с. 292]. Д. М. Лебедев [60, с. 327] и В. А. Дивин [25, с. 55] ошибочно полагали, что Шпанберг советовал плыть еще три дня.

63. В литературе имеется много неправдоподобных вымыслов. Так, например, Н. К. Чуковский пишет: «У Беринга была черта, неожиданная в человеке восемнадцатого века: демократичность [?]. Во всех трудных случаях он любил советоваться, совещаться, выслушивать мнения своих подчиненных, давая им полную волю высказываться... Нередко советовался он... даже с простыми матросами» [48, с. 26]. Это явное заблуждение. Советоваться со Шпанбергом и Чириковым его обязывал Морской устав, а не черта характера. За время экспедиции он обращался к ним 4 раза, но не зафиксировано ни одного случая, чтобы он советовался не только с матросами, но даже с мичманом Чаплиным.

64. Некоторые ученые считают, что Беринг потерял землю лишь в самой северной точке своего плавания. Вот, например, что писал И. П. Магидович [63, с. 403]: «26 августа [н. ст.] достигли $67^{\circ}18'$ с. ш., где потеряли из виду землю [?]

65. Чаплин указывает несколько иную долготу — $30^{\circ}17'04''$,

В. Берх ошибочно считал, что долгота мореплавателями показана к востоку от Нижнекамчатска, а не от устья реки Камчатки. Вслед за ним ту же ошибку допустили Лаурдсен, Долл и др.

66. М. А. Ратманов — спутник И. Ф. Крузенштерна. В. И. Греков почему-то говорит не об острове, а об «островах Диомиды, открытых на обратном пути». А. В. Ефимов полагал, что не установлено, какой из островов открыла экспедиция.

67. Долл подчеркивал, в частности, что исследователям истории экспедиции не было известно о том, что «Св. Гавриил» плавал вдали от берегов, они также не имели данных о глубинах и цвете воды, о состоянии погоды и о тумане. Между прочим, Долл говорит, что он провел три лета на побережье, которое посетила и положила на карту экспедиция Беринга. «Если бы интерес к предмету, — писал ученый, — стимулировался обсуждением различных точек зрения и в результате были бы опубликованы некоторые материалы, все еще спрятанные в русских архивах, я был бы более чем вознагражден за время, которое посвятил этому вопросу, даже если бы опубликование первоисточников показало, что некоторые мои заключения плохо обоснованы или ошибочны» [70, р. 166]. Это был справедливый упрек русским ученым, которые не занимались тщательным изучением архивных материалов экспедиции.

68. Точнее говоря, подобную попытку сделал В. И. Греков [42, с. 341]: сравнил только два источника — «Краткую реляцию...» и первые показания чукчей, он пришел к заключению, что Беринг «заметно изменяет их [чукчей] слова».

69. Интересно привести мнение о чукчах и переводчиках, высказанное Ф. П. Литке, который плавал там же 100 лет спустя. «Переводчик, — пишет он, — не имея и отдаленного понятия о вещи, составляющей предмет расспроса... передает вопрос туземцу, который часто долго не может понять, чего от него хотят; какова же должна быть ясность ответа, который тем же путем возвращается к вопрошающему? К тому же присоединяется свойственная туземцам подозрительность при таких расспросах, а больше всего великое отличие их понятий от наших, даже о самых простых вещах: о большом и малом, о близком и далеком и проч... Мало полезны бывают такие переводчики, когда предмет, о котором спрашиваешь, сколько-нибудь выходит из тесного круга их понятий» [72, с. 195].

70. В данном случае Беринг приводит долготу, полученную Чириковым (у Чаплина — $30^{\circ}17'$). Это указывает на то, что начальник, очевидно, больше доверял данным Чирикова.

71. Он писал: «Надобно полагать, что капитан Беринг воротился назад потому, что, проплывши с лишком 200 миль к северу от Чукотского носа, не выдал берегов ни на восток, ниже на запад». Берх делает здесь ошибку, тем более досадную, что он имел в своем распоряжении вахтенный журнал: «Св. Гавриил», как указано выше, прошел вне видимости берегов Чукотки почти в три раза меньше [73, с. 56].

72. Ученый заявил, что Беринг «решился 16 августа воротиться с $67^{\circ}18'$ широты назад, во-первых, чтобы не быть затерту льдом [?], а во-вторых, чтоб достичь Петропавловской [?] гавани в Камчатке до наступления зимы» [74, с. 237]. Но ведь дело было в августе, судно находилось лишь у полярного круга и моряки еще не видели ни одной льдины. Петропавловской гавань была названа позже.

73. Впервые он об этом писал в книге об Аляске [76, р. 297]: «Беринг, естественно, робкий, колеблющийся и беспечный, решил не

идти дальше из опасения морозов, и вернулся через пролив, странным образом не видя ни островов Диомиды [один из них видел], ни американского берега».

74. Вот несколько эпизодов плавания Кука в этом районе в 1778 г. 17 августа: «Увидели обширное ледяное поле и продолжали путь к оному... принуждены... в широте 70°41' поворотить подле самого льда». 28 августа: «Всю ночь лавировали между плавающих льдов». 1 сентября английские моряки еще находились за 67° с. ш. [71, с. 191, 193, 194, 197].

75. Например, Л. С. Берг так и писал: «Осторожный командор присоединил свой голос к мнению Шпанберга» [32, с. 89] (звание командора Беринг получил после экспедиции, в 1730 г.).

76. По-видимому, Чириков предложил это, зная, что Беринг не согласится повторить плавание на Север в следующем году.

77. По данным Долла, затмение было 13 февраля 1729 г. (по новому стилю). Долл высказывает сомнение, что это затмение участники экспедиции могли наблюдать на Камчатке [70, р. 115].

ПЛАВАНИЕ 1729 г. И ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТОЛИЦУ

78. Конечно, здесь шла речь не о прямой видимости, так как минимальное расстояние до Командорских островов 185 км., а о миреже, явлении, благодаря которому, например, ранними ясными утрами жители Лазурного берега на юге Франции видят горы острова Корсика на расстоянии 200 км.

79. Он говорил буквально следующее: «И в 729 году при возврате во обхождении морем около южного Камчатского угла и во всей экспедиции возмемли немалой труг» [49, л. 104].

80. В указе говорилось: «...Прислать в коллегию подлинный счет с начала определения твоего в экспедицию, сколько у вас по годем и по числам было в приходе денег и провиантов и материалов и других вещей и куда в расходе. И до получения того счета более жене твоей жалования от Адмиралтейства не давать. 29 января 1729 г.» [49, л. 259].

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

81. В литературе можно встретить мысль о том, что якобы известие о давнем плавании вокруг Чукотки нашел в якутском архиве при возвращении из экспедиции Шпанберг. Это чистейшее недоразумение: Шпанберг был болен, в Якутск прибыл позже всех, находился там меньше недели и в архиве работать не мог.

82. Аналогичная оценка научных результатов экспедиции дана и в указе Сената от 16 февраля 1733 г.

83. Не менее четко говорится в другом указе Адмиралтейств-коллегии: «Для подлинного известия... имеется ль проход Северным морем, постройте дубель-шлюпки о 24 веслах каждую с палубою... и обойти угол, который на карте показан в 73 градусе» [78, л. 1059].

84. Правда, Кирилов при этом заметил в скобках «(я по исследованию некоторых конечную надежду имею, что могут)». Отсюда В. А. Дивин сделал вывод, не следующий из контекста: что будто Кирилов «был уверен [?] в том, что Азия отделяется от Америки проливом. и твердо [?] высказал мысль о возможности плавания из Северного Ледовитого океана в Тихий океан» [61, с. 76]. Но как же

можно ставить знак равенства между понятиями «надежда» и «уверенность»?

85. Непонятно утверждение А. И. Андреева [80, с. 41], что долготу Камчатки и Тобольска впервые определил Делиль. На самом деле это сделано Первой Камчатской экспедицией.

86. Французский ученый Г. Каан считает, что была скопирована карта Гомана 1722 г. Что эта карта имела у Беринга, подтверждает русский путешественник Д. Мессершмидт, который встретил моряков в Енисейске.

87. Капитан сообщил в якутскую канцелярию: «3 апреля 1726 г. писал ко мне его графское сиятельство Савва Владиславич и требовал от меня чертежа о здешнем крае и о реках Уде и Амуре, о чем подлинного не имеем, а сыскался в Иркутку старой чертеж, с которого хотел снимать копию и послать к его сиятельству; и для того требуем Якуцкого сына боярского Ивана Львова на время» [41, л. 85].

88. А. И. Андреев [17, с. 9] и В. И. Греков [42, с. 39] утверждают, что эта карта послана в коллегию в июне 1727 г. Это неправильно. Точно известно, что Беринг выслал карту из Охотска за день до выхода в море, т. е. 21 августа, вместе с рапортом.

89. Итоговая карта, названная картой «Всего бытия нашего от Тобольска реками и морем до возврату», была выполнена зимой 1728—1729 гг., между двумя плаваниями, а не в 1730 г., как думал А. И. Андреев [81, с. 51]. Начало 1730 г. члены экспедиции провели в дороге, а прибыв в столицу, они привезли готовую карту.

90. В. И. Греков утверждает, что итоговая карта была приложена к двум отчетам: к рапорту от 10 февраля 1730 г. и к «Краткой реляции...» В действительности (как отмечено выше) рапорта от 10 февраля не существовало, а то, что карта была приложена к Реляции, не подтверждается документами. Наоборот, в донесении Сенату даже 4 августа 1730 г. Беринг писал о карте: «Уповаю, что в... Сенат из гос. Адм. коллегии предложено» [27, л. 4].

91. Б. Г. Островский утверждает, что «ни веденный Берингом журнал похода, ни его карта... до сих пор не разысканы ни в подлиннике, ни в копии» [82, с. 125]. Однако журналы, как мы видели, частично были использованы Нагаевым, Берхом, Вахтиним и не терялись, но по-настоящему не были изучены. А. И. Андреев [81, с. 46] пишет, что все подлинные журналы отправили в Тобольск, где они сгорели в 1787 г. Это неточно в отношении журнала Чирикова и ряда других документов, они сохранились. В. И. Греков нашел возможным заявить [42, с. 339], что «В. Н. Берх *приписывает* А. И. Чирикову ведение и судового журнала, который был подшит к журналу П. А. Чаплина». А у М. И. Белова [65, с. 156] мы встречаем указание, что «журнал бота «Св. Гавриила» до настоящего времени не обнаружен, причем неизвестно, велся ли он вообще». Ученый в виде догадки высказал бесспорный для нас факт, что журнал Чаплина, — добавим, и журнал Чирикова, — является журналом «Св. Гавриила».

92. Известно, что еще в 1760 г. в замечаниях к книге Вольтера по истории России при Петре I, М. В. Ломоносов, говоря о Второй Камчатской экспедиции, решительно заявил, что Чириков «был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей» [23, с. 363].

93. Вот некоторые документальные свидетельства незаурядных способностей Чирикова. В журнале протоколов Адмиралтейств-коллегии (20 января 1725 г.) записано: «...Унтер-лейтенанта Алексея

Чирикова, хотя еще до него и линии не пришлось, написать в лейтенанты... шаяубенахт Сандерс объявил, что ко обучению гардемарин из морских офицеров искуснее явился оный Чириков; да по свидетельству профессора, что он, Чириков, науки знает. А гвардии капитан Казинский показал гардемарин 142 человека, которые разные науки обучили через оного Чирикова, да и для того, что оного Чирикова велено ныне послать в назначенную экспедицию. А о выше писанных его Чирикова науках и в деле его паче других его братьи искусства, Адмиралтейств-коллегия известна, и он того чина достоин... того ради надлежит на то смотреть другим служителям во флоте и в практиках искусств и услуги свои во всеусердии показывать, за что... в повышении рангов своих, так как и оный Чириков, награждены быть имеют» [15, ч. IV, с. 698]. Коллегия постановила найти для Морской академии на место Чирикова «навигаторов из вышних наук достойного». Но уже 26 января 1725 г. на заседании коллегии читано донесение начальника академии, что вместо Чирикова «ко обучению для надзирания к гардемаринам... навигаторов не имеется» [38, л. 326].

94. В том, что Чириков был смелым и предприимчивым исследователем, убеждает, в частности, такой факт. Весной 1740 г., не надеясь, что Лаптеву удастся обогнуть Чукотку морем с запада на восток, Чириков, как он сам писал, — «предложил словесно в разсуждение г. капитан-командору, не отправит ли меня на брегантине... осмотреть места, лежащие от Камчатки меж норда и оста, против Чукоцкого носа и против западной стороны Америки». Беринг отказал. Это красноречивый ответ тем, кто считает, что Чирикову легко было вносить предложения во время плавания в проливе в 1728 г., поскольку он не был командиром и не отвечал за людей и корабль. Кстати, Чириков уже в 1733 г. определил, «что Америка не весьма далече от Чукотского восточного угла, лежащего в 64-х градусах... Дойти до Чукотской земли, до 65 градусов и... на ост, за малый остров, который в первом походе видели, даже до Америки...» (Мнение Чирикова от 12 февраля 1733 г.) [27, л. 436—437].

95. Если подпись Чаплина встречается на копиях карт, а судовой журнал он вел не один, то уж «отчетов экспедиции», он никогда не писал. Беринг никому не доверял составлять их.

96. Что Чаплин не сразу освоил даже копирование карт, конечно подтверждается тем, что в 1726 г. Беринг для копирования вынужден был привлечь Ивана Львова.

97. В указе Сената говорилось: «Присланные в Сенат журналы капитан-командора Беринга и бывшего при нем поручика Чирикова отослать в оную коллегию» [84, л. 109].

98. Можно полагать, что подлинная карта — оригинал, которая составлялась на «Св. Гаврииле» во время плавания и которую Чириков называет «рисунком» и «чертежом», начисто была перечерчена на берегу. Оригиналы, выполненные во время плавания, также до сих пор не найдены.

99. Перечисленные неточности не уменьшают общей высокой оценки результатов картографической работы экспедиции, но вполне могут умерить дифирамбы Лауридсена, без всяких оговорок и без анализа утверждающего, что Беринг сделал «точные карты, в которых не было ничего мнимого».

100. Карта 1733 г. опубликована в книге Свена Вакселя [9], а карту 1731 г. издал Голдер [109]. Обе они близки, но не тождественны. Кстати, Миллер [35, л. 10], а в наше время Андреев

[80, с. 39] ошибочно считали, что Делиль составил лишь одну из них (1733 г.). Карты Делиля опровергают утверждение Берга [32, с. 347] о том, что результаты картографической работы экспедиции впервые нашли отражение на карте Кирилова в 1734 г.

101. Ефимов отмечает, что профессор Российской академии Бернулли публично обвинил Делиля в том, что тот переслал копии карт во Францию.

Шумиха вокруг документов Первой Камчатской экспедиции среди иностранцев в Петербурге прекратилась далеко не сразу. Так, в «Протоколах заседаний Конференции Академии наук» [88, с. 166 и 180] в 1735 г. есть следующие записи: «В. пр-во, дайте переписать нотариусу описание предпринятого в 1725 г. путешествия на Камчатку, написанное на немецком языке и переведенное на французский» (7 марта). «В. пр-во передало нотариусу журнал Беринга об экспедиции на Камчатку в 3-х экземплярах. Старый французский экземпляр получит Делиль, т. е. он ему принадлежит. Два других экземпляра, переписанных на французском и немецком языках, получите Вы. Оригинал вышеуказанной копии на немецком языке взял г-н проф. Виндсгейм» (31 марта).

102. Часто предложения Беринга ошибочно рассматриваются как составленные им по собственной инициативе.

103. С легкой руки Берха возникло ошибочное представление, что Беринг разработал свои предложения в апреле 1730 г. Это документально опровергается делами Сената. Мы приводим предложения Беринга по подлиннику, хранящемуся в фонде Сената [27, л. 77—82] (запись под 4 декабря 1730 г.). Впервые они опубликованы Берхом, но только начальные части всех пунктов. Соколов дает предложения полностью, но также с отдельными опечатками и путаницей в последовательности изложения, например, в § 15 [94, с. 427—433].

104. Андреев, в частности, писал: «Сразу же по возвращении из экспедиции Беринг также стал *настоячиво добиваться* принятия разных мер по благоустройству далекой окраины государства...» [17, с. 12].

105. По-видимому, финансовые документы экспедиции были изрядно запутаны. Беринг не любил ими заниматься. Эта черта проявлялась у него и раньше, о чем свидетельствует сохранившийся в архиве документ о временном отрешении его в 1716 г. от командования кораблем «до подачи счетов в издержанных казенных деньгах во время плавания» [96, л. 197].

106. Проект Головина состоит из краткого введения, трех основных пунктов и десяти пунктов, раскрывающих «государственную пользу» кругосветного плавания. Он составлен 21 октября, а не 1 октября, как пишет Дивин [61, с. 66]. Первым об этом проекте сообщил в печати, кажется, Г. А. Сарычев в 1820 г.

107. Проект состоит из девяти параграфов, причем последний параграф развернут в 15 отдельных пунктов, показывающих преимущества кругосветного плавания. Написан он на очень трудном старом немецком языке.

108. Так, в инструкции от 16 марта 1733 г. (в 6-м пункте) предписывалось: «Для сыскания ближайшего пути к Камчатскому морю, не заходя в Якутск... чтоб командированы были геодезисты два человека с тамошними сибирскими знающими людьми...» В отчете, подписанном Берингом, Чириковым и другими офицерами, сообщалось, что с 1734 г. дважды посылали из Иркутска через

Нерчинск известных геодезистов Петра Скобельцына и Василия Шатилова на поиски удобных путей, но неудачно.

109. Нельзя согласиться с мнением, что автор ее — сам Беринг [52, с. 196]. Во-первых, в статье содержатся нелепые ошибки, которых он никак не мог допустить (что якобы в экспедиции было «великое число офицеров», что на север плавало два судна, а Камчатка простирается до 67° с. ш.); во-вторых, Берингу приписывается, что он узнал от сибиряков о каком-то судне, 50—60 лет назад плававшем из Лены до Камчатки. (Греков, несмотря на полное несоответствие данных, считает сообщение об этом судне первым упоминанием в печати о походе Дежнева.)

Авторство же Миллера косвенно подтверждается тем, что, будучи редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» и, конечно, зная, кто написал статью, Миллер позже (в ответе Делилю) не назвал имени автора, заявив: «Беринг в Камчатке, может быть, не слыхал о пришедшем на реку Лиму судне, ибо и в ведомости о его путешествии об оном не упомянуто» [35, л. 8].

110. Этот ученый, находясь на службе в России, отправлял во Францию секретные русские карты целыми ящиками, используя дипломатическую почту. Он был тайным агентом морского министерства Фрэнции, получал 3 тысячи франков жалованья в год и пожизненную ренту в размере двух тысяч франков.

111. Сначала он опубликовал в Берлине (1753 г.) анонимное «Письмо из России морского офицера к некоторой знатной персоне...» (вскоре оно было издано также в Амстердаме и Лондоне) [102], в котором разоблачил фальсификацию Делиля.

112. Положительную оценку его дал великий М. В. Ломоносов, пользовавшийся им при разработке своего проекта открытия северо-восточного прохода [23, с. 604]. Высоко оценили его и многие западные ученые. Например, Голдер писал: «В высшей степени важной явилась работа Миллера... Хотя с тех пор было истрачено много бумаги и чернил при освещении этой истории, однако очень мало нового прибавилось к нашим знаниям по данному предмету» [31, р. 339].

113. Долл, отметив, что Лауридсен «является жертвой узко националистического духа, который иногда путают с патриотизмом» Лауридсен пытался искать документы в русских архивах, однако из-за языковых трудностей отказался от этого.

114. Голдер также работал в архивах России и даже выпустил Путеводитель к материалам по истории Америки в русских архивах (1917 г.). Однако найти новые документы, относящиеся к Первой Камчатской экспедиции, ему не удалось. Во второй своей книге [109] он повторяет в основном материал первой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке. XVII—XVIII вв. Сост. А. В. Ефимов, М. И. Белов, О. М. Медушевская. Под ред. и с введен. чл.-кор. АН СССР А. В. Ефимова. М., 1964.
2. Белов М. И. Подвиг С. Дежнева. М., 1973.
3. Наврот М. И. Предварительное соображение о рукописной карте Сибири начала XVIII века. — «Ежегодник Гос. истор. музея за 1958 г.». М., 1960.
4. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. — Сб. докум. Л. — М., 1952.
5. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.
6. Кушнарев Е. Г. Нерешенные вопросы истории Первой Камчатской экспедиции. — В кн.: Русские арктические экспедиции XVII—XX вв. Л., 1964.
7. Экспедиция Беринга. Сб. докум. Подгот. к печати А. Покровский. М., 1941.
8. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. Л., 1935.
9. Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л. — М., 1940.
10. Перевалов В. А. Труды Ломоносова по географии северных полярных стран. — В кн.: Ломоносов. Сб. статей и материалов. М. — Л., 1940.
11. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Спб., 1873.
12. Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому, по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. Спб., 1871.
13. Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.
14. Покровский А. А. Беринг и его экспедиция (1725—1743 гг.). — В кн.: Экспедиция Беринга. М., 1941.
15. Материалы для истории русского флота. Спб., ч. 4, 1867; ч. 5, 1875; ч. 7, 1879.
16. Центральный гос. архив древних актов (ЦГАДА), ф. 397, оп. 1, д. 265.
17. Андреев А. И. Экспедиция Беринга. — «Изв. Всес. геогр. о-ва», 1943, т. 75, вып. 2.
18. Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М. — Л., 1950.
19. Белов М. И. Дания и Витус Беринг. — В кн.: Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв. М. — Л., 1965.
20. Зубов Н. Н. Русские мореплаватели — исследователи морей и океанов. — В кн.: Русские мореплаватели. М., 1953, с. X.
21. Полевой Б. П. Главная задача Первой Камчатской экспедиции по замыслу Петра I (О новой интерпретации инструкции Витусу Берингу 1725 г.). — «Вопросы географии Камчатки», 1964, вып. 2.
22. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., т. 2, 1968.
23. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., М. — Л., т. VI, 1952.

24. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849 — 55 гг. М.—Л., 1947.

25. Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971.

26. Кушнарев Е. Г. Проект кругосветного плавания Кру-зенштерна. — «Изв. Всес. географ. о-ва», 1963, т. 95, вып. 4.

27. ЦГАДА, ф. 248, д. 666.

28. Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Ака-демии наук в XVIII и XIX вв. М.—Л., 1940.

29. Ефимов А. В. Из истории великих русских географиче-ских открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII— первая половина XVIII в. М., 1950.

30. Записки Гидрографического департамента Морского министерства, 1852, ч. X.

31. Golder F. A. Russian expansion on the Pacific, 1641—1850. Cliveland, 1914.

32. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742. М.—Л., 1946.

33. Центральный гос. архив ВМФ (ЦГАВМФ), ф. 223, оп. 1, д. 29.

34. ЦГАВМФ, ф. 212, д. 30.

35. Архив АН СССР, р. IV, оп. 1, д. 99.

36. ЦГАВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 235.

37. ЦГАВМФ, ф. 186, оп. 1, д. 47.

38. ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 7, д. 48.

39. ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 87.

40. ЦГАВМФ, ф. 186, оп. 1, д. 43.

41. ЦГАВМФ, ф. 216, д. 88.

42. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.

43. Новлянская М. Г. Д. Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири. — «Изв. Всес. геогр. о-ва», 1962, т. 94, вып. 3.

44. ЦГАДА, ф. Илимская воеводск. канц., д. 192.

45. «Морской сборник», 1869, № 4.

46. Полонский А. С. Первая Камчатская экспедиция Бе-ринга 1725—1729 гг. — «Зап. Гидрограф. деп-та», 1850, ч. VIII.

47. ЦГАВМФ, ф. 408, ч. 1.

48. Чуковский Н. К. Беринг. М., 1961.

49. ЦГАВМФ, ф. 216, д. 110.

50. «Записки гидрограф. деп-та», 1850, ч. VIII.

51. ЦГАДА, ф. 7 (Госархив), д. 477.

52. Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., 1971.

53. Вахтин В. В. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. Спб., 1890.

54. Архив Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) АН СССР, ф. 209, оп. 1, д. 1.

55. «Морской сборник», 1869, т. CI, № 4.

56. Список русских военных судов. Спб., 1872.

57. ЦГАВМФ, ф. 216, д. 3.

58. ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2

59. Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—29 годах, Спб., 1835,

60. Люди русской науки, кн. 2, М., 1962.

61. Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чи-риков. М., 1953.

62. История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969.

63. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1957.

64. Русские мореплаватели. М., 1953.

65. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. Под ред. Я. Я. Гаккеля и др. М., 1956.

66. ЦГАДА, ф. 192.

67. ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4.

68. Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледо-витому и Восточному морю, с российской стороны учиненных. — «Соч. и переводы, к пользе и увеселен. служащие», 1758, т. VII, январь — май; т. VIII, июль — сентябрь, ноябрь.

69. [Halde J. B. du]. Description géographique, historique, hronologique, politique et phisique de l'Empire de la Chine, et de la Tartarie Chinoise. Vol. IV. Paris, 1735.

70. Dall W. H. Critical review of Bering's first expedition 1725 — 30. — «The national geographic magazin». 1890, vol. 11, № 2.

71. Кук Д. Путешествие в северный Тихий океан. . . ч. II, Спб., 1810.

72. Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—29 годах. М., 1948.

73. Берх В. Н. Первое морское путешествие россиян, пред-принятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана I ранга Витуса Беринга. Спб. 1823.

74. Бэр К. М. Заслуги Петра Великого по части распростра-нения географических познаний. — «Зап. Рус. геогр. о-ва». 1849, кн. 3 и 1850, кн. 4.

75. Lauridsen P. Russian exploration, 1725—1743. Vitus Be- ring: the discoverer of Bering Strait. Chicago, 1889.

76. Dall W. H. Alaska and its Resources. Boston, 1870.

77. Добровольский А. Д., Залогин Б. С. Моря СССР. М., 1965.

78. ЦГАВМФ, ф. 216, д. 24.

79. Полное собрание законов Российской империи. Спб., т. VIII, 1830.

80. Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в первой четверти XVIII в. — «Изв. Всес. геогр. о-ва», 1943, т. 75, вып. 3.

81. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVIII в. (первая половина). М.—Л., вып. 2, 1965.

82. Островский Б. Г. Беринг. Л., 1939.

83. ЦГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 340.

84. ЦГАДА, ф. 248, д. 664.

85. Cook J. and King J. A voyage to the Pacific Ocean. Vol. II. London, 1785.

86. ЦГАДА, ф. 192 (Карты Иркутской губернии).

87. Материалы для истории Академии наук, т. V, 1742—1743. Спб., 1889.

88. Протоколы заседаний Конференции Академии наук. Т. 1, Спб., 1897.

89. Багров Л. С. Карты Азиатской России. Исторические заметки. Пг., 1914.
90. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1, М.—Л., 1937.
91. Wagner H. R. The Cartography of the North-West Coast of America to the year 1800. Berkeley, 1937.
92. Фель С. Е. Картография России XVIII в. М., 1960.
93. ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 3, д. 906.
94. Соколов А. П. Северная экспедиция 1733—43 гг. — «Зап. Гидрограф. деп-та», 1851, ч. IX.
95. ЦГАВМФ, ф. 212, отд. II, д. 2.
96. ЦГАВМФ, ф. 233, д. 246.
97. ЦГАДА, ф. 248, д. 159/2030.
98. ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XXIV, д. 8, 1732.
99. ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XXI, д. 9 (доп.).
100. Пикуль В. «Слово и дело». Кн. 2. Л., 1975.
101. Архив ЛОИИ, АН СССР, ф. 36 (Воронцовых), коллекц. 40, оп. 1, д. 70.
102. Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 5, д. 159.
103. Краткая реляция о Сибирской экспедиции флота капитана Беринга, Спб., 1824.
104. Соколов А. П. Назначение Первой Беринговой экспедиции. — «Зап. Гидрограф. деп-та», 1851, ч. IX.
105. «Северная пчела», 1849, №№ 93, 133.
106. «Русский инвалид», 1849, №№ 121—123.
107. Кушнарев Е. Г. Рейс через Сибирь Первой Камчатской экспедиции. — «Сибирские огни», 1962, № 9.
108. Bancroft H. N. The works. Vol. 33. History of Alaska 1730—1885. San Francisco, 1886.
109. Golder F. A. Bering's voyages. Vol. 1, N—Y, 1922.
110. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. 1725—1742. М.—Л., 1924.
111. Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.

Евгений Григорьевич Кушнарев

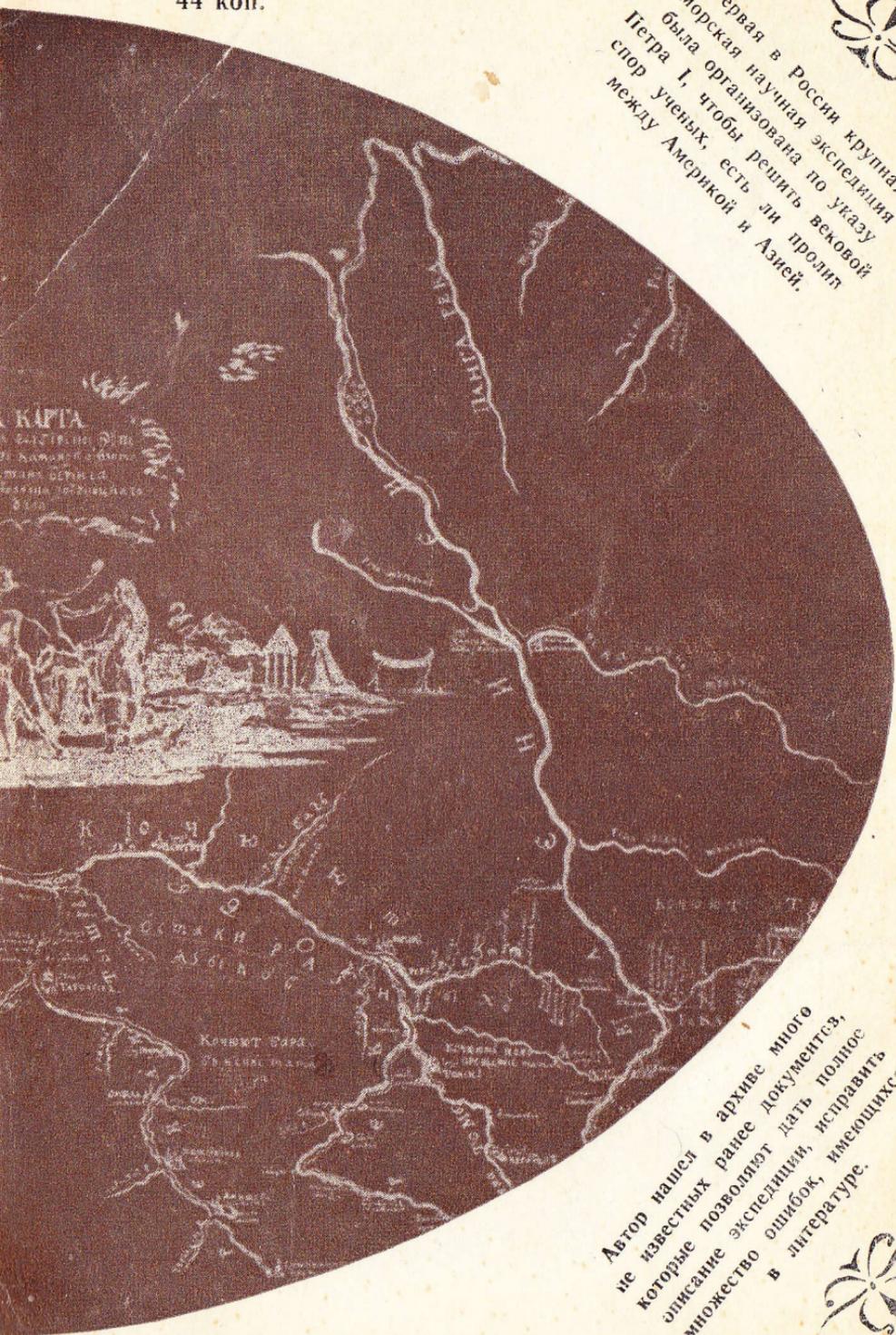
В ПОИСКАХ ПРОЛИВА

Первая Камчатская
экспедиция
1725—1730

Редактор Л. П. Жданова. Художник Э. Д. Кузнецов.
Худож. редактор В. А. Баканов. Технич. редактор М. И. Брайнина.
Корректор В. И. Гинцбург

Сдано в набор 30/XII 1975 г. Подписано к печати 26/V 1976 г. М-19714.
Формат 84 × 108^{1/2}. Бум. тип. № 1 и мелованная. Усл. печ. л. 10,08.
Уч.-изд. л. 10,96. Тираж 50 000 экз. Индекс ПЛ-147. Заказ № 77. Цена 44 коп.
Гидрометеиздат. 199053. Ленинград, 2-я линия, д. 23. типография им. Котлякова издательства «Финансы» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
191023, Ленинград, Д-23, Садовая, 21.

Первая в России крупная морская научная экспедиция была организована по указу Петра I, чтобы решить вековой спор ученых, есть ли пролив между Америкой и Азией.

Автор нашел в архиве много не известных ранее документов, которые позволяют дать полное описание экспедиции, исправить множество ошибок, имеющихся в литературе.

